

Люби меня
по-французски

МЕЛАНН ХАРЛОУ

Когда Такер Бренч, бабник-наследник "Болт и Шуруп Бренч", портит всё и свинчивает за неделю до их свадьбы, Миа Девин не хочет ничего, кроме как свернуться под ее новым постельным бельем с монограммами и планировать похороны своего достоинства. Но ее подруги утверждают, что горькое послевкусие становится приятнее, когда утопает в Бордо, поэтому Миа стискивает зубы и пакует свои чемоданы, решив устроить незабываемый медовый месяц в Париже в одиночку. Но она никак не планировала встретить Лукаса Фурнье. Беззаботный бармен, который так симпатично выглядит и напрочь не умеет сочувствовать, поначалу раздражает ее, но, когда она принимает его предложение показать ей город, то обнаруживает, что романтика Парижа – это не просто миф. Так же, как и одновременный оргазм. Последнее в чем Миа нуждается - это еще один обреченный роман, но так как у нее есть всего неделя, она думает, что возможно стоит насладиться жизнью, наполненной оргазмами с Лукасом, пока она может. Но каждый день - и ночь - с Лукасом, лучше предыдущей, и внезапно сердце подсказывает ей, что это больше чем мимолетное увлечение. Возможно, всё это просто очарование Парижа... или всё же что-то настоящее?
18+

Мелани Харлоу

Люби меня по-французски

Пять Причин (Из Ста) Почему Я НИКОГДА Не Покину Этот Шалаш Из Одеял:

- 1) Двести двадцать, написанных от руки, приглашений.
- 2) Сшитое вручную платье от Веры Вонг за восемнадцать тысяч долларов.
- 3) Полторы тысячи роз сорта «Фелисите», привезенные из Эквадора.
- 4) Свадебное фото на текущей обложке журнала «Шикарная свадьба».
- 5) Сообщение от жениха, отменяющего свадьбу мечты всего за неделю до нее.

Я бросила ручку на пол и прикрепила листок бумаги к изголовью своей кровати. Если бы кто-нибудь сумел пройти через мою закрытую дверь, они могли бы прочитать список и не приставать ко мне, пока не услышат остальные девяносто пять причин.

— Миа, пожалуйста. Ты должна выйти оттуда. — Коко дернула ручку двери, прежде чем снова постучать.

— Нет, я не выйду. — Я натянула чистую простынь на голову и затащила свою подушку внутрь палатки. На наволочке темно-синими нитками было вышито «ТМБ», что означало Такер и Миа Бренч. Набор постельного белья с монограммами был свадебным подарком молодоженам, наряду с полотенцами с монограммой, одеялом, несколькими подушками и даже халатом. Самым мягким и самым удобным халатом во вселенной. Испорченным инициалами Такера Бренча.

— Тогда ты должна впустить нас.

— Зачем? У тебя есть вино?

— Сейчас девять утра!

— И?

— Миа, пожалуйста. Ты не должна выходить. Я просто хочу поговорить с тобой. Давай, мы... составим список чего-нибудь. Ты же любишь составлять списки.

Да, я любила составлять списки. Они успокаивали меня, заставляли чувствовать, что у меня все под контролем, что я держу все в своих руках и следую плану. Но по всему полу были разбросаны смяты

списки с такими названиями, типа: «Обделаться в Свои Штаны На Публике» или «Что-то Другое, что ПОЧТИ такое же Унизительное, как Это, Но Не Совсем» и «Не 10, не 50, 100 причин, почему Такер — Факер» (прим. пер. рифма Tucker и Fucker, Fucker по англ. — Мудак), и я была уверена, что мне не станет лучше, если я составлю еще один.

— Никаких списков. И кто это «мы»? Кто еще там? Я сказала тебе, не впутывать мою маму снова.

— Нет, твоя мама уже на обратном пути в Чикаго. Это просто Эрин. Она сделала кофе.

На самом деле, кофе звучал очень хорошо. Может быть, не так хорошо, как вино, но на втором месте. Я засомневалась, и Коко почувствовала мое колебание.

— Ты можешь добавить туда немного Бейлиса, — уговаривала она.

Достаточно неплохо. Я сбросила с себя простынь и соскользнула с кровати, королевского размера чудовища, с ужасно неудобным матрасом, которую Такер купил только потому, что она была самая дорогая в магазине. Я сказала ему, что она была слишком мягкой для меня, но он из тех типов людей, которые предполагают, что самый дорогой бренд всегда самый лучший. Теперь я осталась спать на ней в одиночку.

Одна, между дорогими простынями с монограммой «ТМБ», на дорогом мягком матрасе, в дорогом гребаном доме в пригороде, которым я даже не владела. Я выехала из своей холодной квартиры в центре Детройта несколько месяцев назад, и там был лист ожидания, чтобы попасть обратно в то здание.

КЧМЖ (прим. пер. — «К черту мою жизнь»). Вот такую монограмму мне нужно сделать на всех этих простынях.

Это подало мне идею, которая немного улучшила мне настроение, поэтому после того как открыла дверь, я пошла в примыкающую ванную и достала из ящика свои маникюрные ножнички. Я старалась не смотреть на себя в зеркало: я почти уверена, что принимала душ, по крайней мере, один раз на этой неделе, но мои вьющиеся волосы выглядели так, будто я засунула пальцы в розетку, а затем по мне проехала Замбони (при. пер. — ледозаливочная машина). Много раз.

По крайней мере, именно так я себя и чувствовала.

Когда я вышла, Коко уже раздвинула шторы и открыла окно в комнате. На ней были шорты для бега и худи, а ее длинные черные волосы были собраны в хвост.

— О боже мой, Миа. Здесь так душно.

— Ты сама хотела войти, — напомнила я ей. Я села на кровать и положила большую подушку себе на колени. Затем я начала аккуратно удалять монограмму.

Коко ахнула.

— Что ты делаешь? Это дорогое постельное белье! — она пыталась отобрать у меня подушку, но я крепко ее держала.

— Я убираю монограмму с его именем. Подожди, я думаю, что оставлю М. Нужно избавиться только от инициалов Факера.

Коко вздохнула, отпустила подушку и села на кровать рядом со мной.

— И от этого ты почувствуешь себя лучше?

Я пожала плечами, когда вернулась к работе. Надрез. *Уходи, ТБ. Навсегда, черт побери.*

— Возможно.

— Ты панируешь вырезать его имя со всего этого? — она посмотрела вокруг. — Это займет некоторое время.

— У меня есть время. Я взяла несколько недель выходных, помнишь? Потому что я должна была выйти замуж сегодня и поехать завтра во Францию. — Слова были такими горькими на моих губах, что я захотела сплюнуть, после того как произнесла их.

— Ну, я могу придумать гораздо больше веселых занятий, чем это. Даже собираться на работу лучше, чем это. — Она покачала головой и указала на меня. — Ты покинешь дом сегодня, даже если мне придется вытащить тебя за волосы в стиле пещерного человека. Я больше не могу видеть тебя в этом депрессивном унынии.

Я приподняла бровь.

— Ты не слышишь меня? Это должен быть день моей СВАДЬБЫ. Сейчас это фиаско стоимостью в целое состояние.

Она посмотрела на меня.

— Я слышу тебя. И я знаю. Я же помогала планировать твоё фиаско, стоимостью в целое состояние. Но прошла неделя, с тех пор как Такер отменил его, а ты все еще скрываешься здесь.

— Ура, ты очнулась, — Эрин вошла в комнату с подносом и поставила его на кровать. На нем было три чашки кофе, кувшинчик сливок и сахарница. На одной кружке сбоку было

написано «Бренч Индастри», а на другой было наше с Такером фото, подарок от его маленькой племянницы, одной из немногих в его семье, по кому я буду скучать. Но красивое лицо Такера заставило мой желудок скрутиться.

Я посмотрела на Эрин уничижительным взглядом.

— Коко сказала, здесь должен быть Бейлис.

Эрин закатила глаза и вышла из комнаты, чтобы достать выпивку.

— Он в баре в гостиной! — крикнула я. — Принеси всю бутылку.

— Вот. Возьми эту, пожалуйста. — Коко протянула мне кружку с логотипом компании «Девин Ивентс» сбоку, которая организовывало наше мероприятие.

— Я подожду ликер, — сказала я, возвращаясь к вырезанию. Когда с первой огромной подушкой было покончено, я потянулась за второй. — Ты же знаешь, я никогда не любила это постельное белье. Я не хотела простое белое. Я хотела голубое с узорами. Хотела немного гребаного цвета.

Коко подняла отброшенную подушку и оперлась на нее подбородком.

— Тогда почему ты внесла в список белый?

— Потому что Такер настоял. Он сказал, что я могу спланировать свадьбу как хочу, но он выберет дизайнера внутреннего интерьера.

— Что он имеет против цветного? — она огляделась вокруг. Все в комнате было белое, темно-синее или серое.

— Понятия не имею. Но любимый цвет парня — светло-серый. Весь этот дом выглядит как один гигантский хреновый пасмурный день

Уголки рта Коко поднялись.

— Шутка. Это хороший знак.

Я перестала резать и встретила ее взгляд.

— Это была не шутка.

— Ну давай же, Миа. — Она забрала ножницы из моей руки и отложила изуродованную наволочку в сторону. — Время покончить со всем этим. Знаешь, там снаружи есть и другие яркие цвета. И вино. И мясо. Когда ты в последний раз ела что-нибудь существенное?

Я пожала плечами.

— Я не знаю. — Семь дней, с тех пор как я получила «Дорогая Джейн»^[1] сообщение от Такера, были размытыми — я помню, как в первый день пыталась дозвониться до него, успеха я добилась только на второй, когда он наконец ответил на мои неистовые звонки (из Вегаса, заметьте), потом было много криков, плача и бросания телефона. День третий, четвертый и пятый были наполнены вином, начес и общением с моей матерью. В день шестой и седьмой я была занята только лежанием в кровати и составлением списков. А теперь порчей наволочек. Я стрельнула взглядом на дверцу его шкафа как лазерным лучом — может быть, его драгоценные, сделанные на заказ костюмы будут следующими.

Я снова потянулась за ножницами, когда Эрин вернулась с Бейлисом и налила по порции в каждую кружку. Это на самом деле заставило меня немного улыбнуться: мои девочки никогда не позволят мне пить одной.

Она протянула Коко «Бренч Индастри» кружку, а сама подняла кружку с фото.

— За то, чтобы пробудиться и начать все с чистого листа.

— Ура. — Коко чокнулась кружками с Эрин. — Я только что говорила ей то же самое. У тебя впереди целая жизнь, Миа. И мы уже решили, что не было бы счастья, да несчастье помогло. Он не заслуживал тебя. — Она коснулась моей кружки своей, перед тем как

сделать глоток.

— Ты решила это. Я никогда не буду чувствовать, что это унижение ничто иное, кроме наказания.

— Наказание за что? — спросила Эрин. — За что тебя нужно было наказать?

Я застонала.

— Боже, так много всего... За то, что игнорировала всех, кто говорил, что Такер никогда не остепенится, и доказывала, что они неправы. За то, что игнорировала этот маленький голосок в глубине своего мозга, который говорил мне, что что-то не так. За то, что отказывалась признаться кому-нибудь, даже самой себе, что между нами не все идеально, и что может быть, женитьба не была хорошей идеей.

— Даже так ты не заслуживаешь наказания. — Эрин потерла мою ногу. — Ты человек, Миа. Мы все совершаем ошибки.

— Это было больше, чем просто ошибка. Я умышленно игнорировала любой знак, что я принимаю неправильное решение. Все, о чем я могла думать — это сыграть свадьбу мечты. И это была глупая идея. — Злость на саму себя переплелась с гневом на Такера и завязалась в узел, потянув мышцы моего живота так, что они даже заболели.

— Видишь? Об этом я и говорю, — утешала Коко. — Глубоко внутри ты знала, что это случится. Лучше узнать сейчас, прежде чем ты бы вышла замуж за него, верно?

Я закрыла глаза и поднесла кружку к губам. Горечь французского кофе, смешанного со сладостью Бейлиса, на вкус была такой приятной, что я сделала еще два глотка, прежде чем начала говорить:

— Я знаю. Головой я понимаю, что ты говоришь правду, но я могу думать только о тысяче маленьких деталей, которые должны были сделать этот день самым грандиозным, самым лучшим днем моей жизни. — Я показала жестом на дверцу своего шкафа, в котором все еще висело свадебное платье, обернутое в защитный чехол. — Там мое свадебное платье. За которое я заплатила сама. Которое я должна была надеть сегодня в пять часов, когда четыреста с лишним людей смотрели бы, как я иду к алтарю на крыше «Ритц». О, боже! — я посмотрела на Коко с паникой. — Скажи мне, что кто-нибудь позвонил в «Ритц».

Она погладила мою руку.

— Об этом позаботились. И ты так много работала со всеми этими поставщиками, что большинство из них даже не удержали твой задаток.

Облегчение ослабило напряжение в моих плечах. За последнюю неделю я сильно выпала из этого всего, и сейчас я не была уверена, что все сделано. За всю мою карьеру у меня была только пара клиентов, которые отменяли свадьбу, но никогда не было, чтобы всего за неделю до нее. — Это был не мой задаток. Они могут забрать деньги Такера, мне все равно. От него не убудет. — Я сделала еще один глоток кофе. — Что насчет гостей?

— Сделано, — сказала Эрин. — Тебе не о чем беспокоиться, кроме как о том, чтобы двигаться вперед.

— Я как раз делаю это, — я подняла подушку с дыркой в наволочке. — Видишь?

Эрин побледнела, а это нелегко для девушки со светлым ирландским цветом лица.

— Я просто уберу это платье отсюда, хорошо, милая? Скоро вернусь. — Она поставила кружку на поднос, схватила платье и выбежала из комнаты с беспокойным выражением лица.

Я смотрела, как она уходит, и мое сердце сжалось.

— Это платье было тем самым, Коко. Я почувствовала это в том момент, когда надела

его. Теперь я никогда не надену его снова.

— Может, и наденешь, — сказала Коко обнадеживающе. — Как знать.

— Я не могу. Я умру старой девой, равнодушной и одинокой. У меня даже никогда не будет котов, потому что у меня на них аллергия.

Она закатила глаза.

— Миа, пожалуйста. Тебе двадцать семь.

— Но я хотела быть замужем к двадцати восьми, и сейчас это невозможно! Я хотела начать создавать семью к тридцати, а сейчас я должна отказаться и от этого плана тоже.

— Сейчас твои слова звучат просто смешно. Твоя matka не сморщится и не умрет к тридцати.

— Извини за то, что мои мечты такие смешные. — Я выпятила подбородок. — Но вот так я себя чувствую.

Она погладила меня по спине.

— Ты хочешь еще поговорить об этом?

— А что я могу еще сказать?

— Я не знаю. Ты... ты расстроилась из-за того, что потеряла Такера? Или просто из-за свадьбы?

Я тяжело сглотнула.

— Думаю, из-за того и другого.

— Ты все еще любишь его?

Моей первой реакцией было отвращение, но затем его красивое лицо всплыло у меня перед глазами. И я все еще могла почувствовать его запах на постельном белье. Он всегда так хорошо пах и так безупречно одевался. И он всегда был вдумчивым, щедрым и веселым. У нас было столько совместных планов, которые начинались с сегодняшнего вечера. *Такер, как ты мог так со мной поступить?* Мое горло сжалось.

— Нет. Да. Я не знаю.

— Я бы хотела, чтобы ты рассказала обо всех сомнениях, что у тебя были. Я чувствую себя ужасно, что не распознала их. Я же вижу тебя каждый день. Мы же не прекращая разговаривали о свадьбе. — В ее голубых глазах отражалось чувство вины.

— Это не твоя вина. Это я отлично притворялась. — Я пожала плечами. — Люди всегда говорили, что мы — идеальная пара. Я просто пыталась соответствовать.

— Ты выглядела идеально, — заявила Эрин, когда вернулась на кровать. — Но никто ведь не знает, что происходит на самом деле. Посмотри на моих родителей — они были женаты двадцать семь лет, прежде чем моей маме осточертел его алкоголизм, и она ушла... Люди были шокированы. Я даже не могу сосчитать, сколько друзей сказали ей: «Твой брак казался таким идеальным». — Она покачала головой. — Они понятия не имели, даже ее лучшие подруги, потому что на публике он был таким очаровательным. Она терпела все это потому, что ей было стыдно.

Я сгримасничала и поднесла кофе к губам.

— Я знаю это чувство.

Коко играла со своей кофейной кружкой.

— Что было между вами двумя, когда вы были наедине? Все казалось правильным?

— Думаю, да. Я имею в виду, он не самый открытый человек в мире. Он не говорил много о своих чувствах, но говорил, что любит меня. И он был романтичным в некоторых случаях, всегда делал мне маленькие подарки, или даже большие, и водил меня в разные

места.

— Да, ему нравилось красоваться тобой, это было очевидно. — Тон Эрин был резким. — И показывать, каким он был хорошим для тебя.

— Но что насчет того, когда вы были СОВСЕМ одни? — продолжила Коко. — Секс был таким же хорошим?

— Не таким уж хорошим, каким должен быть. — Я пожала плечами. — Он был нормальный. Он сексуальный и делал свою работу до конца, но в его стиле не было много разнообразия.

Эрин засмеялась.

— Что за стиль?

— Быстро и чисто.

Коко подавилась своим кофе.

— Что?

— Да, — сказала я, воодушевившись темой. На самом деле, было так хорошо говорить совсем не идеальную правду. — Ему нравятся две позиции, и когда мы находимся в Одобренной Позиции, то остаемся там, пока он не закончит, а это длится не очень долго. Ему не нравится двигаться, потому что это вызывает пятна на простынях. У него отвращение к телесным выделениям.

— О боже мой, — челюсть Эрин отвисла. — Ты должно быть шутишь.

— Нет. И ему не нравился оральный секс по той же причине.

— Даже минет?

Я покачала головой.

— Нет. И забудьте о всяких других вещах. О, и после того как он заканчивал, он мчался в ванную, чтобы привести себя в порядок. Плевать, кончила я или нет.

Обе они моргали не веря.

— Святое дерьмо, Миа, — сказала Коко. — Уверена, что вселенная сделала тебе большое одолжение. Ты заслужила лучшего мужчину, чем этого придурка. Мне плевать, как хорошо он выглядит. Или как богат. Любой мужчина, который выпрыгивает из кровати, чтобы очистить себя, прежде чем убедится, что его женщина удовлетворена — мудака.

— Согласна, — сочувственно кивнула Эрин. — Я жалею, что ты не сказала ничего пораньше.

— Почему? Я бы не слушала и не рассуждала логически. Я была слишком занята, планируя самую гламурную свадьбу года в Детройте, — сказала я, цитируя статью в журнале «Шикарная свадьба». — Они сделали анкету обо мне, в комплекте с фотосессией. — О боже, эта глупая статья в журнале... все эти фотографии. — Я закрыла глаза.

— Забудь это. В любом случае, никто не читает этот журнал. — Эрин положила свою ладонь на мою руку. — И кое-какой другой скандал ждет тебя на Фейсбуке.

Я открыла глаза и увидела, как Коко сверкнула взглядом в Эрин.

— На Фейсбуке? — они забрали мой лэптоп несколько дней назад, вероятно, чтобы я не могла проверить социальные сети.

Обе мои подруги прикусили нижние губы, и Коко посмотрела налево, что она всегда делала, когда лжет.

— Нет, нет. Это означает только то, что люди отправляли сообщения на Фейсбук, надеясь, что ты в порядке.

— Боже, Коко. Ты самая худшая лгунья в мире. — Я поставила свою кружку и

шлепнулась на спину. — Все в порядке. Я уверена, что это по всему интернету, что Такер Бренч бросил меня за неделю до свадьбы. Люди любят слухи. Мне просто нужно смириться с этим.

Тишина.

Привстав и опершись на локти, я открыла один глаза и нахмурилась из-за их нервных выражений лиц.

— Что?

— Ну, — начала Эрин, когда Коко снова отвела взгляд влево, — это не столько о слухах, сколько о посте Такера. Эм, постах.

— Каких постах?

— Он, эм, написал что-то о: «едва сбежал из горящего здания, бросив обузу». И он подкрепил это большим количеством фотографий, на которых тусит с девушками в Вегасе.

Мой желудок сжался.

— Он не сделал этого.

Коко кивнула.

— Сделал.

Снова опустив голову на подушку, я закрыла руками свое горящее лицо. *Такер, ты ублюдок. Ты хоть когда-нибудь любил меня? Почему ты вообще сделал предложение?*

Я вспомнила ту ночь, когда Такер подарил мне платиновое кольцо с большим, красивым бриллиантом, которое он попросил официанта положить в бокал дорогого шампанского на нашу первую годовщину. В этот момент мне понравилось зрелище, когда он встал на одно колено перед всеми в ресторане, но я должна признать, что половина восторга была потому, что все говорили мне, что он бабник, что он никогда не примет меня всерьез, что он разрушит мое сердце на миллион кусочков. Но он не разрушил.

На протяжении целого года мы веселились вместе всякий раз, когда у нас было на это время. Я была сумасшедше занята, и он работал огромное количество часов вице-президентом по продажам в корпорации своей семьи. Ни один из нас не был особо навязчивым или эмоционально нуждающимся, поэтому мы наслаждались компанией друг друга, когда могли, и не ныли о времени, когда были вдали.

Он часто говорил, что я была идеальной женщиной для него: красивая, умная, нетребовательная. Это были его критерии. А я думала, что он был идеальным мужчиной: великолепный парень в костюме и галстук, со степенью магистра, трастовым фондом и способностью к романтическим эффектным жестам перед аудиторией. Тут во мне говорила бывшая студентка театрального колледжа.

Так что после того, как я покончила с шампанским, я надела кольцо на свой палец и занялась планированием свадьбы принцессы и бабника-наследника. Я также переехала в его дом, но даже тогда мы не выдвигали много требований на время друг друга.

Может, должны были.

Может, на самом деле вы должны хотеть быть вместе больше, чем хотели мы с Такером. Может, вы должны скучать друг по другу, когда вы не вместе. Может, сожаление, что ты чувствуешь, когда твой жених отменяет свадьбу, должно больше быть о мужчине, чем о платье, розах и меню.

(Жаркое из креветок, кстати. Лобстеры и бифштекс из вырезки. И вино... о боже, вино).

Я закрыла глаза.

— Фу. Мне так стыдно. Как я могла быть такой глупой?

— Да брось, Миа, — сказала Эрин. — Не будь так строга к себе. — Обе подружки взяли меня за руки и потянули в сидячее положение. — Это была фантазия, как ты и сказала. Любой может оказаться в такой ситуации.

— Ну, сейчас это просто одна большая гребаная растрата, — сказала я горько. — Все время и деньги потрачены зря.

Они посмотрели друг на друга.

— Ты знаешь, о чем мы думаем? — Коко похлопала меня по руке.

— О чем?

— Ты должна поехать завтра во Францию.

— Что? Одна?

— Да. — Эрин встала с кровати и исчезла в моей гардеробной. Прежде чем я смогла спросить, что она делает, Коко начала:

— Ты работала без остановки, Миа, и планировала свою собственную свадьбу каждую свободную секунду. Теперь тебе нужен отпуск, в одиночестве. Тебе нужно время, чтобы поразмышлять и просто оправиться от этого.

Я моргнула и посмотрела на нее в неверии.

— И в этом мне поможет поездка в Париж одной? Когда это должен быть мой медовый месяц?

— Не думай об этом, как о медовом месяце. — Эрин появилась с моим большим старым чемоданом, с единственным, на котором не было монограммы «ТМБ». Ярко-красный чемодан, который я брала во все девчачьи поездки; один его вид заставил меня немного воспрянуть духом. — Подумай об этом, как о прощальном подарке Такера — роскошные проводы со всеми оплаченными расходами.

— Я не могу. Этого не было в плане.

— Пошли к черту все твои планы, хотя бы раз, Миа! — Коко подпрыгнула с кровати и драматически зажестикулировала. — Просто сделай это! Подумай о Париже, подумай обо всех этих вещах в твоём списке, которые ты так хотела увидеть! Это все еще там, и они выглядят точно так же, даже без Такера рядом с тобой. Собственно говоря, так они выглядят даже лучше.

Это была правда, я составила парижский список. На самом деле, у меня их было несколько. Для обедов; чтобы выпить; для шопинга; для музеев и соборов; для достопримечательностей и для романтики... эта мысль омрачила мой разум.

— Нет. Это должен был быть мой медовый месяц, черт побери. Все что я буду делать — это сидеть, попивать вино и рассуждать, что эта неделя должна быть самой романтичной в моей жизни, и вместо этого я одна.

— Но подумай о том, каким хорошим будет вино! — Эрин так ярко улыбнулась, что я почти рассмеялась. — Ты будешь делать то же самое, если будешь сидеть здесь всю неделю. Почему бы не делать этого с видом на Эйфелеву башню?

— Лувр! — добавила Коко, хлопая в ладоши.

— Пон-Нёф^[2]!

— Нотр-Дам!

— Триумфальная арка!

— Ладно, ладно, пожалуйста. — Я подняла руку, чтобы остановить их рекламную кампанию. — Только не начинайте петь «Марсельеза»^[3]. Я поняла. Франция восхитительная. Ура, Франции. Я просто не готова к этому. И вы знаете, как я отношусь к

полетам.

— Я дам тебе снотворное. Ты поедешь. — Эрин поставила чемодан на кровать и расстегнула его. — А сейчас пакуй вещи. Эта поездка оплачена, и если ты не поедешь, тогда поедем мы с Коко, и мы можем влюбиться в эту страну так сильно, что решим, что мы пара лесбиянок и останемся там без тебя.

— Ты не ее тип, — сказала я. Но позволила ей поставить меня на ноги. — Коко нравятся высокие, темные и татуированные. Это маленькое сердечко над задницей не в счет.

Эрин сладко улыбнулась.

— Но это Париж. Там может случиться всё, что угодно.

— И я только что подумала о еще одном преимуществе, — добавила Коко. — Твоя мама будет через целую страну от тебя. Ты вырубишь свой телефон, а мы украдем твой компьютер, так что она даже не сможет с тобой связаться.

Я зажевала губу. Это было большим преимуществом, так как беспокойство моей мамы сводило меня с ума, особенно когда она имела дело с тем фактом, что свадьбу ее дочери только что отменили.

— Поезжай в Париж, Миа. — Глаза Коко практически умоляли меня. — Ты говорила об этом с тех пор, как была ребенком.

— Если ты почувствуешь себя несчастной, ты можешь прилететь домой, моя мама бесплатно поменяет тебе билет, — пообещала Эрин, чья мама работала в «Дельта». — Но, по крайней мере, ты сможешь сказать, что была в Париже.

Я засомневалась. Могла ли я на самом деле сделать это?

— Если ты не поедешь, я попрошу твою маму вернуться из Детройта, потому что ты ужасно в ней нуждаешься.

Я выстрелила в Коко убийственным взглядом.

— Ладно, ладно, я поеду. В самый романтичный город на планете. Одна.

Они завизжали и захлопали в ладоши.

— Хорошая девочка, — сказала Коко. — Теперь иди собирайся, и сложи все сексуальные крошечные наряды, которые ты планировала взять, я знаю, что список этих нарядов где-то здесь.

— Бьюсь об заклад, что французские мужчины не выпрыгивают из кровати, чтобы очистить себя после секса, — добавила Эрин.

— Да я вас умоляю. Я буду счастлива просто отклониться от Одобренных Позций, — растянула я немного и почувствовала трепет волнения в животе, что было довольно странно, потому что я не была человеком, который может полететь куда-нибудь ни с того ни с сего. И при этом будет еще и наслаждаться этим. Я была девушкой, которая планирует, составляет списки и думает обо всем заранее. Но хотя бы раз я собиралась сделать что-то спонтанно.

Может, я даже буду наслаждаться этим.

Это была ужасная идея.

Когда самолет вздрогнул и покачнулся из стороны в сторону, я закрыла глаза и схватилась за свой бурлящий желудок.

Три Вещи, Которые Я Всегда Хотела Сделать В Париже, Но Похоже Я Умру Добираясь Туда:

- 1) Потягивать шампанское и смотреть на Эйфелеву башню.
- 2) Делать покупки на блошином рынке «Clignancourt».
- 3) Целоваться под дождем, не беспокоясь о зонтике.

Я открыла глаза и нахмурилась. Даже если я доберусь до Парижа живой, я должна вычеркнуть всякие «целоваться-без-зонтика» из списка, так как это больше не романтический отпуск. Фантазия с поцелуем под дождем на самом деле совсем была на меня не похожа, так как я всегда все планирую наперед, поэтому я бы не оказалась в плохую погоду без подходящего дождевика. Но было нечто романтическое в том, чтобы быть захваченной поцелуем в разгар ливня, настолько захваченной, что даже не заботишься о том, что мокнешь — на самом деле, это даже еще лучше.

Как-то раз, когда у нас было первое свидание, мы с Такером прогуливались рядом с водопадами Такваменон^[4], когда начал моросить мелкий дождь, и мы целовались около тридцати секунд, но весь момент был разрушен тем, как он морщился и смотрел на небо, затянувшееся облаками. Он был своего рода одержимым, когда дело касалось его волос. Честно говоря, я тоже не могла перестать думать о своих волосах, потому что я только утром их уложила, и это было нелегко. Поэтому я была счастлива, когда Такер сказал:

— Я промок, детка. Ты взяла зонтик?

Конечно, я взяла зонтик. Я всегда беру зонтик.

Самолет снова накренился, и я сжала подлокотники обеими руками.

— Ох!

Женщина рядом со мной погладила мои белые костяшки пальцев.

— Просто небольшая турбулентность. Все закончится через несколько минут.

Или мы все умрем над Атлантическим океаном. Это тоже может случиться.

Но я просто кивнула, так как была не в состоянии говорить.

О боже, почему я подумала, что смогу сделать это одна?

Где-то в моей сумочке было снотворное, которое дала мне Эрин, но меня парализовал страх, и, казалось, я даже не могла отпустить свои подлокотники.

— Видите? Сейчас уже все спокойно.

Я посмотрела на женщину с успокаивающим голосом. Она была возраста моей мамы, может быть, немного старше, с аккуратной седой шапочкой волос, прекрасной кожей и модным голубым шарфом, обернутым вокруг ее шеи.

Она сидела на месте Такера.

Выбросив все нежелательные мысли из головы, я слабо улыбнулась.

— Я нервничаю во время полетов.

Она кивнула.

— У меня есть такая же подруга. Никогда не летает, не успокоив сначала свои нервы алкоголем.

— Звучит неплохо.

— Тогда возьмите себе один бокал. Какой смысл сидеть в первом классе, если вы не можете немного выпить перед обедом? — она улыбнулась, показывая красивые белые зубы.

Она привлекла внимание стюардессы, и через несколько минут она уже принесла нам шампанское в стеклянных бокалах. Стараясь не подавиться, я быстро выпила шипучую золотую жидкость, и тут же мой бокал снова был наполнен. Постепенно теплое волнение заменило холодную нервозность.

— Первый раз летите в Париж?

Я кивнула.

— Да. Это был... подарок. Поездка была подарком. — Я не могла заставить себя рассказать ей о Такере. — Я просто чувствую себя немного неуверенно, так как путешествую одна.

— Какой замечательный подарок! Кстати, я Аннеке.

— Миа.

— Приятно познакомиться с тобой, Миа. И не бойся, я довольно часто путешествую в одиночку. Я думаю, что каждая женщина должна совершить поездку только для себя, сама по себе и, по крайней мере, один раз в жизни. Просто будь осторожной, разумной и наслаждайся собой. — Ее улыбка стала шире. — Париж волшебен.

— Хорошо. — Я глотнула еще немного шампанского. — Мне необходимо немного волшебства.

#

В моем парижском списке не было пункта «Прилететь с похмельем».

Так же там не было и спора с моей матерью.

Она подняла трубку после первого гудка и выкрикнула удивленно:

— Миа? Это ты? Что-то не так? Ты в порядке? — она думала, что мое решение поехать в Европу одной было бредовым, и она была уверена, что на меня нападут, похитят и продадут в сексуальное рабство.

Я убрала телефон подальше от уха.

— Я в порядке, мам. Ты сказала позвонить, когда я прилечу, и я позвонила.

— По голосу кажется, словно с тобой не все в порядке.

— Я просто устала, ладно? Я устала, голодна, и мне нужно распаковать вещи. — И поплакать. Определенно, предстояло поплакать. Может, побросать вещи.

— Как комната?

Я оглядела свой великолепно оборудованный номер повышенной комфортности в «Плаза Атени». Признаю, Такер знал, как путешествовать модно. Огромная кровать была завалена подушками, зона отдыха была просторной и элегантной с мебелью в стиле Людовика XIV. А вид на тихий внутренний дворик был очаровательным. И прямо за окном щебетали треклятые птицы.

По-французски, не меньше. C'est magni-fucking-fique. (прим. пер. фр. — Это превоз-чертовски-сходно)

— Комната восхитительная. Но мам, мне пора, хорошо? Я истощена.

— Хорошо, дорогая. Но не ложись вздремнуть, помни, что если организм не приспособится к разнице во времени, то ты будешь слаба несколько дней. Я узнала это на собственном опыте. И не думаю, что ты должна бродить по улицам ночью в одиночку, поэтому, может, осмотри некоторые достопримечательности сейчас. Или сходи на массаж в СПА или что-то такое. Ты кажешься такой напряженной.

Моя голова готова была взорваться. Я едва могла вставить хоть слово. *Прекрати говорить, мама.*

Она вздохнула.

— Это была плохая идея. Я бы хотела, чтобы ты позволила мне поехать с тобой. Может, я должна встретиться с тобой в Париже. Мы можем походить по магазинам или ...

Я быстро обрела голос.

— НЕТ! Нет, мам. Я в порядке. Seriously.

— Ну, я просто не чувствую себя хорошо по этому поводу.

Я заставила свой голос звучать весело:

— Послушай, солнце светит, мой люкс прекрасный, и я почти могу увидеть Эйфелеву башню из своего окна, — лгала я. — Я умираю, как хочу выйти на воздух. Я собираюсь распаковать кое-какие вещи и прогуляться.

— Ты уверена?

— Да, уверена. И мне нужно время наедине с собой, хорошо? Я не буду звонить тебе каждые пять минут.

— Не говори глупостей, милая. Один раз в день будет достаточно.

Я стиснула зубы.

— Ладно. Один раз в день.

— Я просто волнуюсь о тебе, Миа. Ты прежде никогда не путешествовала так далеко в одиночку. С тобой всегда были или я, или девочки, или Такер. И ты сейчас не в том эмоциональном состоянии. Женщины принимают неправильные решения, когда у них стресс или их сердце разбито. Ты упаковала те таблетки, которые я дала тебе?

— Я взяла их, мам. — Нет смысла говорить ей, что я планировала самолечение вином, а не Прозаком. — Я позвоню тебе завтра.

— Хорошо. Я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя.

Наконец мы попрощались, и я плюхнулась на кровать. Я пообещала Коко и Эрин, что позвоню одной из них и дам знать, что добралась без происшествий, но я не думала, что смогу сдержать слезы, если услышу их голоса. Разница во времени и одиночество овладели мной, и глаза наполнились слезами. Не так я планировала начать поездку, с пульсирующей головной болью и предчувствием, что приехать сюда одной было ошибкой. Я была слишком уставшей, чтобы распаковывать свой багаж, слишком раздраженной, чтобы вытаскивать свой парижский путеводитель и волноваться, и слишком несчастной, чтобы писать в дневнике путешествия, который дали мне Коко и Эрин.

Везде, куда бы я ни посмотрела, было напоминание, что это должна быть романтическая поездка для двоих: двойной шкаф, бутылка шампанского и два бокала на столе, ваза с великолепными персиковыми розами на кофейном столике. Моя грудь сжалась от вида этих цветов, когда я вспомнила про полторы тысячи роз сорта «Фелисите», которые должны были оказаться на моей несостоявшейся свадьбе.

Даже невероятная белая мраморная ванная вводила меня в депрессию своими мягкими халатами для двоих и расположенными рядом раковинами, вмонтированными в туалетный столик. Я вернулась на кровать, проползла по ней и положила щеку на полосатую атласную подушку. Мои веки ощущались намного тяжелее, чем мой чемодан. Я хотела спать, и, черт побери, я собиралась вздремнуть, не имело значения, что моя мама говорила о смене часовых поясов. Когда я погружалась в сон, я составила список.

Вещи И Люди, Которые Могут Идти На Хер:

- 1) Синдром смены часовых поясов, по очевидным причинам.
- 2) Аннеке, за предложение шампанского во время полета.
- 3) «Эр Франс», за турбулентность, которая вынудила меня выпить предложенное шампанское.
- 4) Моя мать, за то, что сказала мне принять лекарства, вместо того, чтобы вздремнуть.
- 5) Такер. За все. Несколько раз.

#

После четырехчасового сна, я чувствовала себя оживленной, моя голова прояснилась. Я плеснула немного воды на лицо, выпила большую бутылку «Виттель» и подняла чемодан на тумбу, чтобы распаковать его.

Жить на чемоданах не для меня, даже если это только на неделю или около того. Я терпеть не могла, когда все перемешивалось и лежало в беспорядке, и было слишком тяжело сохранять чистую и грязную одежду по отдельности. Плюс распаковка и наведение порядка дарили мне смехотворное наслаждение. Мне понравилось, что Коко как-то сказала, что я должна профессионально заниматься наведением порядка в шкафах, но кто захочет тратить свою карьеру на шкафы других людей?

Я подключила iPod к док-станции и прокрутила до парижского плейлиста. Когда Фрэнк Синатра запел «April In Paris», я начала подпевать ему, пока расстегивала свой саквояж для платьев и вытащила их, блузки и две юбки. Из своего чемодана я вытащила кроссовки, туфли без каблучков, две пары на каблучках и поставила их в шкаф. Я разложила нижнее белье, пижамы, джинсы, майки и носки в ящички, нахмурившись только один раз на сексуальный черный бюстгальтер и трусики «Aubade», которые я взяла в поездку. Они стоили мне примерно столько же, сколько плата за автомобиль, но я хотела удивить Такера, которого впечатляли предметы роскоши. Пообещав надеть их хотя бы один раз за эти десять дней, даже если я просто буду скакать по своему номеру одна, я спрятала их под свои обычные хлопковые трусики и обычные лифчики.

К тому времени, когда я вытащила свои туалетные принадлежности и начала расставлять их в великолепной белой мраморной ванной, мои шаги были легкими и подпрыгивающими такими, когда я чувствую себя по-настоящему счастливой.

Последнее что я сделала — это достала свой путеводитель и положила его на стол. Коко и Эрин не вернули мне мой iPad, но они позволили мне распечатать мои ежедневные маршруты, которые я подготовила, и дали несколько книг с собой. Я разложила их перед собой и уставилась на них, прежде чем засунула все это назад в чемодан и убрала в шкаф. К черту их, я собираюсь прогуляться сегодня вечером, как сказала Аннеке. Я переоденусь,

выйду за дверь и просто посмотрю, куда приведут меня ноги.

Но сначала я должна проверить свой календарь нарядов, чтобы увидеть, что я запланировала надеть этим вечером.

Один шаг за раз, верно?

Мой первый одинокий вечер в Париже начался хорошо. Так как я ничего не ела, то очень проголодалась и подумала заказать доставку в номер, но решила проявить смелость и первый раз в жизни поест в ресторане в одиночестве. Я надела милое платье без бретелек с цветочным принтом, джинсовую куртку и туфли без каблука и перекинула сумку через плечо, внутри которой был мой кошелек, бутылка воды, карта улиц Парижа и моя камера. У меня не было никакого плана, и я удивилась сама себе, восхитившись маленьким толчком свободы, который мне это давало.

Наслаждаясь каждым своим шагом, я направилась к Эйфелевой башне по Авеню Монтень, пересекла Сену по мосту Альма и пыталась не улыбаться как идиотка, в то время как мысль, что *я пересекаю Сену!* промчалась в моей голове. Перейдя на другую сторону, я последовала по реке к башне, и даже если бы я хотела спрятать свою улыбку, то я бы не смогла это сделать.

Просто это было так невероятно! Настоящая *Эйфелева башня*, прямо здесь, огромная, поразительная и прекрасная, и чем ближе я подходила, тем больше она становилась. Не имело значения, как впечатляюще она выглядела на фотографиях или в фильмах, ничего не сравнится с тем, чтобы увидеть ее собственными глазами, наблюдая закат позади нее. Я почувствовала быстрый укол сожаления, что я вижу это сама, но только потому, что знала, что позже не будет достаточно слов, чтобы описать, каким великолепным был свет, какой маленькой я чувствовала себя под сводами, как мое сердце забилося, когда я подумала, что я на самом деле нахожусь в Париже.

Я хотела взобраться наверх, но мой желудок так яростно урчал, что я больше не могла это игнорировать. Не желая больше тратить времени внутри помещений, я нашла стойку с сэндвичами, заказала ветчину с сыром на половинке багета и съела его, когда вернулась к башне.

Закончив кушать, я сделала несколько снимков с земли, прежде чем забралась на семьсот шагов на второй этаж и поднялась на лифте на самый верх. Я вышла из лифта с крайне необузданным предвкушением и пошла прямо к перилам. Осмотревшись, я не могла подавить вздох. Путеводители не лгали: вид на Париж в сумерках был захватывающим. И даже несмотря на то, что я была в самом романтичном городе в мире одна, он все еще был наполнен красотой, историей и культурой. За эту неделю я осмотрю столько, сколько смогу, и я не буду беспокоиться о том, что кто-то другой хотел сделать в этот момент. Не будет Такера, который поспешно ходит по музеям, потому что не любит искусство, или его закатывания глаз при виде очередного собора, или зевания в опере. Весь город был у моих ног, и этого было достаточно. К черту романтику!

Усмехнувшись своему новому позитивному настрою, я повернулась налево, как раз в тот момент, чтобы увидеть великолепную молодую пару, которая целовалась и делала селфи на красивом фоне. Мои губы тут же опустились, и я отвернулась.

Нет, не отворачивайся. Их любовь не нанесла ущерб твоей.

Несколько глубоких вдохов спустя, я была в порядке. Я даже улыбнулась им.

Видишь? Ты можешь сделать это.

Чтобы отпраздновать заключение мира с моим первым приключением в роли независимой женщины, я пошла в бар шампанского^[5] заказала бокал и произнесла

молчаливый тост. Мечта — приехать в Париж — становится явью.

Мое горло все еще пощипывало от пузырьков, когда я слышала вздохи и бормотания в толпе позади себя. Я повернулась и увидела молодого мужчину, который стоял на одном колене перед красивой девушкой, чьи пальцы были прижаты к ее губам. С широко открытыми глазами, я наблюдала, как мужчина достает коробочку с кольцом из кармана и открывает ее.

Боже мой. Это не должно происходить.

Я залпом допила шампанское, смотря на сцену перед собой с неверием. В смысле, серьезно? В тот момент, когда я решила, что Париж — это не только романтика, в десяти шагах от меня делают предложение? Я не слышала, что он говорил, но видела, как девушка счастливо закивала, и он надел кольцо ей на палец.

— Да! — крикнула она, и вся толпа взорвалась аплодисментами и бурными криками, когда девушка наклонилась и поцеловала своего жениха.

Улыбаясь вполсилы, я поставила свой бокал и проскользнула через толпу к лифту; в моем горле образовался комок, где еще минуту назад были пузырьки.

Я пыталась подбодрить себя прогулкой вдоль Сены, но моя позитивность независимой женщины уже угасла.

Везде, куда бы я ни посмотрела, я видела влюбленные парочки.

Везде, черт побери.

Держащиеся за руки на мостах, тайком целующиеся в укромных уголках, шепчущиеся друг с другом, на каких бы языках они не говорили, обменивающиеся тайными улыбками, заходящие в бары и рестораны, смеющиеся над всеми одинокими неудачниками в городе — по крайней мере, это я чувствовала.

Я бесцельно бродила вдоль реки, которая выглядела мрачной и темной, сейчас, когда свет померк. В конце концов, гуляя по бульвару Сен-Жермен, я забрела туда, где как я полагала, располагался Латинский Квартал. Виды, запахи, звуки шумных улиц должны были приободрить меня, но место было наполнено молодыми людьми, и куда бы я ни посмотрела, везде были парочки.

К черту тебя, Такер. Это должны были быть мы.

С каждым шагом, в моих венах все сильнее разгорался гнев. Маленький голосок в голове говорил мне, что я была глупой и на самом деле, я не хотела, чтобы Такер был здесь со мной, и сейчас я, вероятно, выглядела как вредный ребенок, топающий по улице со скрещенными руками и угрюмым видом на лице, но мне было плевать. Я была зла на Такера, что он обманул меня, зла на себя, что позволила этому случиться, зла на Коко и Эрин, что заставили меня приехать сюда одну, зла на все эти парочки, которые видела, зла на Францию, зла на любовь.

И к тому же я потерялась. Я перестала идти и огляделась вокруг, но не увидела никаких ориентиров или дорожных знаков. Было темно, и хоть я ненавидела мысль о том, чтобы вытащить карту и выставить себя жалким туристом, но что еще я могла сделать? Паника сжала мою грудь, и я заставила себя сделать несколько глубоких вдохов и успокоиться прежде, чем все плохие сценарии моей матери и беспокойство проникли бы в мой мозг.

Ладно, все, хватит. Мне нужно вино.

Я прошла еще один жилой квартал и к своей удаче обнаружила, что прохожу мимо здания с английскими словами, написанными на нем: «Бивер-бар & гриль». При более внимательном рассмотрении вывески, я узнала, что это был канадский спорт-бар.

Остановившись на мгновение, чтобы подумать, я решила, что не зла на Канаду, бобров или спорт, так что я вошла и огляделась вокруг.

Это было небольшое место, не шумное и без большой толпы, только несколько человек сидели вдоль длинной деревянной барной стойки слева и группа или две за столами у задней стены. Тщательно осматривая всех присутствующих, я искала целующиеся, шепчущиеся или шутящие друг друга парочки, всё, что могло сигнализировать о неизбежной помолвке, но особой любви в воздухе я не увидела. Большинство людей пили пиво из больших стаканов и смотрели хоккейную игру на огромном телевизоре над баром.

— Ты кого-то ищешь?

Удивленная, что это было обращение на английском, я посмотрела влево, где стоял бармен, вытирая стаканы и смотря на меня с веселой улыбкой. Ему, вероятно, было чуть за двадцать, его голова была покрыта неряшливыми, длинноватыми кудряшками, а на выступающем подбородке была темная щетина.

— Прости, что?

— У тебя было очень решительно выражение лица. Ты ищешь кого-то? — он поднял брови, когда повторил вопрос, и я заметила очевидные признаки акцента.

— Как ты узнал, что я говорю по-английски?

Один уголок его рта приподнялся.

— Я сразу узнаю американца, как только вижу.

По каким-то причинам, его комментарий удивил меня. Что было во мне такого очевидного от американца? На мне не было футболки «Найк», кроссовок или бейсбольной кепки. Я сложила руки на бедрах и сдула волосы с лица.

— Я могу быть из Канады.

— Нет. — Он покачал головой и поставил стакан.

— Почему ты так уверен?

— Канадец бы просто ответил на вопрос.

Немного ощетинившись, я опустила руки и расправила плечи.

— Нет, я никого не ищу.

— Ох. Из того как ты осматривала толпу своими большими глазами, я подумал, что, может, ты здесь, чтобы поймать своего парня с кем-то другим.

— У меня нет парня!

Он поднял руки.

— Извини. Или девушку, как угодно. Я просто имею в виду, что ты выглядела, будто знала, зачем пришла, но это не было чем-то хорошим.

— К твоему сведению, это именно то, для чего я пришла. — Я подошла к ближайшему высокому табурету и села с фырканьем. — И нет, у меня нет девушки. Я одна. Одна, — повторила я еще громче, привлекая взгляды нескольких клиентов, сидящих за баром. Один встал и передвинулся на следующий стул, подальше от меня. — Ты не против этого?

— Дорогая, я, конечно, не против. Почему бы тебе не сказать мне, что ты хочешь выпить?

— Не используй это слово.

— Какое слово?

— Любовь, — проговорила я со злостью. (прим. пер. — В оригинале бармен обращается к ней словом Love, которое можно перевести как дорогая и в тоже время, это слово обозначает любовь)

— Извини, просто я еще не узнал твое имя.

— Я не это имею в виду. Мне все равно как ты назовешь меня, я просто не хочу еще больше слышать о любви сегодня или видеть ее, или чувствовать ее запах в воздухе, черт побери.

Он кивнул.

— Ха. Все так плохо?

— Да. Когда я вошла сюда, я делала именно это, убеждалась, что здесь нет никаких влюбленных парочек. В этом городе они, черт побери, везде. Ты даже не можешь пройти по улице, не увидев людей, виснувших друг на друге, целующихся, обнимающихся или чертовски счастливых. Это как преступление, пройти по улице одной.

— Здесь есть множество одиноких людей.

— Я их не видела.

Он пожал плечами.

— Ну, Париж — это романтическое место.

— Париж может поцеловать меня в задницу.

— Почему бы мне не купить тебе выпить, эмм...

— Миа.

— Я Лукас. — Он протянул руку через барную стойку, и я пожалала ее. — Так, что бы тебе хотелось, Миа? — он улыбнулся и выкрикнул приветствие по-французски каким-то людям, вошедшим в бар позади меня.

— Билет на самолет до Детройта. Я хочу домой.

— Ну. Ничем не могу помочь, но я уверен, ты можешь улететь домой завтра. И так как это твоя последняя ночь в Париже, позволь мне наполнить твой бокал вином.

— Это моя первая ночь в Париже, — сказала я печально. — И последняя.

Его карие глаза расширились.

— В таком случае, вино за мой счет. Не уходи.

Перейдя на дальний конец бара, он достал с полки бутылку вина и наполнил бокал. Я наблюдала, как он делает несколько напитков, заказанных другими людьми, и заметила, что он говорит по-французски со всеми, кроме меня. Несмотря на то, что мое ухо никоим образом не было экспертом, он звучал как носитель языка. И к тому же, он говорил по-английски с довольно хорошим американским акцентом. Должна признать, что испытывала небольшое чувство любопытства по поводу него.

Подперев подбородок рукой, я посмотрела на него более внимательно. Он не был высоким, его телосложение не было таким, как у Такера, но он был стройным и мускулистым. У него была стройная талия и милая задница, хорошо подчеркнутая серыми брюками, которые были более обтягивающими, чем носил Такер. Жаль, что выше плеч он был таким неаккуратным — эти неряшливые волосы, вероятно, не мылись в течение нескольких дней, и, хотя у него были красивые полные губы, их едва можно было увидеть за всей этой растительностью на лице. Я думаю, что он мог быть красивым, если бы купил бритву и сделал хорошую стрижку.

Мне нравились парни — опрятные, выбритые, аккуратно причесанные и с красивым лицом. Именно таким был Такер Бренч. Он был таким же самолюбивым, как любая женщина, которую я знала, он ежедневно работал над своим телом и проводил довольно много времени перед зеркалом, но это никогда меня не беспокоило. Его старательное отношение к его внешности означало, что его заботит, что я думаю, и что он хотел хорошо

выглядеть для меня. Когда мой мозг заполняет воспоминание о его идеальном точеном теле, под его великолепными, сшитыми на заказ костюмами, я испытываю укол сожаления. *Боже, он такой привлекательный. Его голубые глаза. Его рельефный пресс. Запах его шеи, когда он накрывал мое тело своим.*

— Вот, держи. — Лукас поставил бокал красного вина, наполненный до краев. Мне понравилось, как в уголках его карих глаз образовались маленькие морщинки, когда он улыбнулся, но он не Такер Бренч. Я уверена, что он никогда не будет пахнуть так хорошо. Но Лукас мог бы понравиться Коко, он похож на ее тип. Мне интересно, есть ли у него татуировки.

— Спасибо. — Я натянуто улыбнулась, и он поморщился.

— Черт возьми, Миа. Все не может быть так плохо.

— Ох, да, может.

Он наклоняется вперед.

— Проверим.

Я делаю глубокий вдох.

— Хорошо, но сначала вино. — Я подняла бокал к губам и сделала обильный глоток. Оно восхитительно — крепкое, грубоватое и бархатистое на моем языке. — Оно невероятно, — сказала я ему, прежде чем сделать еще один глоток.

Он широко улыбнулся.

— Я рад, что тебе понравилось.

После еще нескольких глотков, я со звоном поставила бокал на стойку, но я не отпустила его. Я уставилась на свои пальцы на ножке бокала, когда призналась:

— Эта поездка в Париж должна была стать моим медовым месяцем. Но мой жених отменил свадьбу.

Без слов, он пошел в конец бара, схватил с полки бутылку вина и наполнил мой бокал.

Я посмотрела на него с благодарностью.

— Спасибо, это было ужасно.

— Мне жаль. Это было шоком для тебя?

Я вздохнула.

— И да, и нет. Если бы я была честна сама с собой, я думаю, то поняла бы, что все не так идеально. Но я была так увлечена планированием идеальной свадьбы, что не хотела признавать, что замужество может быть ошибкой.

Лукас кивнул, снова наклонившись к бару.

— Он давал тебе повод? Извини, я не хочу совать нос в чужие дела.

— Все в порядке, — я сделала паузу, чтобы выпить еще немного вина, прежде чем продолжить. — Ничего из ряда вон, на самом деле. Он говорил, что любит меня, но он еще не был готов к женитьбе.

— А ты?

— Конечно. Я имею в виду, мне двадцать семь, почти двадцать восемь. Я всегда планировала быть замужем к этому возрасту, и знаешь... — Я опустила плечи. — Мы были влюблены. Мы были идеальной парой.

— Естественно.

Я сощурила глаза. Он смеялся надо мной?

— Все что я хотела сказать, что на тот момент мы хорошо подходили друг другу. И я легко могла представить нашу совместную жизнь.

— Это все ты тоже спланировала, да?

Мне было все равно, каким хорошим было вино, Лукас начинал действовать мне на нервы. Пока я раздумывала, как ему ответить, он оказался нужен нескольким клиентам и затем еще больше людей вошли в дверь, удерживая его занятым следующие двадцать минут. Хотя я не возражала — его последние несколько замечаний взбесили меня. И у меня была другая проблема, гораздо больше, чем грубый бармен, например, что делать с несчастной мной всю оставшуюся часть недели.

Стараясь снова стать позитивной, я составила список.

То, Что Мне Пока Нравится В Этой Поездке:

- 1) Что я увидела Эйфелеву башню.
- 2) Этот бокал вина.

А затем я остановилась, потому что я даже не могла придумать третий пункт в этом списке. Ранее я сказала своей матери, что мне нужно время побыть одной, но сейчас я не была уверена, что могу это выдержать. Но что я могла поделаться? Поехать завтра домой и признаться Коко и Эрин, что я не была такой сильной, как они думали?

Как удручающе.

После еще одного глотка вина, я решила уступить своей матери и позволить ей прилететь сюда и присоединиться ко мне — может, я стану чувствовать себя менее одинокой, если в этом городе у меня будет кто-то знакомый. Так же быстро, как эта идея пришла ко мне, я отбросила ее, так как знала, что не смогу вытерпеть нервное ворчание моей матери всю неделю. Если бы Коко или Эрин могли прилететь ко мне, я бы осталась, но я знала, что это невозможно. Пока я уехала, Коко работала в «Девин Ивентс» одна, а Эрин — учительница. Никаким образом она не смогла бы все бросить и прилететь в Париж. Кто еще остался? Мой отец?

Я обдумывала это, пока делала последний глоток вина. Мой отец жил за пределами Детройта, и мы с ним великолепно ладили, но он женат во второй раз и сейчас у него маленькие дети. Только по этой причине я не могла попросить его прилететь на неделю, даже если бы он получил отпуск от своей юридической практики, но это было маловероятно в такой короткий срок. Но зная моего отца, который в момент, когда я рассказала ему о Такере, ничего не сказал, а просто обнимал меня и позволил плакать, он бы отложил что угодно, чтобы приехать сюда и быть рядом со мной. Я не могла сделать это с ним.

Из динамиков заиграла песня Imagine Dragons, которую мы с Такером любили, и я ссутулилась на своем табурете. Вот оно — я просто поеду домой. Это слишком болезненно. И не то чтобы у меня не было денег. Такер позвонил Коко, которая не взяла трубку, но он оставил голосовое сообщение, которое она передала мне. В сообщении говорилось, что он хотел бы, чтобы я отправилась в эту поездку, и что я могла использовать кредитку, которую он мне дал, для любых трат, пока я буду здесь. Он, должно быть, на самом деле чувствовал вину, потому что он так же сказал, что я могу остаться в нашем доме так долго, как мне нужно. Он будет в Вегасе еще одну неделю и затем останется где-нибудь еще, пока я не перееду.

Боже, переезд...

Слезы заполнили мои глаза, и я полезла в свою сумку за платком. Лукас вернулся и

молча наполнил мой стакан, прежде чем официантка в обтягивающей футболке позвала его к кассе. Я вытерла глаза и высморкала нос, смущенная, что всхлипываю перед незнакомыми людьми.

Но, по крайней мере, у меня было вино.

Я допила этот стакан даже быстрее, чем предыдущий, но, тем не менее, я была удивлена гулу в своей голове, когда он опустел. Может, во французском вине содержится больше алкоголя или еще что-то? О вине я не знала совершенно ничего. Может быть, я пойду на курсы сомелье, когда вернусь. Будет полезно для работы, если я узнаю о вине побольше. И Коко всегда хотела, чтобы я сходила на кулинарные курсы для гурманов вместе с ней. Я также могу сделать и это. На самом деле, все время, что я потратила, планируя свою свадьбу, я могла потратить, изучая что-то новое, и встречая новых людей.

Чувствуя себя лучше от того, что решение было принято, я вытащила свою кредитку из кошелька и сообщила Лукасу, что готова уходить.

Он улыбнулся мне, когда подошел, и это было так дружелюбно, что, казалось, будто он извинялся, поэтому я даже забыла, что была на него зла.

— Дай мне одну секунду. — Он наполнил высокий стакан пивом из крана. — Никуда не уходи.

Куда, черт побери, я уйду? Я все еще понятия не имела, как добраться до моего отеля — я должна спросить его. Прошло несколько минут, прежде чем Лукас взял перерыв, а другой бармен занял его место.

— Извини за это. — Лукас вытер руки о полотенце и вернулся ко мне в конец бара. — Могу я налить тебе еще один бокал?

Я прикусила губу.

— Я, вероятно, не должна больше пить. Хотя оно, правда, хорошее. Что это?

— Это вино из долины Роны^[6], откуда я родом.

— Я все думала, из Франции ли ты. Ты так хорошо говоришь по-английски, что легко можешь сойти за американца.

— Мама из Франции, отец из Америки, — объяснил он. — Я родился здесь, но рос там, то тут.

— Где ты жил в США? — может, во всем виновато вино, но мне было так любопытно узнать о нем побольше.

— В основном, в северной части штата Нью-Йорк, но сейчас я живу в городе.

Я улыбнулась.

— Я люблю Нью-Йорк. Но я ненавижу летать, а от Детройта до Нью-Йорка ехать довольно долго.

— Ты ненавидишь летать, но тем не менее, первым делом завтра утром ты хочешь совершить еще один перелет?

— Я должна.

— Нет, не должна.

Качая головой, я настаивала:

— Да, я должна. Ты не понимаешь.

— Конечно я понимаю. Твой жених отменил свадьбу, ты злишься и тебе грустно, потому что ты была близка к замужеству или чего ты там хотела, но это не значит, что ты не можешь хорошо провести время здесь. Ты проделала весь этот путь, хотя и ненавидишь летать. На это должна быть причина.

Ах, да. Вот почему он раздражал меня.

Снова разозленная, я выпрямилась на своем стуле.

— Причина была в том, что я всегда хотела увидеть Париж. Это была моя мечта, с тех пор как я была ребенком. Я распланировала каждый день, я точно знала, что мы будем делать, что мы будем смотреть. И я думала, что смогу справиться с этим сама, но теперь, когда я здесь, я не могу, понятно? Я не могу справиться со всей этой любовью, романтикой и чертовым счастьем вокруг меня, когда я должна быть здесь в свой медовый месяц! Это несправедливо! — мой голос повысился, и несколько людей посмотрели в мою сторону, особенно когда я ударила рукой по барной стойке на последнем слове. Да как он смеет разрушать мой хрупкий мир, когда я только убедилась, что мне нужно домой!

Он пожал плечами.

— В жизни многое несправедливо. Не имеет значения, в каком ты городе.

Я закатила глаза, когда весь мой некий прогресс, который я настигла во время второго бокала, исчез.

— Избавь меня от банальностей. Я слышала их бесчисленное множество раз в течение недели, после того как была бесцеремонно брошена через сообщение, напомню тебе, за семь дней до моей чертовой свадьбы.

Лукас тщательно осмотрел меня.

— У тебя проблема.

Гениально, придурок.

— Да. Моя проблема в том, что это мой медовый месяц, а я одна.

— Не это твоя проблема.

Моя челюсть отвисла. *Кем, черт побери, он себя возомнил, чтобы говорить, в чем была моя проблема?* Он продолжил, прежде чем я успела возразить.

— Твоя проблема в том, что ты думала, что все будет происходить одним образом, а так не получилось. Ты даже не сказала мне, что скучаешь по парню, который должен быть здесь с тобой. Ты просто не хочешь быть здесь одна, потому что это не по плану.

— Я это не говорила!

Он рассмеялся.

— Именно это ты и сказала!

— Ну... — я хлопнула в ладоши. — Я не это имела в виду. Я взволнована. И пьяна.

— Так ты скучаешь по нему? Потому что я не вижу девушку с разбитым сердцем перед собой. Я вижу того, кто зол, что ее отношения закончились плохо, в основном потому, что это разрушило ее замысел об идеальной жизни. Она проделала весь этот путь сюда, но даже Парижа недостаточно, чтобы отвлечь ее от того факта, что она не получила точно того, чего хотела.

— Это было больше, чем замысел! Это было настоящим. По крайней мере, это ощущалось настоящим... большую часть времени. — Мои плечи опустились, когда дух борьбы покинул мое тело. Даже мой голос ослаб.

Его голос тоже стал мягче.

— Хочешь узнать, что я думаю?

— Нет.

Он поднял руки.

— Достаточно честно.

Я положила свою кредитку на барную стойку.

— Я хочу оплатить свой счет и уйти.

— Вино за счет заведения.

— Потому что ты меня жалеешь? — огрызнулась я. *Боже, Миа, просто закрой рот.* Почему я позволяю этому парню доставать меня? Разве я в этом баре не потому, что я жалею себя?

Он колебался, прежде чем ответить.

— Да. Поначалу мне было жаль тебя, потому что какой-то придурок обошелся с тобой неправильно. Но теперь, когда я знаю немного больше, то думаю, что он сделал тебе огромное одолжение. Теперь я жалею тебя, потому что ты позволяешь одному плохому дню разрушить мечту, которая была у тебя так долго. Знаешь, если ты уедешь завтра, держу пари,

что ты никогда не вернешься. Уверен, что ты всегда будешь думать о Париже как о несчастливом, одиноком месте.

Я открыла рот, чтобы поспорить, но затем закрыла. Он был прав? Я позволю одному плохому дню затмить все то время, что я мечтала о Париже?

— Но я также уверен, что ты сильнее, чем думаешь.

Я встретила его взгляд, и он был серьезным. Он был прав? Я знала, что приезд сюда не будет легким, но я села на самолет. Покачав головой, я спросила:

— Твой профилирующий предмет психология или что-то в этом роде?

Он усмехнулся.

— У меня двойной: музыка и психология. Ученая степень в психологии. Послушай, я знаю, что мы только познакомились, и я стремлюсь анализировать людей и открываю свой большой рот, когда я, вероятно, должен просто держать свое мнение при себе. Но когда ты вошла сюда одна и огляделась вокруг, я подумал: «Это женщина знает, чего она хочет. Такая уверенность — сексуальна».

— Но я не уверенная. — Слова были похожи на хныканье, когда я смотрела на свою левую руку, где должно быть мое кольцо. Я задавалась вопросом: где оно сейчас — я бросила его в унитаз, но Коко спасла его.

— Да, ты уверенная. Сейчас ты просто немного напугана.

Выдохнув, я посмотрела на него сквозь ресницы.

— Ты споришь со всем, что я говорю. Это правда раздражает.

— Извини. Позволь мне исправить это.

— Как?

Он задумался на мгновение.

— Ну, давай заключим сделку. Ты соглашаешься остаться в Париже еще на один день, а я проведу этот день в качестве твоего гида-экскурсовода, не психоаналитика, я обещаю. Если ты все еще будешь несчастной, даже когда рядом с тобой будет друг, ты сможешь улететь домой на следующий же день. Я даже позвоню в авиакомпанию за тебя.

— Друг, ха?

— Подумай об этом. — Он продвинулся по бару, чтобы выполнить заказы, и я снова посмотрела на его задницу. Она на самом деле была милой. И хотя он не был моим приоритетным выбором в компаньоны для путешествия — я расположила его где-то над моей матерью, но ниже Коко и Эрин — предложение было своего рода милым, и я полагала, что он будет довольно хорошим гидом, будучи коренным жителем.

Когда он вернулся, я подняла два пальца.

— У меня два условия.

Он сложил руки на груди.

— Назови их.

— Ты должен перестать спорить со всем, что я говорю о себе. Ты едва знаешь меня.

— Да, знаю.

Я зло выдохнула, но он рассмеялся.

— Извини. — Он поднял ладони вверх, словно сдавался. — Но ты такая милая, когда злишься. Мне будет трудно сопротивляться тому, чтобы не подтрунивать над тобой.

Мой рот широко открылся. Он флиртовал со мной? Я была наполовину зла, наполовину польщена. С одной стороны, он крайне раздражал меня сегодня своей умной задницей, знающей все об отношениях, но с другой... Боже мой, сколько времени прошло, с тех пор как

кто-то флиртовал со мной?

Другой бармен позвал его на помощь, и Лукас поднял один палец, чтобы ему дали минутку.

— Так что? Какое второе условие?

— Там должно быть вино.

Он усмехнулся.

— Договорились. — Я вытянула руку, мы пожали их, и затем внезапно он притянул меня вперед через барную стойку, поцеловал обе мои щеки, и затем первую щеку снова. — Приятно познакомиться с тобой, Миа. Добро пожаловать в Париж.

#

Несмотря на мнение Лукаса, я не чувствовала достаточно уверенности, чтобы в первый раз воспользоваться здешним метро ночью, так что он посадил меня в такси и дал указание водителю ехать к отелю. Лукас поднял одну бровь, узнав о моем модном месте проживания, но не сказал ничего остроумного. Мы договорились встретиться в вестибюле утром в десять утра — он предложил в полдень, но я настояла на том, чтобы встретиться пораньше.

— Я должен работать до двух, — пожаловался он.

— Тогда лучше езжай домой сразу после окончания. Мы должны завтра обойти много мест, если ты собираешься показать мне Париж всего за один день.

Он застонал и открыл дверь такси, и я послала ему победную улыбку. Я ожидала чего-то вроде объятия или типа того, но он не выказал особого желания. Скользнув на заднее сиденье, я помахала рукой на прощание, и он сделал то же самое.

Это странно разочаровывало.

#

Следующим утром я проснулась в восемь, приняла душ и надела самый маленький из двух халатов, что висел в ванной. Напевая вместе с Кейт Нэш «Paris», одну из моих самых любимых песен парижского плейлиста, я позволила своим волосам сохнуть самостоятельно, пока потягивала восхитительный кофе из обслуживания номеров, покусывая клубнику и шоколадные булочки, и изучая свою одежду для подходящего наряда. Согласно англоязычным газетам, что ждали меня у моей двери, день будет пасмурным, но не дождливым, а температура умеренная

Хммм. Постукивая пальчиком по губам, я рассматривала свой гардероб. Я хотела выглядеть красиво, но так, словно я не особо старалась — потому что я не старалась — но также мне должно быть удобно. Мои туфли без каблука подходили для вчерашней прогулки, но сегодня я подумала, что должна надеть кроссовки. Я подобрала к ним мои любимые подкатанные джинсы и простую белую майку. На случай если станет холодно, я взяла мягкий свитер с розовым арбузным цветом на плечах.

Одевшись, я нанесла немного туши и поработала со своими волосами, но в действительности, я не могла сделать так уж много, после того как они уже высохли. Мне нравились продукты фирмы «Керастаз», но иногда мои кудри жили собственной жизнью. К счастью, сегодня они вели себя приемлемо.

Я допила свой кофе и чистила зубы, когда позвонили с ресепшена, сказав, что в

вестибюле меня ждет гость. Я прополоскала рот, сплюнула и нанесла свой любимый бальзам для губ, прежде чем перекинула сумку через плечо и выскочила за дверь.

Когда лифт поехал вниз, мой желудок немного подпрыгнул — какого черта? Я положила на него руку и напомнила себе, не ждать слишком многого от этого дня. Лукас был милым парнем и все такое, может, даже немного привлекательным, но я не могла быть уверена, что буду наслаждаться его компанией в течение нескольких часов подряд так же, как и он моей. На самом деле, этот день может стать неловким, если у нас не окажется ничего общего. Для этого случая я должна придумать оправдание, чтобы закончить пораньше.

Выйдя из лифта, я пошла по элегантному лобби, осматривая толпу.

— Ищешь кого-то? — голос возник позади меня, и я повернулась, обнаружив Лукаса, который стоял там, засунув руки в карманы.

Я улыбнулась.

— На этот раз, да.

Он вернул мне улыбку, прежде чем наклонился и поцеловал меня по разу в каждую щеку. Это мое воображение, или сейчас он милее, чем был в баре вчера вечером? Что-то изменилось? Я быстро посмотрела: нет, щетина на месте, и волосы все еще были в беспорядке. Иисус, у этого мужчины вообще есть расческа?

Но этот наряд не был плох. На нем снова были серые брюки с прошлой ночи, но сверху он надел белую рубашку и шерстяной джемпер. Это было мило, в стиле элегантного ботаника.

Мы вышли из отеля, и Лукас жестом показал налево.

— Туда.

— Куда мы идем? — я подстраивалась под его шаг.

— За кофе.

Я выпустила звук раздражения.

— Я уже пила кофе! Я хочу что-нибудь увидеть!

— Расслабься, принцесса. Мы прогуляемся по Елисейским полям как правильные туристы, затем сядем в кафе и выпьем кофе с видом на Триумфальную Арку. И ты сразу же сможешь вычеркнуть две известные достопримечательности из своего списка.

— Как ты узнал, что у меня есть список?

Он искоса улыбнулся.

— Просто догадка.

Сжав губы, я ударила его в плечо.

— Ты сказал, что сегодня не будешь меня анализировать.

Его глаза засветились.

— О боже мой, у тебя есть списки для всего, так? Держу пари, что у тебя есть такой: «Утро вторника: голубые джинсы, розовый свитер, серые кроссовки». — Он изобразил женский голос, чтобы сымитировать меня. — «Наряд сменяется в 4:45 на коктейльное платье и черные туфли на шпильке».

— Прекрати это. У меня нет такого списка. — Я подняла подбородок и продолжила идти, отказываясь смотреть на него, чтобы мое выражение лица меня не выдало. Как чертовски раздражало, что его глупое анализирование меня попадало в самую точку.

Лукас рассмеялся.

— Я пошутил, но у тебя есть, не так ли? У тебя есть список нарядов!

— И что, если это так? Что плохого в том, чтобы быть организованной и планировать наперед? Я хороша в этом. — Я всегда думала о своей хорошей подготовленности, как о преимуществе, так почему сейчас мои щеки покраснели?

— Ничего плохого, принцесса. — Он взял меня за локоть, чтобы потянуть в переулок, но я высвободилась из его хватки.

— Перестань меня так называть. Я не принцесса.

— Сказала девушка, остановившаяся в «Плаза Атене».

— Я не плачу за это, помнишь? Бывший жених?

Лукас остановился.

— Ох, да. Я забыл о нем.

— Я бы тоже хотела о нем забыть.

— Ты можешь. Ты забудешь. — Он положил руку мне на плечо и сжал на мгновение, удивив меня. — Извини, что я дразнил тебя.

Мы медленно прогуливались по Елисейским Полям, иногда останавливаясь, чтобы я могла поохать и поахать над товарами в витринах магазинов, выстроенных в ряд по улице. Я зашла в несколько магазинчиков, но он каждый раз оставался снаружи, и никогда не торопил меня и не жаловался, что он еще не выпил кофе, как делал бы Такер. Такер никогда не видел смысла ходить по магазинам, без намерения что-нибудь купить — если ему что-нибудь нравилось, он сразу покупал.

Я увидела несколько милых вещиц, которые я бы хотела купить себе или своим друзьям, но моей кредитке ценник был не под силу. И хотя у меня была карта Такера и даже его разрешение на ее использование, я не чувствовала, что это будет правильно.

— Даже без сувенирной футболки? — спросил Лукас, когда я вышла из очередного магазина с пустыми руками.

Я покачала головой.

— Даже футболка для меня немного дорога.

— Да, это место с завышенными ценами, потому что недвижимость здесь премиум-класса. Но я знаю несколько мест для шопинга получше, менее переполненных туристами. Я покажу тебе путь.

— Спасибо.

И в конце улицы находилась Триумфальная арка, огромное, массивнее и величественнее, чем я себе представляла. Когда мы подошли ближе, я перестала идти и уставилась на нее с открытым ртом.

— О боже мой, она так огромна!

— Я так часто это слышу.

Я состроила ему гримасу.

— Ха-ха-ха. Просто будь тихим и дай мне насладиться, ладно? Это твоя единственная обязанность на сегодня.

Он отсалютовал мне.

— Так мы можем подняться на нее?

— Ты можешь подняться.

— Почему только я?

Он пожал плечами,

— Я не люблю высоту.

Я снова посмотрела на полукруглую арку. Сверху было довольно-таки высоко.

— Ты никогда не был там наверху?

— Был. Вид невероятный.

— Ну, тогда я поднимусь сама.

— Без проблем. Я подожду тебя здесь. — Мы дошли до конца здания, где было кафе с огромным красным навесом и множеством небольших столиков на открытом воздухе. Лукас выбрал незанятый столик и сел. — Разве ты не пойдешь сейчас?

— Я думаю, пойду. — Но я стояла там еще немного дольше, чувствуя странное разочарование, что он не составит мне компанию.

— Ты уверен, что не пойдешь со мной?

— Уверен. Иди. — Он махнул в сторону знака метро. — Самый легкий способ — спуститься под землю и пройти по крытому переходу.

Я последовала его инструкции и использовала музейную карту Парижа, чтобы войти. Я заранее заказала их для себя и Такера. Когда я поднялась на сотни шагов, чтобы добраться до верхней части арки, я подумала, что может, отдать другую карту Лукасу. Я задавалась вопросом, любит ли он искусство. Я знала, что ему должна нравиться музыка, так как это была его специальность, наряду с психологией, но я почти ничего о нем не знала, даже его фамилию.

Мышцы на моих ногах горели после нескольких десятков лестниц, но мне это нравилось, и физическая нагрузка подняла настроение. *Когда я спущусь, то спрошу его побольше о нем, и я буду непредвзятой и даже милой, черт побери. Я не буду невыгодно сравнивать его с Факером, перестану судить его волосы, его лицо и все другое, и даже поблагодарю за то, что он провел день со мной.*

Потому что на самом деле, он ведь мог отправить меня своей дорогой прошлой ночью. Ради всего святого, я не была настолько очаровательна, что он не смог противостоять мне. На самом деле, я была довольно стервозной.

Немного задыхаясь от такого подъема, я достигла вершины и ступила под сильный ветер, поэтому я крепче обернула свой свитер вокруг себя. Осторожно, я подошла к краю и осмотрела панорамный вид. Но первым делом, даже не Эйфелеву башню или Лувр, или Ла-Дефанс, мои глаза немедленно нашли кафе, где Лукас ждал меня, и мне показалось, что я увидела его там, но я не была уверена. Я вытаскила камеру и сделала несколько фотографий, прежде чем отправилась обратно вниз по лестнице, через подземный переход назад к кафе. Лукас был прямо там, где я оставила его, а на столе стояла пустая чашка. Он проверял свой телефон, но быстро засунул его в карман, когда увидел меня. Это еще кое-что, что Такер никогда бы не сделал. Он был приклеен к этой вещице.

— Итак? Как это было? — Лукас вытаскил стул на другой стороне стола для меня.

— Это было поразительно. Это было захватывающе. Это было... — я опустилась на стул и выбросила кулаки в воздух. — Триумфально.

Лукас рассмеялся и поднял руку, чтобы позвать официанта.

— Так хорошо, да?

— Ну, я не видела, чтобы кто-нибудь целовался или делал предложение, что автоматически делает это лучше, чем мой визит на Эйфелеву башню вчера.

— Хорошо. Хочешь кофе? — спросил он, когда подошел официант.

— Конечно, спасибо.

Лукас поднял два пальца.

— Deux cafés (прим. пер. фр. — Два кофе). — Официант взял пустую чашку и отошел, а

я наклонилась вперед на локтях.

— Итак, Лукас... подожди, как твоя фамилия?

— Фурнье.

— Итак, Лукас Фурнье. Твоя специализация — психология и музыка, ты бармен, и боишься высоты. Расскажи мне что-нибудь еще о себе.

— Я не сказал, что боюсь высоты.

Я моргнула.

— Да, сказал.

— Я сказал, что не люблю. Это разное.

Я улыбнулась краешком губ.

— Конечно. Pardonnez-moi (прим. пер. фр. — Извини).

— И на самом деле, я не бармен. «Бивер» принадлежит моему брату Жилю, а я просто работаю там иногда, когда нахожусь в Париже.

— Что ты обычно делаешь?

— Я преподаю вступительный курс психологии в Нью-Йоркском университете. Я здесь на лето, чтобы навестить маму и сделать небольшое исследование.

— В психологии? — спросила я, прежде чем сделала глоток.

— Вообще-то в музыке.

— О чем твое исследование?

— «Традиционная народная музыка у цыганских гитаристов». Я бы хотел написать книгу об этом.

Я наклонила голову на незнакомое слово.

— Цыганские? Что это?

— Ну, многие люди относятся к ним как к бродягам, но этот термин звучит немного грубо в эти дни.

— Ага. И ты тоже играешь на гитаре?

Он улыбнулся.

— Да.

Заинтригованная, я поставила чашку.

— Могу я услышать, как ты играешь?

— Ты взяла гитару?

— Не здесь, дурак. Может, позже?

Он поднял бровь.

— Ты планируешь отправиться со мной домой?

Немедленно мои щеки загорелись. За одну минуту я превратилась из милой девушки в извращенку.

— Нет, я не это имела в виду, мне жаль, я просто...

Лукас рассмеялся, когда вытянул руку и похлопал меня по плечу.

— Расслабься, Миа. Я просто дразнюсь. — Он вытащил деньги из кармана и положил на стол.

Я прикусила губу — я не хотела, чтобы он думал, что должен платить. Это было не свидание.

— Спасибо. Думаю, мне нужно обменять немного денег.

— Это значит, что ты остаешься? — Лукас посмотрел на меня с блеском в глазах.

Я хотела ответить «да», но при этом не хотела, чтобы он перестал пытаться убедить

меня. Было что-то приятное, чтобы быть единственным объектом его внимания.

— Все еще не решила.

— Тогда хорошо. Мне есть над чем поработать. Пойдем.

— Так, ничего романтического, верно? — Лукас потер свой подбородок. Он помог мне разменять немного денег, и сейчас мы направлялись к входу в Метро.

— Верно.

— Черт, в Париже это довольно трудная задача, но думаю, у меня есть идея.

Я следовала за ним вниз по цементным ступенькам, и когда мы достигли последней, он взял меня за руку.

— Пойдем сюда. Ты знаешь, как прочитать это? — Он повел меня к огромной карте маршрутов на стене.

Я быстро оглядела ее. На самом деле, я любила карты и хорошо умела их читать.

— Каждый маршрут имеет номер и разный цвет, верно? А маленькие точки — это остановки?

— Да. И белые точки, чуть больше по размеру, указывают на то, где ты можешь пересесть на другую ветку. Твоя задача — посмотреть название остановки в конце ветки в направлении, куда ты хочешь поехать. Например, мы вот здесь... — он указал через мое плечо на большой белый овал на карте. — На станции «Шарль де Голль — Этуаль».

Он стоял позади меня так близко, что я могла чувствовать его дыхание в моих волосах. Я задалась вопросом, пахну ли я кофе, а затем долго ругала себя за такие странные мысли.

— Верно.

— И мы хотим сюда. — Он скользнул пальцем по карте и остановился на надписи: «Пер-Лашез».

— Пер-Лашез... это ведь кладбище?

— Да. Мертвые люди и каменные памятники. Никакой романтики, верно?

Я засмеялась, глядя на него через плечо. Святое дерьмо, он был близко. На самом деле, мой висок касался его подбородка, и он сделал шаг назад, прочистив горло.

— Итак, как мы туда попадем? — спросил он. — Расскажи мне.

— Хмммм. — Закусив губу между зубами, я изучала карту, но по каким-то причинам я не чувствовала, что мои навигационные навыки достаточно хороши, и я была уверена, что причиной был обросший подбородок Лукаса. Он был таким же обросшим, как я и представляла. *Какого черта, Миа? Сосредоточься.* — Эм, мы ищем номер три и хотим поехать в направлении... Галлиени?

— Ну, мы можем. Если не считать того, что номер три не останавливается на станции «Шарль де Голль — Этуаль». Мы должны сделать пересадку.

— Ох. — Я снова посмотрела на карту, но я чувствовала его щетину на моей коже. *Черт, сконцентрируйся! Ты даже не любишь щетину!* — Ох! Я вижу. Мы выберем... номер два, поднимемся и пообедем. Таким образом, нам даже не надо будет пересаживаться.

— Правильно.

Светясь от гордости, я повернулась.

— Итак, мне нужен билет, верно?

— Да. Вон там. — Лукас повел меня к одному из терминалов по продаже билетов и наблюдал, как я поменяла язык на английский и начала пошагово следовать инструкциям.

Вдруг я начала колебаться.

— Как много я должна купить?

— Это только на один день?

Я удержала свой взгляд на экране.

— Не знаю. Может, два.

— Ага! Мой план работает! — обрадовался он.

Я пожала плечами, отказываясь смотреть на него.

— Может быть. Немного.

— Возьми десять.

Я оплатила кредитной картой и положила девять билетов в свой кошелек. Лукас прошел вперед, а я скормила свой билет терминалу и последовала за ним через турникет. Он хотел, чтобы я шла впереди, так что, прежде чем выбрать туннель, я тщательно осмотрела все вывески.

Когда мы пришли на платформу, Лукас вытянул руку, и я дала ему «пять».

— Так держать, принцесса. Ты успешно сориентировалась в метро. Я уверен, что теперь в Париже ты сможешь попасть куда угодно, даже когда будешь одна.

— Спасибо тебе. — Я сделала небольшой поклон, но почувствовала укол печали, когда представила, что буду одна.

Пока мы ждали поезд, Лукас спросил меня, чем я занималась в Детройте.

— Я планирую мероприятия.

Он рассмеялся.

— Ну конечно.

Возмущенная, я сложила руки на бедрах.

— Что в этом такого забавного?

— Ничего. — Он перестал хохотать, но не смог стереть ухмылку со своего лица. — Это идеальная работа для тебя. Бьюсь об заклад, что ты действительно хороша в этом.

— Да, это так, спасибо большое, — фыркнула я, подтягивая сумку выше на плече. — После колледжа некоторое время я работала на других людей, и затем, когда мне было двадцать пять лет, я начала свой собственный бизнес. Ну, точнее, мы с моей лучшей подругой — у нее было немного унаследованных денег, и мы всегда хотели делать что-то вместе. Поэтому начали действовать.

Он выглядел впечатленным.

— Очень круто. Как идут дела?

— На самом деле, очень хорошо. Мы попали в новости в прошлом году, так как были двумя лучшими и перспективными молодыми предпринимателями в городе. У нас было много заказов, в основном свадьбы, но большинство из них были с действительно большим бюджетом, — вспышка неловкости на лице Лукаса заставила меня остановиться, и на секунду я задумалась, что я сказала не так, пока не поняла, что упомянула *свадьбы*. Но к удивлению, ни это слово, ни мысль о ней меня не беспокоили.

Ха.

— И как называется твоя компания?

— «Девин Ивентс». Девин — моя фамилия.

Он снова мне улыбнулся, но эта улыбка была нежнее. Более восхищенная, чем забавляющаяся.

— Она тебе подходит.

В тот момент поезд прибыл на станцию, с ревом проехав по рельсам, румянец окрасил мое лицо. Я опустила глаза в землю. Какого черта? Он флиртовал со мной? Флирт разрешен

в этой экскурсии? И то, как бьется мое сердце? Оно ощущалось огромным и неуклюжим в груди.

Там было только одно пустое сиденье, и Лукас жестом показал мне садиться. Он остался стоять, и хотя поезд покачивался из стороны в сторону, он ни за что не держался, просто стоял в проходе с широко расставленными ногами и скрещенными руками. Я понятия не имела, почему это меня немного возбуждает, но чувствовала волнение внизу живота.

Хмм. Я думаю, у него на меня встает.

Ха-ха, встает на меня.

Отвернувшись, чтобы он не увидел улыбку, которую я пыталась скрыть, я ругала себя за грязные мысли. *Прекрати это, Миа. И даже не смотри на его промежность. Не делай это, не делай это, не...*

Я сделала это. Я ничего не могла с собой поделать.

Это не был долгий взгляд или что-то такое, это был больше мимолетный взгляд, и он ничего мне не сказал, но я все еще боялась, что он заметил. Я перевела взгляд на свои кроссовки.

Несколько остановок спустя, сиденье рядом со мной оказалось свободным, и Лукас его занял.

— Так ты любительница кладбищ? Пер-Лашез было в твоем списке?

— Я не знаю, могу ли назвать себя любительницей кладбищ, но я уверена, оно было в списке. Напомни мне, кто здесь похоронен?

— Множество людей. Но имена, которые ты знаешь: Джим Моррисон, Эдит Пиаф, Шопен, Оскар Уайлд, Бальзак, Гертруда Стайн...

Я подняла брови.

— Я впечатлена, профессор Фурнье.

Он пожал плечами.

— Я любитель кладбищ. Я думаю, что они красивые и расслабляющие. Умиротворяющие.

Я обдумала это.

— Да, я понимаю.

— Я просто надеюсь, что оно не забито туристами сегодня, хотя... сейчас сезон.

— Мы ведь разрушаем твоё душевное, презирающее условности равновесие, да?

Он стукнул мою ногу и наклонился ближе ко мне.

— Да, ты его разрушаешь.

— Ну, я постараюсь сдержать волнение, но не обещаю.

Наши лица были близко, почти нос к носу. Я задержала дыхание, когда его взгляд на секунду упал на мои губы. *Иисус, он собирается поцеловать меня. Прямо здесь в поезде, он точно поцелует меня!*

Но прежде чем я смогла решить, что я чувствую по этому поводу, он откинулся назад на свое сиденье.

— Ты не красишь губы блеском. Я заметил это прошлой ночью.

У меня заняло секунду, чтобы прийти в себя.

— Что? Ох, нет. Я не крашу, обычно.

— Мне это нравится. Я считаю, что блеск для губ — отстой.

— Ты так думаешь?

— Да. Он весь липкий и клейкий, остается на всей одежде, и я не знаю из каких, черт

побери, токсичных химических веществ он сделан, но его никак не вывести.

Я сморщила нос.

— Да, я думаю, что в нем много опасных ингредиентов. Я больше люблю бальзамы для губ.

Лукас наклонил голову и посмотрел на меня с подозрением.

— Приятно знать.

Бах-бах-бах — мое огромное сердце продолжало биться о грудную клетку.

Черт, это было официально — он флиртовал со мной, и мне это нравилось.

— Наша остановка. — Лукас слегка подтолкнул меня локтем, и я встала, но у меня не было его способности ровно стоять на ходу, поэтому, когда поезд резко повернул, я сразу упала вперед. Лукас легко поймал меня и притянул меня к груди. — Стой. Ты в порядке?

— Да, извини. Но я думаю, что мне нужно за что-нибудь держаться.

— Я подержу тебя. — Он развернул меня и держал за плечо, пока поезд не подъехал к остановке и двери не открылись. — Вперед. — Когда мы оказались на твердой земле, он отпустил меня.

И я вроде как не хотела, чтобы он это делал.

#

К большому ужасу Лукаса, на Пер-Лашез было много загруженных туристами автобусов. Нам удалось избежать толпы, так как мы пропускали могилы очень известных людей и просто бродили по грязной, выложенной булыжниками дороге. Я спросила, могу ли я где-нибудь получить карту или руководство «Кто и где похоронен», но Лукас настоял, что они нам не нужны. — Я был здесь много раз, — заверил он меня. — Давай просто погуляем, и если тебе интересно узнать что-нибудь, я расскажу тебе все, что знаю.

— Но я люблю карты. Я хочу карту. Мне нужна карта, — захныкала я.

— Нет, не нужна.

Я послала ему испепеляющий взгляд, и он поднял руки.

— Я знаю, что сказал, что не буду спорить с тобой, но давай просто попробуем сделать это по-моему, и если это не сработает, я обещаю, что куплю тебе карту.

Мысль о том, чтобы бродить по такому известному месту без гида, заставило мои ладони зудеть, но я подумала, что могла бы попытаться выдержать это ради Лукаса.

И на самом деле, я даже наслаждалась этим.

При отсутствии конкретного маршрута или графика, я обнаружила, что меньше спешила, чем обычно, когда осматривала достопримечательности и замечала то, что, вероятно, не увидела, если бы уткнулась носом в путеводитель.

И Лукас не преувеличивал — он смог рассказать мне множество историй о людях, похороненных здесь, были ли они музыкантами, актерами, писателями или политиками.

— Видишь вот эту? — он показал мне жестом на бронзовую статую мужчину, облокотившегося об могилу. — Самая лучшая история на свете.

Я остановилась перед ним.

— Правда? Кем он был?

— Он был французским президентом, который умер, пока его любовница делала ему минет. Его надгробная надпись по-французски: «Il voulait être César, il ne fut que Pompée», что означает: «Он хотел быть Цезарем, но закончил как Помпей» (прим. пер. имеется в виду

Гней Помпей Великий). — Глаза Лукаса заблестели. — Или это может значить: «Он хотел быть Цезарем, но закончил сексуально-возбужденным».

Я ахнула и приложила руку ко рту.

— Боже, этого никогда бы не позволили написать на могиле американского президента.

Лукас покачал головой.

— Вероятно, нет.

— Ты довольно хорош во всей этой истории, — сказала я, когда мы продолжили идти.

— Я нахожу ее интересной.

Я толкнула его локтем.

— Особенно по части минетов, держу пари. — К моему удивлению, он покраснел и слово «восхитительный» всплыло в моей голове. — Я серьезно. Это изумительно, как много ты знаешь об истории.

— У меня хорошая память.

Я вздохнула.

— У меня нет. Я должна все записывать или я обязательно все забуду.

Он удивленно посмотрел на меня.

— Правда? Я думал, что ты из тех девушек, кто всегда помнит все имена, и где они встретились, и во что они были одеты.

— Нет, если я не запишу это где-нибудь. Вот причина, почему я так много составляю списки — я не просто одержима ими для развлечения.

— Развлеченье, — он усмехнулся, подтолкнув меня плечом. — Списки — это не для веселья.

Я захихикала и продолжила толкать его, но он увернулся и обнял меня сзади, прижав мои руки к бокам, так что я не могла двигаться.

— Веди себя должным образом, принцесса. — Его дыхание щекотало мою шею сквозь мои волосы, заставляя невесомую радость промчаться по мне...

— Что если я не хочу вести себя должным образом?

Лукас полностью затих, и на мгновение я подумала, что зашла слишком далеко. Поэтому сменила тему.

— Эй, что это? — впереди была одна из самых искусно сделанных могил, каких я когда-либо видела — она была почти как собственная маленькая готическая часовня без стен. Внутри строения располагались две статуи рядом друг с другом, их руки сцеплены в молитве.

Лукас отпустил меня.

— А, Абеляр и Элоиза. Но я не знаю, могу ли рассказывать тебе о них.

— Почему нет? — подойдя ближе к ней, я уставилась на каменную кладку, почти задыхаясь от ее красоты.

— Потому что это очень трагичная, романтическая история. Я не уверен, что это целесообразно для нашей экскурсии.

— Нет, расскажи мне. Я обещаю, что справлюсь с этим.

— Ладно. Но я предупредил тебя. Кхе-кхе — Он получил локтем в живот от меня прежде чем продолжить: — Итак, в двенадцатом веке Абеляр был учителем и философом, и он услышал об этой блестящей молодой красотке Элоизе. Он убедил ее дядю позволить ему давать ей частные уроки, только у них не получилось много учиться.

Я положила руку на его.

— Дай мне догадаться — больше минетов.

— У тебя непристойные мысли, принцесса. Но да, я предполагаю там были минеты. Теперь не перебивай.

— Извини, продолжай. — Я положила руку на верхнюю часть железного забора, который окружал могилу, и сфокусировалась на лежащей там фигуре, пытаюсь игнорировать то, как его близость посылала мурашки по всему моему телу.

— Какое-то время у них продолжалась страстная и незаконная любовь, — Лукас продолжил: — достаточно долго, чтобы Элоиза забеременела, из-за чего случился большой скандал, потому что он был намного старше ее. В любом случае, ее дядя узнал и попытался разделить их, но они тайно поженились.

Восхищенная, я представила себе все, что он говорил — ночное репетиторство, в конце концов, заканчивается страстным поцелуем, когда их желание друг к другу становится слишком сильным, чтобы вынести. Тайные свидания — я представила, как они лежат на какой-то медвежьей шкуре перед камином, огонь отбрасывает свет на их блестящие тела. Церемония тайной свадьбы, проведенная приглушенными голосами, поспешно, в маленькой часовне.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

— Продолжай, — попросила я, чувствуя себя больше чем немного возбужденной. — Что случилось дальше?

— Ну, это вышло немного отвратительно. Абельяр боялся за их безопасность, потому что дядя был своего рода мудака и не был слишком счастлив по поводу их женитьбы. Поэтому он спрятал Элоизу в монастыре и вернулся в Париж один, где на него напали и, эм, кастрировали. — Лукас вздрогнул и поправил промежность в своих брюках.

Я ахнула.

— Нет!

— Да. Ему было так стыдно, что он решил, что не может столкнуться лицом к лицу с Элоизой, поэтому он стал монахом. Она была настолько опустошена, что отказалась от своего ребенка, присоединилась к монастырю и стала монахиней.

Мой рот открылся.

— Что? Они никогда не видели друг друга снова?

— Я так не думаю. Но они писали друг другу на протяжении двадцати лет. И любовные письма сохранились.

— Любовные письма, правда? Они романтичные?

— На самом деле я никогда их не читал. Но думаю, что они романтичные. И романтические психи со всего мира приходят и оставляют здесь письма, надеясь, что это принесет им удачу, хотя если подумать, то в этом нет смысла. Эти двое так и не воссоединились до смерти.

Я снова вздохнула, раздраженная.

— Ты был прав. Ты не должен был рассказывать мне эту историю. Теперь я полностью... — я неловко переступила с ноги на ногу. *Возбуждена.* — Опустошена.

— Я думаю, знаю, что исправит это.

Мой желудок сделал сальто, и я облизала губы.

— Что?

— Вино. И, может, немного еды.

— Ох, верно.

Подождите минутку. Я на самом деле разочарована, что он имел в виду вино, вместо чего-то более интимного? Что, черт возьми, со мной не так? Ради Бога, это же вино. Моя любимая вещь.

Более плотно укутавшись в свитер, я улыбнулась.

— Да, звучит идеально. Идем.

Лукас выбрал столик у окна в пабе, в который мы решили зайти, и я заняла место напротив него.

— Я голодна. Все же, сколько сейчас времени?

— Уже третий час.

— Да? Ничего себе, когда веселишься, время просто летит. — Я поблагодарила официантку, которая протянула мне меню, и открыла его.

— Тебе весело?

Я подняла голову и увидела, что Лукас с любопытством меня изучает.

— Конечно, весело. А тебе?

— Да. Но мне, чтобы остаться в Париже, не нужно, чтобы меня убедили. Ты еще не приняла решение?

— Я близко. — Я подняла руку, оставив небольшое расстояние между большим и указательным пальцем, и продолжила шепотом: — После вина, возможно, оно станет официальным.

— Ладно, тогда бутылка самого лучшего подойдет. — Изучая список, он посмотрел на меня сквозь густые, темные ресницы. — Что ты предпочитаешь?

— Хмм. Честно, мне понравилось то, что ты наливал мне прошлой ночью. То, с долины Роны.

— Ты хочешь попробовать еще раз вино с долин Роны или что-то другое?

— Выбирай ты. Я просто буду наслаждаться. Ох, ты можешь заказать мне салат, как у той девушки на тарелке? — я пыталась показать, но при этом остаться незамеченной.

Покрутившись на стуле, Лукас посмотрел позади меня.

— Это салат «Нисуа», — сказал он. — Теперь ты можешь сама заказать его.

— Но твой французский намного лучше. — Скрестив пальцы под подбородком, я попыталась обаятельно улыбнуться. — Правда, я совсем не говорю хорошо. Можешь ты заказать его, пожалуйста?

Он покачал головой.

— Что ты будешь делать, когда меня не будет рядом, чтобы помочь? Ты должна сделать это. Не бойся.

Мысль о том, чтобы произнести французские слова перед Лукасом, заставила меня немного заволноваться, но когда подошла официантка, я справилась: заказала салат и даже попросила воды. Лукас заказал вино — по крайней мере, это то, что, я полагаю, было в его быстрой французской речи — и тоже салат «Нисуа».

— Видишь? Разве это так сложно? — спросил он, когда мы снова оказались одни.

— Я полагаю, нет, — признала я, разглаживая салфетку на коленях. Я знала, что он был прав, что мне необходимо учиться говорить для себя, потому что, даже если я останусь, я не могу ждать, что Лукас проведет все это время со мной. Это, вероятно, была сделка на один день. От этого мой живот скрутило, и я поняла, как грустно мне будет, если я не увижу его снова после сегодняшнего дня. Когда я подняла взгляд, то увидела, что он смотрит на меня с серьезным выражением лица.

— Миа...

Но он был прерван официанткой, появившейся с кувшином воды и двумя бокалами.

Лукас наполнил их водой, и я ждала, что он скажет то, что собирался, но он молчал.

— Ты собирался что-то спросить у меня? — подсказала я.

Он покачал головой и сделал глоток воды.

— Нет.

— Да, хотел. Прямо перед приходом официантки. Ты сказал мое имя.

Он нахмурил лоб, и либо он мог делать хорошее непроницаемое лицо, либо он правда не собирался сказать ничего важного.

— Я уже не помню.

В груди слегка кольнуло, и я подняла стакан с водой. Что это? Почему я так странно себя чувствую и расстраиваюсь из-за Лукаса? Прошлой ночью он едва ли мне нравился. Мое первое впечатление о нем было забыто, ну и что такого? Я нашла его привлекательным, несмотря на его щетину. За этим ртом умника был пытливый ум и романтическая душа. Я приехала сюда не чтобы встретить мужчину, а чтобы забыть одного. Выпрямившись, я поклялась выбросить все серьезные мысли, чтобы хорошо провести время.

Когда принесли вино, я наблюдала, как официантка наполняет наши бокалы рубиновой жидкостью. Мои внутренности дрожали от волнения, как было всегда, когда я предвкушала действительно хороший бокал вина. Я, должно быть, немного подпрыгнула в кресле или что-то еще, потому что Лукас рассмеялся.

— Волнуешься?

— Конечно. Могу я пить его сейчас, или я должна посидеть некоторое время, чтобы вино наполнилось кислородом? — я махнула рукой в воздухе над своим бокалом.

— Нет, можешь выпить его сейчас.

— Хорошо.

Я подняла бокал и вдохнула аромат, как будто знала, что делаю.

— Так что ты знаешь о вине?

— Немного. У моей семьи есть небольшой виноградник в Провансе.

Я опустила бокал.

— Ты серьезно?

— Да. На самом деле, это вино очень похоже на то, что мы делаем. Попробуй.

— Можешь не продолжать. — Вино было холодным на моих губах, и я позволила ему задержаться во рту на несколько секунд, прежде чем сделать глоток. — Ммм. Восхитительно. Я бы хотела знать больше, чтобы описать это. Мягкое? Приятное? — я сделала еще один глоток. — Боже, это так вкусно. Извини, что у меня нет слов получше.

— Не извиняйся. Я рад, что оно тебе понравилось.

Официантка принесла наши салаты, и Лукас поставил свой бокал, чтобы поесть, но я еще не была готова расстаться со своим.

— Так, расскажи мне что-нибудь об этом вине.

— Ну, я не знаю так много, как мои братья, и я не очень разбираюсь в винных правилах, но первое, что любой эксперт скажет тебе, что неправильно пить вино с этим салатом.

— Кого это заботит? Я с тобой — никаких правил. — После еще одного глотка, я взболтнула вино в бокале. — Но есть что-то, чему ты можешь научить меня?

— Ну, это вино из Шатонёф-дю-Пал^[7], которое может иметь до тринадцати различных сортов — но не проси меня назвать их названия.

— Как насчет этого?

Он подумал секунду.

— Гренаш.

Я кивнула.

— Достаточно хорошо.

Пока мы ели наши салаты и уже прикончили бутылку вина, мы с Лукасом вели легкую беседу о вине, наших семьях и детстве. Его мать была киноактрисой.

— Но она играла, может быть, пять-шесть лет, прежде чем бросила и вышла замуж за графа, — сказал он.

— За графа? Правда?

— Правда. Титул, потомственное богатство. Вот откуда виноградник. У нее было два сына от него, прежде чем он признался, что предпочитает мужчин.

Я остановила вилку на полпути к моему рту.

— Да ладно!

Он кивнул.

— Хотя они остались хорошими друзьями. Он отличный парень. Он и его партнер уехали на виноградник, и моя мама постоянный гость там летом, — он остановился, прежде чем добавить: — с ее новым мужем.

— Что? Боже, это так по-французски. Нынешний муж — это твой отец?

— Нет. Мой отец был американским музыкантом в европейском туре. Он встретил мою маму здесь, влюбился, оставил группу и женился на ней. Когда мне было около шести лет, мы переехали в США. Когда мне было двенадцать, она решила, что их роман подошел к концу, и переехала во Францию. Сейчас она замужем за профессиональным игроком в теннис со своим собственным клубом, который на десять лет моложе нее.

— Ох. Ну, хорошо для нее.

— И для спортсмена тоже. Он проводит лето, загораю у бассейна графа и практикую свои навыки на корте графа.

— И все ладят?

Он пожал плечами.

— Довольно хорошо.

— Где твой отец сейчас?

— Он работает в музыкальной студии в Нью-Йорке, но также преподает в колледже теорию музыки.

Я медленно кивнула.

— Вау. У тебя было интересное детство. По сравнению с ним, мое — ужасно скучное.

— Давай-ка посмотрим.

— Ну, моя мать секретарь в суде, отец — юрист. Они поженились, но это не сработало, и я металась между ними, пока не окончила старшую школу. Теперь мой отец женат на другой женщине, тоже юристе, и у них три маленькие дочки, а мама замужем за кардиохирургом. Они живут в Чикаго, и это хорошее место для нее.

— Почему?

— Потому что это за триста миль от меня.

Он улыбнулся.

— Вы не ладите?

— Что-то типа того. Но знаешь что? — я полностью опустошила свой бокал. — Давай не будем говорить о ней. Она заставляет меня нервничать, а я чувствую себя изумительно

хорошо прямо сейчас.

Он вылил остатки из бутылки в наши бокалы.

— Хорошее вино заставляет чувствовать себя так.

— Это не только вино.

Дерьмо, неужели я сказала это вслух?

Лукас замер на мгновение, его глаза впелись в мои; бутылка вина зависла над столом.

Наконец, он поставил ее.

— О?

Мое лицо загорелось, но я не отвела взгляд.

— Да, Лукас, это лучший день, который у меня был за долгое время. Честно сказать, я забыла, что такое чувствовать себя таким образом.

— Каким, таким образом?

Я расправила плечи.

— Счастливой. Беззаботной. Просто... взволнованной насчет того, что может случиться дальше, хотя я понятия не имею, что это будет.

— В жизни или в Париже?

Я улыбнулась.

— И там, и там.

Искорки победы затанцевали в его глазах.

— Так ты остаешься.

— Я остаюсь. Но! — я подняла вверх один палец. — Я хочу провести остаток дня с тобой, как с туристическим гидом.

— Я весь твой.

Весь мой?

Я посмотрела, как он поднес бокал к губам и отпил, и я представила, как вино скользит в его рот, между зубами, по языку. Это изображение было таким эротичным, что от нахлынувшего возбуждения я даже сжала свои бедра вместе.

Ого, притормози.

Подняв свой бокал, я смотрела в окно и потягивала вино, вспоминая последний раз, когда я была действительно возбуждена, даже без прикосновений. Я возбуждалась, думая о том, как хорошо Такер выглядит, но я довольно быстро поняла, что он не совсем такой сексуальный мачо, каким делала его репутация. Мое шестое чувство говорило мне, что у него было много партнерш на одну ночь, которые не возвращались, и это полностью подходило ему. Это означало, что он никогда не узнавал ни одну девушку в сексуальном плане, чтобы изучить, чего она хотела, в чем нуждалась, что ей нравилось.

Со мной он этого тоже не делал.

Нахмурившись, я наблюдала за парой, которая целовались на тротуаре снаружи. Я пыталась — я правда пыталась — быть той женщиной, которую мужчина желает в постели. Я довольно ясно давала понять, что была готова поэкспериментировать — не только готова, но и заинтересована — и я предлагала себя разными способами, но он не был заинтересован в изменении его привычных действий. Потому что это его очень даже удовлетворяло.

Что за мудаки? Почему я вообще думала, что он был достаточно хорош?

— Эй, ты. Не хмурься.

Я посмотрела на Лукаса.

— Извини. Я просто задумалась.

— О чем?

Я допила вино и со стуком поставила бокал на стол.

— О сексе.

Брови Лукаса взлетели.

— Должен ли я попросить счет?

Захихикав, я полезла в сумку за кошельком и выгащила свою кредитку.

— Да, но не по этой причине. Я хочу увидеть еще больше Парижа. И я хочу заплатить за обед.

— Нет, — Лукас оттолкнул мою руку, когда я попыталась положить свою карту. — Я угощаю. Я выбрал довольно дорогую бутылку вина.

— И что? Мне оно понравилось! Пожалуйста, позволь мне оплатить обед. Это так милос твое стороны провести весь день, показывая мне все вокруг.

— Я хотел сделать это. Это моя идея, помнишь?

— Я знаю, но...

— Никаких но. Убери свою кредитку. Но ты можешь купить нашу следующую бутылку вина, хорошо?

Я сложила руки на коленях, кивнув один раз.

— Мне нравится ход твоих мыслей, Лукас Фурнье.

#

Выйдя из ресторана, Лукас спросил, что я хочу делать дальше.

Заняться сексом с тобой.

Мысль прорвалась в мою голову с поразительной скоростью, и я попыталась также быстро избавиться от нее. Что если он не чувствует никакой химии между нами?

— Хммм, дай подумать. Мы видели памятник и кладбище, поэтому я выбираю музей или собор.

Лукас взглянул на небо, где солнце пыталось выглянуть из-за тяжелых облаков.

— Ну, свет не совсем хороший для витражных окон, но я думаю, что завтра может быть хуже, поэтому давай пойдем в собор.

— Нотр-Дам?

— Хорошо.

Мы выбрали метро и вышли за несколько кварталов от Сены, и вместо того, чтобы пересесть на другую ветку поближе, мы решили прогуляться. День был теплым, а воздух влажным, так что я сбросила свитер и завязала его вокруг талии.

— Итак, я должен спросить, — сказал Лукас, который был довольно тихим, с тех пор как мы покинули ресторан. — Почему ты тогда думала о сексе?

Потому что наблюдение за тем, как ты пьешь вино, заставило меня возбудиться. Я посмотрела на него и решила назвать другую причину.

— Потому что Такер был скучным в постели.

— Что?

Я подняла руки.

— Правда. Я предлагала много всего, стремясь улучшить то, что было не очень интересным или не особо удовлетворяло меня, чтобы привнести больше веселья, но у него был свой привычный шаблон действий, который ему нравился, и он совсем не чувствовал

необходимости отказаться от него.

Лукас перестал идти и вытянул руку передо мной, чтобы остановить меня.

— Скажи мне, что ты несерьезно.

Я засмеялась.

— Я серьезно. Он даже не любил минеты. Может, он услышал историю о французском президенте и испугался.

Лукас уставился на меня на мгновение, затем медленно покачал головой.

— Вот это да. Я чертовски уверен, что он просто придурок, который не ценил то, что имел. Ты заслуживаешь лучшего.

Это был комплимент или алкоголь, который разбудил во мне мимолетное желание потянуться, схватить его за джемпер и прикоснуться своими губами к его? Что он сделает? Иногда он флиртовал, но в другие моменты он вел себя обычно и совершенно во мне не заинтересованно, даже немного равнодушно. Он ждал, что я сделаю первый шаг?

Мы стояли в тишине целых десять секунд, в течение которых я ничего не могла поделывать, но задавалась вопросом, каким он будет в постели.

Бьюсь об заклад, что он в миллион раз интересней, чем Такер. Держу пари, он веселый, сексуальный и готов иногда делать это медленно. С ним легко даже говорить о сексе... и, черт побери, если я не возбудилась снова, думая о нем в таком плане. Мои глупые соски затвердели, выпирая через тонкий материал лифчика и хлопкового топа. У меня не было большой груди, едва чашечка С, но мои соски становились невероятно твердыми и сверхчувствительными. Естественно глаза Лукаса были опущены прямо на них, но когда стало очевидно, на что именно он смотрел, он тут же опустил взгляд в землю, и его щеки покраснели.

Я открыла рот, призывая свой мозг сказать что-то кокетливое или остроумное, но момент сильно затянулся, и Лукас просто быстро улыбнулся мне и снова начал идти.

Дерьмо.

В следующий раз я буду смелее. Что я потеряю в любом случае?

Когда мы подошли ближе к реке, и в поле зрения показались башни Нотр-Дама, Лукас начал рассказывать мне о Île de la Cité (прим. перев. Остров Ситэ) — небольшом острове в середине Сены, на котором стоит собор. Я слушала с интересом, пока он рассказывал мне об узких средневековых улочках, каменных стенах, и строительстве Нотр-Дама, которое заняло почти двести лет.

— Боже, только представь, посвятить все время и свой труд на что-то, что никогда не будет закончено в твоей жизни, — сказала я. — Или даже в жизни твоих детей. Ты надрываешь задницу для чего-то, и ты никогда не увидишь это законченным.

Лукас пожал плечами.

— Я думаю, что причина строительства для них была не в готовом результате, а в их вере.

Это мог быть импровизированный комментарий, но он заставил меня задуматься об огромной нелепой свадьбе, которую я планировала для себя, и как я была взбешена, что она не состоялась. Я должна была больше думать о причинах замужества и меньше о самой свадьбе. Но я никогда не чувствовала такой преданности к нему, какую должна была, и у меня не было особой веры в наши отношения. Спасибо, Господи, что мы не поженились.

Лукас настаивал, что снаружи готический шедевр был еще более великолепен, чем внутри, поэтому мы провели много времени, глядя на его внешний вид — с моста, по

которому мы пересекли Сену, с площади перед собором, с сада позади него. Я хотела узнать названия всех этих достопримечательностей, но Лукас не дал мне открыть мой путеводитель.

— Какое значение имеет название этого моста? Тебе не нужно совать свой нос в книгу прямо сейчас, Миа, смотри на чертов собор.

— Я не думаю, что ты должен называть его «чертов собор». — Я протянула ему книгу. — Как насчет того, что ты считаешь мне, пока я посмотрю?

Лукас кивнул.

— По рукам.

Мы нашли пустую скамейку и сели. Отклонившись, я изучала церковь, пока Лукас читал мне о контрфорсах, цилиндрических сводах и готгульях. Хотя через несколько минут я перестала быть очарована характеристиками готического собора и начала восторгаться низким, плавным голосом Лукаса, с какой выразительностью он читал, очаровательным намеком на французский акцент, что иногда просачивался через его слова, когда он не обращал внимания. Спрятав улыбку, я сказала себе перестать отвлекаться и сосредоточиться — мне было достаточно трудно вспомнить любую информацию — но его чтение было таким милым и успокаивающим, что меня начало клонить в сон.

Когда он закончил, он закрыл книгу и сказал:

— Хочешь пойти внутрь?

На самом деле, я просто хотела сидеть рядом с ним на этой скамейке, может, положить голову на его колени. Поцеловать его. Вздремнуть или полюбоваться пейзажем. Но вместо этого я встала на ноги и потянулась.

— Да.

После того как мы обошли крипты Нотр-Дама и восхитились высокими потолками и великолепными витражами внутри, я попросила Лукаса подняться на башню со мной.

— Что? Нет, Миа. Я уже говорил тебе, что не люблю высоту. — Он засунул руки в карманы. — Я подожду тебя снаружи.

— Нет. — Я понятия не имела, что заставило меня действовать так смело, но я вытащила его руки из карманов и держала их между нами. — Пожалуйста, Лукас. Мы не будем стоять наверху долго, и я обещаю, что не заставлю тебя подходить к краю.

— Почему ты хочешь, чтобы я был там наверху? — на его лице отражалась боль. — Вид точно такой же, один ты или нет.

— Я знаю. Не думай, что я не буду наслаждаться этим одна. Просто я на самом деле хочу, чтобы ты поднялся со мной.

Его плечи немного опустились, когда он выдохнул, закрыв глаза.

— Пожалуйста, Лукас, ради меня? — я трясла его руку.

Он открыл глаза и посмотрел на меня с опаской.

— Ты собираешься заставить меня сделать это, не так ли?

Я кивнула.

— Да. Так что ты можешь сдать даже раньше.

Он скорчил лицо.

— Ладно. Я сделаю это.

Пройдя триста восемьдесят семь ступенек по узкой спиральной лестнице, мы оказались на вершине. Лукас был немного бледным и испуганным, но я взяла его за руку и потянула вперед.

— Давай. Покажи мне, где ты живешь.

Неохотно он подошел ближе к краю, но остался позади, говоря в мои волосы, чтобы я его слышала, несмотря на ветер. Через мое левое плечо он указал в направлении реки.

— У меня квартира-студия рядом с Сен-Жермен-де-Пре^[8]. На самом деле она принадлежит моей матери, но я единственный, кто остается там.

— А где она сейчас? На винограднике? — мне было любопытно узнать о его семье, но больше всего я наслаждалась тем, как близко он стоял сзади меня.

— Нет, прямо сейчас она навещает друзей в Ницце. Ты замерзла?

Я оглянулась на него, и увидела, что он смотрит на мои руки, где мурашки покрыли мою кожу.

— Немного. Здесь ветрено.

— Хочешь свой свитер? — прежде чем я успела ответить, он потянул рукава и развязал свитер, затем поднял его и накинул на меня.

— Спасибо. Я бы хотела как-нибудь увидеть твою квартиру. — Он затих и замер на мгновение, и я подумала, не было ли это заявление слишком непристойным. — Я имею в виду, если у тебя есть время. Ничего страшного. Мне просто любопытно посмотреть квартиру. Я должна найти новую, когда вернусь, и...

— Миа, ты бы хотела поужинать со мной сегодня вечером?

Он хотел поужинать со мной! Даже мои пальцы задрожали. И каким милым было выражение неловкости на его лице, как будто он был напуган, что я могу сказать «нет»?

— Звучит здорово.

Улыбнувшись, я снова взглянула на город и подумала, какое счастье, что я выбрала войти в его бар прошлой ночью вместо того, чтобы просто поехать домой. Я повернулась к нему с озорной улыбкой на лице.

— Я правда рада, что вошла в «Бивер» (прим. пер. англ. Beaver — можно перевести как бобер, а еще как вагина) прошлой ночью.

Он рассмеялся.

— Ты же знаешь, как ужасно это звучит, верно?

Я счастливо кивнула, и мое сердце забилося быстрее — мне нравилось смешить его.

— Вот почему я сказала это так. Но я правда имею это в виду, Лукас. Этот день мог оказаться катастрофой без тебя. На самом деле, я, вероятно, просто уехала бы домой.

— Я рад, что ты не сделала это.

— Ты сфотографируешься со мной?

— Я сделаю твое фото. Я не нужен тебе на нем.

— Я хочу, чтобы ты был на нем. Давай, пожалуйста, попроси кого-нибудь нас сфотографировать. Я хочу запомнить этот день с тобой.

Его выражение лица смягчилось, и он похлопал по плечу женщину рядом. Она кивнула и улыбнулась, и я протянула ей камеру.

Это казалось неловко и немного по-военному стоять бок о бок с опущенными руками, поэтому я придвинулась ближе к Лукасу, надеясь, что он приобнимет меня. Он не сделал этого, так что я встала перед ним.

— Ты должна перестать двигаться, чтобы она смогла сделать фотографию, — сказал он.

— Тише. Просто постарайся выглядеть счастливым, чтобы я могла солгать и рассказать подругам, что очаровала французского мужчину.

— Ладно, — сказала женщина. — Un, deux, trois. (прим. пер. фр. — Один, два, три)

Я улыбнулась, когда Лукас прошептал в мое ухо.
— Тебе не нужно лгать.

Лукас хотел привести себя в порядок перед ужином, а меня догнал синдром смены часовых поясов, поэтому я подумала, что могу использовать это время для отдыха. После того как мы покинули башню, он указал мне в направлении, где находились менее дорогие торговые центры между Нотр-Дамом и «Плаза Атене», и показал мне нужное направление, как вернуться назад. Затем он быстро обнял меня и сказал, что придет за мной к восьми. Я пересекла Сену в противоположном направлении от него и без проблем нашла улицу Риволи, но вместо того, чтобы заниматься шопингом, я провела следующие полтора часа, блуждая по улице в полном оцепенении, не в силах перестать думать о Лукасе и ночи впереди.

К этому времени у меня в голове перестало гудеть от вина, и я была в небольшом замешательстве. Это было свидание или нет? Все становилось немного романтичным — или, по крайней мере, немного сексуальным? Я была готова признать, что хотела его — он был полностью противоположен моему обычному типу, но было в нем что-то, что меня привлекало. Я хотела узнать, как это быть с ним... в том самом плане. Но привлекала ли я его так, как он меня? Может, он просто жалел меня. Кусая ноготь на большом пальце, я решила пропустить поход по магазинам и просто пошла назад в отель.

Мне также нужно было уделить внимание своим собственным мотивам. Вчера у меня было разбито сердце, из-за моей так и не случившейся свадьбы. Совсем недавно, вчера ночью, я сравнивала, как выглядят Такер и Лукас, не в пользу Лукаса. Сегодня я уже реабилитировалась? Просто глядя на теплое тело, которое уделяет мне какое-то внимание?

Потому что Завести Интрижку С Обросшим Полуфранцузом Музыкантом/Барменом не было в моем парижском списке.

Но должно ли меня заботить, если это просто мимолетное увлечение ради моей реабилитации? А будет ли это заботить Лукаса? Мы двое взрослых людей. Нам позволено немного веселья, верно?

Наконец, я опустила руки по бокам и вздохнула.

Иисус, Миа, перестань так много думать. Не нужно так много анализировать. Если сегодня что-то случится, позволь этому произойти, а если нет — не такое уж большое дело. Ты встретила нового друга, который дал тебе мужество делать что-то по своему усмотрению, чего ты бы никогда не сделала. Сейчас перестань, черт побери, все планировать. Просто не сопротивляйся тому, что происходит само собой.

Когда я зашла к себе в номер, на телефоне мигал значок сообщения.

Боясь звука нервного хихиканья моей матери, я нажала воспроизведение, но оказалось, что это Коко. Улыбка растянулась на лице от звука ее низкого, привлекательного голоса.

— Привет, милая! Просто проверяю тебя, чтобы узнать, как идут дела. Мы думаем о тебе все время и умираем как хотим узнать, как ты. Как вино? Еда, шопинг, мужчины? Мы не можем дождаться, чтобы услышать обо всем, и надеемся, что ты достаточно хулиганишь. Любим тебя, детка.

Я подумала о том, чтобы перезвонить ей, но решила, что подожду один день — возможно, у меня будет что-то более волнующее, чтобы рассказать ей, после сегодняшнего *может-быть-свидания с Лукасом*.

Там было и второе сообщение, которое все же было от моей мамы, болтающей без

остановки целых три минуты о моем физическом и психическом благополучии. Держа телефон на расстоянии от своего уха, я закатила глаза и отключила сообщение, прежде чем она успела закончить. Ни в коем случае я ей не перезвоню. Этот день оказался очень веселым, особенно с обещанием большего. Последнее, что я хотела — это позволить нервозности моей матери испортить мне настроение.

Упав лицом в подушку, я мгновенно уснула.

#

Я проснулась в небольшой лужице слюны, все еще в ботинках на ногах, свисающих с кровати, полностью в панике. Я проспала? Как безумная я проверила часы рядом с кроватью, которые заверили меня, что у меня есть сорок пять минут до прихода Лукаса, поэтому я включила музыку и танцевала по просторной в комнате в приподнятом настроении, предвкушая будущий вечер.

После быстрого душа, я обмотала полотенце вокруг себя и просматривала одежду. Поскольку этого свидания не было в моем календарике нарядов, я должна была придумать этот наряд. Первоначально, я планировала надеть платье и туфли на каблуках, но я больше не была в этом уверена.

Перемерив пять различных нарядов, я остановилась на шикарных джинсах, легкой, струящейся, розового оттенка блузке без рукавов, с бисером на воротнике и подходящем пиджаке цвета слоновой кости, что был слегка обрезан. Соблазн обуть мои новые туфли с ремешками и огромным каблуком от Джимми Чу, которые я купила для поездки и ни разу не надевала, был велик. Но я выбрала балетки, если мы будем много ходить — Такер всегда брал такси, когда мы путешествовали, но Лукас, казалось, любил гулять или ездить на метро, и я тоже. Подарив великолепным туфлям кислый взгляд и поцеловав подошву, я поставила их обратно в шкаф и скользнула в свои балетки.

После того как подправила волосы, я добавила немного макияжа «смоки айс», но отказалась от блеска, смазала губы бальзамом и обвела карандашом для губ. Сжав губы вместе, я убедилась, что они были не липкими, просто мягкими, с намеком на цвет.

Мне нужна маленькая удача, может, я смогу сегодня вычеркнуть пункт «Поцелуй» из Парижского списка.

Видишь, Лукас? Списки — это весело.

Финальным штрихом был парфюм, но когда я подняла бутылочку и понюхала, аромат напомнил мне о Такере. На самом деле, это был его подарок.

Я поставила флакон обратно на мраморный туалетный столик и решила вместо духов использовать ароматизированный лосьон для тела. Он был сладким, но не слишком навязчивым, и я даже сняла свою одежду, чтобы натереть все тело, игнорируя внутренний голос, требующий узнать, почему так необходимо, чтобы внутренние стороны моих бедер пахли как розы и жасмин.

Так как я долго собиралась, я опоздала на десять минут. Бежав по коридору к лифту, я надеялась, что из-за меня мы не потеряем зарезервированный столик или что-то в этом роде. Я беспокойно стучала ногой по спускающейся машине, желая, чтобы он двигался быстрее. *Иисус, Миа. Успокойся.*

Но когда двери лифта открылись, и я увидела, как он ходит по вестибюлю, я не смогла сдержать улыбку и почувствовала невероятную легкость.

Его волосы были причесаны, а щетина почти сбрита — может быть, не полностью, но почти. Без кудрей и усов я могла лучше оценить красоту черт его лица: то, как высечен его подбородок, выдающиеся скулы и изгибы рта. Он надел темные джинсы, чистую белую футболку и рубашку, и хотя я всегда была девушкой, которая любит костюмы и галстуки, от его вида мои внутренности затянулись узлом. Самым лучшим был взгляд на его лице, когда он увидел меня: помесь удивления и восхищения.

— Я начал думать, что ты все-таки покинула город. — Он улыбнулся, прежде чем поцеловал меня в обе щеки.

— Извини, — сказала я, слегка запыхавшись. — Я уснула, когда вернулась.

— Хорошо. Вздремнуть — это замечательно. И теперь я могу держать тебя допоздна.

Это мое воображение или он сжал мою руку, когда сказал это? В любом случае, моя кровь нагрелась примерно на тысячу градусов, отправив горячий поток тепла к моему лону.

Мы доехали на метро до Латинского квартала и вошли в маленький итальянский ресторанчик «Марко Поло». Мы сели на открытом воздухе на террасе, но из-за высоких тепловых ламп и свеч на столе, свежий ночной воздух казался теплым и уютным.

— Извини, я даже не задумался, что может, ты бы хотела французскую кухню? — Лукас перегнулся через стол с озабоченным выражением на лице.

— Нет, совсем нет. Выглядит изумительно. И я даже могу в какой-то степени понять меню. — Оно, конечно, было на французском, но в глаза бросались названия известных итальянских блюд.

— Здесь все вкусное. Это мой любимый ресторан в Париже.

— Правда? Что стоит заказать?

Он передал мне меню, и когда я не смогла выбрать между двумя блюдами, он заказал их оба и пообещал, что на тарелке может быть столько вкусов, сколько я хочу. Я выбрала бутылку вина, красное итальянское, и заставила его пообещать, что я смогу заплатить за него.

— Давай не беспокоиться об этом, — сказал он. — Расскажи мне, что еще ты бы хотела сделать, пока ты здесь.

Я рассказала ему о своем желании посетить блошинный рынок, и мы вступили в длительную дискуссию о нашей любви к старым вещам и их историям. Когда он рассказывал о некоторых винтажных вещах, что были в парижской квартире его матери и в его собственной в Нью-Йорке, я положила подбородок на руки и подумала о том, как он отличался от Такера, который предпочитал современное старомодному. Иногда он не возражал, если вещь была старой, лишь бы она была дорогой репродукцией, а не подлинным изделием, которое могло развалиться, и кроме того, кто-то другой ею пользовался. Он думал, что это было странно.

— Блошинный рынок завтра закрыт, но что еще ты бы хотела сделать, — спросил Лукас, — я могу отвести тебя в несколько моих любимых винтажных магазинов.

У меня чуть не отвалилась челюсть. *Он хочет снова увидеть меня завтра.*

— Мне нравится эта идея! Но ты уверен, что не занят? Я не хочу занимать все твое время.

— Нет, я не занят. Я должен уехать из города послезавтра, но... — его голос затих. — Завтра подходит.

Мое счастье испарилось. *Он уезжает через два дня?* Но я приклеила на лицо то, что, я надеялась, было яркой улыбкой.

— Хорошо. Завтра звучит великолепно.

Принесли наше вино и первые блюда, и я заставила себя не думать ни о чем, кроме настоящего момента и наслаждения мясом. Лукас был прав — еда была восхитительной. Каждое блюдо было лучше предыдущего, а обслуживание было неторопливым, что давало нам время также насладиться друг другом. Когда я наконец попробовала свою телятину Марсала, я не могла сдержать слов наслаждения, срывающихся с моих губ:

— О боже мой. О боже мой, так вкусно.

Лукас ухмыльнулся.

— Ты сказала это так много раз.

— Я ничего не могу с собой поделать — это все и вино, и еда. Хорошо, что я не живу в Париже, я была бы огромной как дом.

— Здорово видеть тебя счастливой. Я беспокоился прошлой ночью, что твоя первая поездка в Париж станет последней.

Я проглотила божественный кусочек в моем рту.

— Я думаю, что ради телятины я вернусь сюда даже в одиночку.

— Она хороша, не так ли? Вот, попробуй это. — Он отрезал кусочек своего стейка и протянул его к моим губам.

Я застонала от нежного мяса, с привкусом розмарина и чеснока, и особенно от интимности действия — есть с вилки Лукаса. *Его рот был на ней прямо передо мной*, подумала я, восторженно жуя. *Мы практически уже поцеловались.*

Конечно, это не было правдой, но каждый раз, когда он предлагал мне кусочек — я ему — я не могла ничего поделать, но думала, что мы стали на один шаг ближе. И я на самом деле хотела поцеловать его. Это шокировало меня, как сильно я хотела это сделать. *Перестань смотреть на его рот. Ты делаешь это таким очевидным!*

За кофе мы разговаривали о музыке, о его исследовании и том, как его отец повлиял на него. Мы обнаружили взаимную любовь к старому классическому джазу, что не удивительно, и он сказал, что у него есть довольно большая коллекция винтажных записей в парижской и нью-йоркской квартире.

— Ничто не может превзойти звучание винила, — сказал он, поставив пустую чашку на стол. — Это гораздо лучше, чем цифровые записи.

— Я никогда не замечала. Может, ты когда-нибудь покажешь мне разницу.

Например, когда мы будем слушать записи и заниматься любовью.

Он улыбнулся мне через уставленный свечами стол, превращая мои внутренности в горячий воск.

— Я бы хотел.

Мы уставились друг на друга на долгое время, за которое мое желание к нему превратилось из Бабочек в Животе во Влажность в моих Трусиках. Меня больше не заботило, почему я хотела его. Я просто знала, что хочу — больше, чем просто поцелуй. Мои соски стали твердыми, они покалывали, и я представляла себе его идеальный рот на них. Святое дерьмо. Мое нижнее белье полностью промокло от желания, и шов моих джинсов прижимался к моему клитору как раз в нужном месте. Когда мой разум перешел на его руки, которые могли бы потянуться ко мне под столом, я решила отлучиться ненадолго.

— Я скоро вернусь. — Я улыбнулась, когда он тоже встал. Такой джентльмен. Что, черт побери, я собираюсь делать с этим?

Я использовала ванную внутри ресторана — да, трусики были мокрые. На самом деле, я

почти угробила их, они были очень мокрыми, и к тому времени, когда я вышла, Лукас уже расплатился за ужин, включая вино.

— Не злись, — он поднял руки вверх. — Я обещаю, что ты заплатишь в следующий раз.

Я игриво толкнула его в плечо.

— Я очень злюсь. В прошлый раз ты тоже обещал.

— Так, чем бы ты хотела заняться? — мы покинули террасу ресторана и начали медленно идти по улице. — Еще довольно рано и рядом есть несколько клубов, в которые мы могли бы заглянуть, может быть, чтобы послушать живую музыку.

Я сделала глубокий вдох. *Ты живешь только один раз.*

— На самом деле я подумала, может, ты покажешь мне свою квартиру. Мы можем послушать какие-нибудь из твоих записей или что-то вроде того? Я имею в виду, если ты хочешь.

Он перестал идти и повернулся лицом ко мне, его выражение лица было интересной смесью «да», «пожалуйста» и «святое дерьмо, она правда сейчас сказала это?».

— Эм, конечно. Мы можем пойти. Конечно, я хочу. Просто... — Он изо всех сил старался закончить предложение. Было очевидно, что он нервничал о том, чтобы отвезти меня к себе на квартиру, и я понимала почему.

Но в этот момент я не могла вынести долгого ожидания.

Я сделала шаг ближе к нему, наклонив голову, чтобы мои губы были как раз под его. Все что ему нужно было сделать, это опустить свои губы на пару сантиметров, и они будут на моих. От ожидания я встала на цыпочки.

Пожалуйста, Лукас. Поцелуй меня.

Наконец он опустил свой рот на мой, и тепло его губ отправило вспышки молний прямо к моему лону.

Я положила руку ему на затылок и приоткрыла губы сильнее, и он начал двигать своим ртом так, что это казалось и нежно, и соблазнительно. Он поцеловал обе мои губы, нежно зажав их между своими. Затем он наклонил голову так, что наши рты соединились еще сильнее, и поцелуй углубился. Его рука двинулась к моему бедру, и все мое тело задрожало от мощной тяги к нему. Боже, как много времени прошло с тех пор, как я чувствовала это?

Очень-очень много.

Где-то на задворках разума я вспомнила, что мы стояли на улице, но я не могла сопротивляться и положила другую руку на подбородок Лукаса, от ощущения его щетины под моей ладонью желание снова прокатилось по мне. Мне даже нравится то, как она чувствуется на моих губах и лице — немного колючая и грубая, но новая, другая и необычная.

Лукас прервал поцелуй и посмотрел на меня с беспокойством в глазах.

— Миа, я не хочу, чтобы ты думала, что я...

— Шшш. — Я положила палец на его губы. — Прямо сейчас я не думаю ни о чем, кроме того, что хочу, чтобы ты снова поцеловал меня.

Он улыбнулся, и еще раз опустил свои губы на мои. Застенчиво, я коснулась его губ своим языком и была вознаграждена низким стоном из глубин его горла, а также мягким ударом его языка по моему.

О, боже мой. Я дрожала, я так сильно хотела его.

Я немного отстранилась.

— Пойдем.

— Ты уверена?

— Да. — Слово вылетело прежде, чем он даже закончил вопрос. — И я хочу сказать тебе кое-что. — Я положила руки ему на грудь. Она была теплой и твердой и, черт побери, я хотела увидеть его голым. — Ни сейчас и ни когда-либо еще я не буду думать, что ты что-то меньше, чем джентльмен. Я могу сказать, что ты беспокоишься о чем-то: может, все движется слишком быстро или слишком далеко заходит, или вся эта ситуация с отмененной свадьбой...

— Все вышеперечисленное.

— Но пока у тебя нет девушки в Нью-Йорке, или криминального прошлого, или жуткой коллекции насекомых в квартире, я правда, правда, правда, хочу пойти.

Он рассмеялся, в уголках его глаз залегли морщинки так, как мне особенно нравилось.

— Нет, нет и определенно нет. Я просто хочу быть уверен, что тебе комфортно от этого.

— Да. — Я быстро чмокнула его в губы за то, что он такой милый. — Ты мне нравишься, Лукас. И я точно знаю, что делаю.

Это была огромная ложь. Громадная. Ложь размером с Триумфальную арку.

Я хотела Лукаса как сумасшедшая, и мое белье было показателем. Но я понятия не имела, что делаю.

Я только знала, что мне это нравится.

По дороге в его квартиру мы почти не разговаривали, но он держал меня за руку все время, и мне пришлось очень постараться, чтобы не начать идти вприпрыжку. Действительно ли я прошлой ночью бродила по этим улицам несчастная и одинокая, ненавидя парочки, которые вели себя так же, как мы прямо сейчас? Казалось невозможным поверить, что удача повернулась ко мне лицом.

— Это моя улица. — Лукас повернул налево, сжав мою руку.

Я огляделась, рассматривая семиэтажные здания из светлого камня с выделенными дверьми и декоративными железными рамами на окнах. На улице было несколько магазинов и кафе, но в основном она казалась жилой улицей. Пока мы шли, я не увидела ни одного человека, и только один автомобиль проехал мимо нас.

— Тихий район.

По крайней мере, пока я не начну выкрикивать твое имя.

Иисус, Миа, прекрати это! Что если он не думает о том, о чем думаешь ты?

— Да, довольно-таки, — сказал Лукас, отпустив меня, чтобы вытащить ключ из кармана. Он подошел к двойным черным дверям под каменным карнизом и вставил ключ. Затем он остановился, чтобы посмотреть через плечо на меня, с ухмылкой на лице. — Но у меня двойные застекленные окна, поэтому мы можем вести себя так громко, как хотим.

Ох, он думает об этом же.

Я слегка хлопнула его по спине.

— Ты ужасно самоуверенный.

Он толкнул дверь и встал, чтобы дать мне войти первой, на его лице было выражение преувеличенной невинности.

— Я имею в виду, когда я поставлю тебе записи. Разве ты не хотела взглянуть на мои виниловые пластинки?

Его голая задница — вот на что я хотела взглянуть, но я подумала, что могу пойти слишком далеко, сказав это, поэтому просто прикусила губу и прошла мимо него в здание.

— Я живу на третьем этаже. — Он взял меня за руку и, пока мы поднимались по лестнице, мое предвкушение увеличивалось с каждым шагом.

Он отпер дверь квартиры и толкнул ее, снова позволив мне войти первой. Я ахнула, когда он включил освещение над потолком.

— О боже мой, она прекрасна.

Квартира не была большой, но она была стильной и хорошо оборудованной, и я не могла себе представить, что еще может быть нужно. Прямо была гостиная, и сразу налево была небольшая, но сверкающая кухня — с белыми и черными гранитными столешницами. Пол был из отполированного светлого дерева, с черным и цвета слоновой кости ковром в гостиной.

Лукас включил лампу, и я прошла дальше, делая полный круг, чтобы восхититься теплыми цветами и классическим декором, который каким-то образом был и элегантным, и мужественным одновременно. Потолок был белым, но стены выкрашены в теплый бежевый цвет. У стены справа был коричневый, бархатный старомодный диван, над которым висело три больших зеркала в раме.

Два огромных окна от пола до потолка выходили на улицу, каждое с длинными

шоколадного цвета шелковыми шторами с толстыми кистями. Вздохнув, я повернула налево и прошла в спальню, которая была за старомодной ширмой.

Двухспальная кровать цвета слоновой кости, с прямоугольным изголовьем, которое выглядело, как будто обито мягкой кожей, но я еще не достаточно близко, чтобы дотронуться до нее — пока еще. Мой желудок сделал сальто, и я посмотрела на стену за кроватью, на которой были обои с рисунком черных и белых геометрических фигур. Все это смягчалось огромной квадратной гравюрой белой розы, висящей над кроватью.

Я посмотрела на Лукаса.

— У твоей мамы хороший вкус.

— Да, так и есть. — Он положил ключи и бумажник на диванчик перед окном. — Хотя я не думаю, что в последние годы она здесь останавливалась. У них с Себастьяном есть таунхаус на правом берегу (прим. пер. — северная половина города, расположенная справа от реки Сены, если следовать по её течению). В основном она держит это место для меня. — Он задернул шторы, прежде чем повернулся назад ко мне, и я послала ему озорной взгляд через опущенные ресницы.

— Маменькин любимчик? Младший в семье?

Лукас пожал плечами.

— Совсем нет. Может, она чувствует вину, за то, что переехала, когда я был таким молодым.

Медленно кивнув, я задалась вопросом, затаил ли он обиду на это. Я бы спросила его, если бы он не шел ко мне с выражением в глазах, которое говорило: «Я Не Хочу Говорить О Моей Матери Прямо Сейчас».

— Могу я принести тебе что-нибудь? — спросил он. — Бокал вина?

— Нет, спасибо. — Мои руки сжимали мою сумку, и я внезапно почувствовала себя неуверенно. У меня на самом деле никогда не было романов на одну ночь, и я даже никогда не уходила с кем-то домой после первого свидания. Будет ли это неловко? Должна ли я притвориться, что не знала, что хотела сделать? Должна ли я сказать, что думала или попытаться быть скромной?

— Ты не выглядишь, будто с тобой все в порядке. Ты выглядишь нервной. — Он поднял мой подбородок, его карие глаза теплые и серьезные. — Никакого давления, Миа. Мы можем просто потусоваться, послушать записи и выпить вина, если ты хочешь. Или я могу отвезти тебя в твой отель, и мы увидимся завтра.

Боже, он и правда был красивым. Как я могла не видеть этого, когда мы познакомились? И он был таким милым, забавным и интересным, и прямо сейчас на нем слишком, слишком, слишком много одежды. Моя уверенность вернулась.

— Ох, нет. Ты не отделаешься от этого так легко. — Я бросила свою сумочку на пол, и обвила руками его шею, обрушив свой рот на его. У него едва было время, чтобы обнять меня за талию, когда я немного отстранилась. — Ну, я не знаю, может, это будет легко.

Он засмеялся, положив руки мне под задницу, и приподнял меня так, что мои ноги обернулись вокруг его талии.

— Ты такая чертовски очаровательная, принцесса. Как будто ты знаешь все грязные шуточки в моей голове, которые я слишком боюсь сказать перед тобой.

Захихикав, я сбросила балетки и скрестила лодыжки на его попе.

— Никогда не бойся отпускать грязные шуточки передо мной. У меня удивительно извращенный ум.

Его брови взметнулись вверх.

— Правда?

Я кивнула.

— Ты удивлен?

— Да. Но приятно.

Наши рты снова соединились вместе, горячее и голоднее и, святое дерьмо, он знал толк в том, как целоваться. Сейчас, когда мы были не в публичном месте, Лукас целовал меня совсем по-другому, его полные губы открывались шире, его язык скользил между ними, толкаясь внутрь и наружу, как бы намекая на то, что должно произойти.

Притянув его ближе к себе с помощью ног, я запустила пальцы в его темные кудряшки, наслаждаясь ощущением его густых волос в моих руках и мягким царапаньем его щетины. Я действительно вчера находила это непривлекательным? Сейчас я едва могла насытиться этим, и отчаянно хотела почувствовать его вес на себе, его голую кожу, его голое тело между моими ногами.

— Я не могу поверить в это, — сказала я, когда его теплый рот спустился к моей шее.

— Я тоже. Но я не могу сказать, что не думал об этом весь день. — Его слова были приглушенными возле моей кожи, и я чувствовала вибрацию его голоса на моем горле, которая отправляла еще один поток желания сквозь меня. Он пошел в сторону кровати и положил меня на спину. — Дай мне одну секунду.

Я освободила свою хватку на нем, и он выпрямился, снял ботинки и сбросил блейзер, который кинул на диванчик у окна. Сейчас, когда он был только в обтягивающей рубашке, я могла лучше оценить мускулатуру верхней части его тела, которая сужалась к талии. Я сбросила пиджак с плеч и также бросила его на диванчик. Затем, откинувшись на руках, я смотрела на его идеальную задницу, когда он открыл небольшой шкафчик у стены.

О боже мой, он так чертовски горяч. И он думал обо мне вот так целый день? Я чувствовала головокружение, как подросток при первой влюбленности. Мне нужно касаться его руками — мне понадобилась вся сила воли, чтобы остаться на кровати.

— Какие-то пожелания?

— Снимай штаны.

Он ухмыльнулся мне через плечо.

— Я имел в виду музыку.

— Ох. Хммм. — Я опустила подбородок на плечо. — У тебя нет плейлиста «Американская Цыпочка В Моей Квартире»?

— Нет, на самом деле, нет.

— Ну тогда... можешь выбрать сам.

Я кивнула, и мгновение спустя, из скрытых колонок полилась музыка. Лукас повернулся и снял свою рубашку, бросив ее на пол. Без шуток, я облизала свои губы, не в силах оторвать глаз от его обнаженной груди, накачанного пресса и голой спины, пока он ходил в другую комнату, чтобы выключить свет.

Он вернулся к кровати, когда мое терпение было на пределе, и оставил лампу на тумбочке зажженной.

— Иди сюда, — сказал он.

На коленях я двигалась к краю кровати, мои ноги дрожали. Я хотела этого, хотела этого так сильно, но прошло так много времени, с тех пор как я была с кем-то кроме Такера... Я была в восторге и одновременно в ужасе. Лукас обхватил мое лицо руками и поцеловал

кончик носа. Я могла почти почувствовать жар, исходящий от его голой кожи, и мои руки изнывали от потребности коснуться его.

— Мы зайдем так далеко, как ты хочешь, — прошептал он, оставляя поцелуи на обеих моих щеках, моем лбе, губах, и затем наклонился, чтобы коснуться губами моего горла.

Так далеко, как я хочу зайти? Мой разум взорвался от того, как далеко я хотела зайти с Лукасом. Очень далеко. Так далеко, о чем я даже не думала, чтобы зайти туда с кем-то раньше.

— Лукас. — Я скользнула руками по обжигающей коже его груди. — Застежки моей блузки у меня на шее. Перестань говорить и расстегни их.

Как только он стянул мою блузку и отбросил ее в сторону, он прикоснулся своим ртом к моему плечу и потянулся мне за спину, чтобы расстегнуть мой бюстгальтер без бретелек. Мои руки покрылись мурашками, когда холодный воздух коснулся моей груди. Наконец мы оба были голыми по пояс, и Лукас обнял меня и притянул ближе, так что наши голые груди были прижаты вместе.

— Ты так прекрасна, — его голос был благоговейным и грубым в одно и то же время, его горячий торс напротив моего заставлял мою кровь закипеть до предела.

Я скользнула руками по его плечам, когда его рот был рядом с моим. Прикосновение Лукаса на моей коже было теплым, но я дрожала, когда одна его рука передвигалась от моего живота к груди, и когда он коснулся большим пальцем моего соска. Под его прикосновением сосок начало покалывать, и я выгнула спину, отчаянно желая большего.

— О боже, твое тело, — бормотал он, опустив свои губы к холмику одной груди. Поцелуями он дошел до самого пика и обвел языком сосок, прежде чем взял его в рот и мягко всосал. Мой рот открылся, дыхание стало тяжелее. *Мне нужно было касаться его.*

Я провела рукой спереди его джинсов, и мое лоно сжалось, когда я почувствовала, каким твердым и толстым он был. Медленно я потерла рукой вверх и вниз по твердой длине его члена через штаны и представила, как он будет ощущаться внутри меня. Этого было достаточно, чтобы я мгновенно перестала дышать.

Я потянулась к его молнии.

Но прежде чем я могла расстегнуть ее, Лукас завел руку мне за спину и продвинул нас дальше на кровать, обхватив руками мои бока и расположив свои бедра над моими. Затем он снова меня поцеловал, разжигая огонь на моих губах и языке, когда я раздвинула колени шире и положила руки ему на поясницу.

Обожемой, Обожемой, Обожемой, Обожемой Даже вес его твердого, крепкого тела между моими ногами был чертовски великолепным. И когда он начал двигаться...

Иисус, я только что заскулила?

Я не могла ничего поделать с этим. Сжав его задницу, я притянула его к себе, чувствуя его твердый член прямо там, где мне было нужно, даже через два слоя нижнего белья и две пары джинсов. Я ахнула, чувствуя себя больше как подросток, собирающийся кончить сразу после этого. Ради всего святого, на нас все еще были штаны. *Но боже, я уже была близко! Если он сохранит свой ритм таким же, будет держать свой член прямо там, да, да, да, да, прямо там, может, если движения будут немного быстрее...* Я сильнее дернула его ближе к себе и быстрее зашевелила бедрами.

— Миа, Миа. — Лукас провел губами по моей щеке к моей мочке, которую он зажал между зубами на мгновение. — Помедленней, красавица. Я не спешу.

— Я знаю, но просто мне так хорошо, и прошло столько времени с тех пор как я ... Я не

хочу, чтобы это ушло, — захныкала я.

Он поднял голову и странно на меня посмотрел.

— Не хочешь, чтобы ушло... что?

— Мой оргазм.

— Твой оргазм уходит?

Я открыла глаза и посмотрела на него.

— Ну, скажем так, что он просто редко появлялся в течение секса за последние пару лет. Так что, когда я почувствовала его приближение, я...

— Ты уже почувствовала приближение оргазма? — гордость в его голосе была очевидной.

— Да, поэтому, пожалуйста, не останавливайся. — Я поцеловала его подбородок, челюсть, горло. — Боже, ты так хорошо пахнешь. — Зарывшись носом в его шею, я вдохнула и погрузила пятки в заднюю часть его бедер.

— Миа. — Лукас взял мои запястья и прижал их рядом с моими ушами к подушке. — Посмотри на меня, пожалуйста.

— Это не поможет мне замедлиться. — Но я подняла взгляд на его красивое лицо, мое сердце забилось сильнее, когда я увидела его полные губы, прямой нос, длинные ресницы.

— Послушай. С каким бы придурком ты не была прежде, но я обещаю тебе, что твой оргазм сегодня не будет ненадолго заскочившим гостем, он будет звездой шоу.

Мои соски оживились еще больше.

— Правда?

— Правда. — Он скользнул по моему телу, выложив дорожку из поцелуев от моих губ к ложбинке моей груди и дальше к моему пупку. Затем он расстегнул пуговицу и молнию на моих джинсах, потеревшись своим ртом и подбородком как раз над кружевом моего нижнего белья.

— В действительности, я осмелюсь сказать, что, возможно, он будет даже вызван на бис раз или два.

— О. Боже. Мой. — Выдернув подушку из-под головы, я накрыла ей свое лицо, прежде чем закричала в нее. Громко.

Теплое дыхание щекотало низ моего живота, когда Лукас засмеялся.

— Я еще даже ничего не сделал.

— Да, ты сделал. — Мои слова были приглушенными из-за подушки, поэтому я слегка подняла ее и посмотрела на него. — Да, ты сделал. Ты даже понятия не имеешь.

Он соблазнительно улыбнулся, прежде чем стянул мои джинсы и нижнее белье, и я быстро проговорила про себя короткую молитву благодарности, за то, что я сделала предсвадебную восковую депиляцию. Впервые я была полностью голой.

— Просто лежи и расслабляйся, дорогая. — Он раздвинул мои ноги и поцеловал внутреннюю поверхность моего левого бедра, затем правого. — Скажи мне, когда будет хорошо и кричи все, что хочешь.

Мои глаза уже закатились назад, когда я почувствовала, что кончик его языка движется прямо к моему центру. Я вцепилась в подушку на моем лице, сжимая и разжимая пальцы, пока он снова и снова делал медленные и осторожные поглаживания языком. Затем он коснулся меня всей поверхностью своего гладкого языка, облизав меня снизу доверху, наслаждаясь мной, как будто я самая восхитительная вещь, которую он когда-либо пробовал.

Никто и никогда не заставлял меня сходить с ума от страсти и чувствовать себя такой

красивой и желанной. Такер несколько раз занимался со мной оральным сексом, но как всегда казалось, что он делал мне одолжение, что делало этот акт менее приятным. Я имею в виду, знать, что он, вероятно, больше обеспокоен тем, что на кровати образуется мокрое пятно, чем тем, чтобы заставить меня кончить, отнимает всю притягательность у этого опыта. И он всегда был таким неуверенным — как будто и правда боялся пойти на это.

Но Лукас... Иисус Христос, Лукас был новым миром.

Я застонала в подушку, когда он закружил языком по моему клитору, просто дразня маленькими кругами, что заставляли кровь прилить к нижней части моего тела, а мышцы напрячься от потребности. Он продолжал дразнить меня так, пока я больше не могла терпеть и отбросила подушку в сторону.

— Лукас, — умоляла я.

Но вместо того, чтобы сделать так, как я хотела, он скользнул в меня одним пальцем, заставив меня задержать дыхание.

— Ты такая приятная на вкус, — сказал он. Его голос был низким, почти шепотом. — Лучше, чем вино.

Улыбнувшись, я выдохнула.

— Невозможно.

Он скользнул вторым пальцем, который присоединился к первому, и он двигал ими каким-то волшебным способом, что заставил все мое тело почти онеметь от удовольствия, пока его губы мягко касались моего горячего, пульсирующего комка нервов.

Я посмотрела на него, почти теряя контроль от вида его темной головы между моих бедер, когда он поглощал меня игриво, но с жадностью.

— О боже мой, Лукас. Это так чертовски изумительно.

— Мммм. Вкусно. — Затем он сосредоточился, щелкнув кончиком языка, прежде чем облизать меня одним длинным, сильным движением, а затем еще раз, сохраняя устойчивый, сводящий с ума ритм его руки.

— О боже, да! — я приподняла бедра навстречу толчкам его пальцев и его горячему языку. Каждая мышца в моем теле напряглась, когда он возносил меня все выше и выше. Мои руки вцепились в покрывало так яростно, что я думала, что могу проткнуть его ногтями.

— Иисус, Лукас! Я сейчас кончу!

Он застонал, и когда на меня накатила первая волна, я закричала. Моя голова упала назад, когда он всосал мой клитор и покрутил пальцами внутри меня, толкая меня на вершину. Сжав его волосы в кулаках, я кричала и сотрясалась, и поджала пальцы на ногах, испытывая самый длинный, самый интенсивный оргазм за всю свою жизнь.

И на этот раз я не беспокоилась о влажных пятнах.

— Я думаю, что умерла, — сказала я после того, как мое тело наконец перестало сотрясаться. — Ты должен был бы похоронить меня на Пер-Лашез рядом с тем президентом.

— Я приму это за комплимент.

— Правильно. — Мои глаза закрылись, серебряные звезды все еще мерцали. — Боже, я даже не знала, что такой оргазм вообще возможен.

— Хорошо.

Я приподнялась на локтях и посмотрела на него. Тот факт, что его волосы были растрепаны, а рот блестел и был влажным, отправил сквозь меня новый заряд похоти.

— А сейчас я хочу еще один. Так что иди сюда. И снимай свои штаны.

Он улыбнулся.

— Это тот случай, когда я не собираюсь спорить с тобой, принцесса.

Закусив нижнюю губу, я наблюдала, как он полностью разделся и откинул одеяло, чтобы мы могли скользнуть под простыню. Когда его теплое, голое тело растянулось рядом с моим, я провела рукой по его груди и животу, и обернула пальцы вокруг его горячего, твердого члена. Я хотела быть терпеливой, поэтому начала медленно: оставила дорожку из поцелуев на его груди, в изгибе шее, за ухом. Я всосала его мочку и провела рукой вверх и вниз по его длинному стволу.

— Твое тело чертовски восхитительное, а твой язык... не переставай удивлять меня своим языком.

— Хорошо, потому что я не могу удержать его далеко от тебя. — Он положил руку мне на бедро и медленно провел ею по моему телу, до груди, и сжал ее, дразня мой сосок своими пальцами. Затем он взял его в свой рот, укусив его.

Задыхаясь, я сжала его плоть немного сильнее, и он начал толкаться в мою руку, заставив меня возбудиться сильнее от нетерпения.

— Боже, я не могу дождаться, чтобы ты оказался во мне.

— Ммм. — Он скользнул пальцами между моих ног, где я уже была влажной и теплой и изнывала по нему.

— Лукас, — прохрипела я. — Сейчас.

— Шшш. — Он вводил в меня пальцы в устойчивом ритме, всасывал один сосок, а затем другой, пока я еще раз не почувствовала напряжение внутри себя, и я знала, что если не остановлю его, то снова взорвусь меньше, чем за минуту. И не то чтобы я не хотела этого, но сначала я хотела его внутри себя.

— Лукас. — Я упала на спину и тряслась под ним. — Пожалуйста.

— Ты уверена?

— Да.

— Дай мне взять презерватив.

— У тебя есть десять секунд. — Я закрыла глаза. — Девять, восемь...

К тому моменту, как я досчитала до одного, он кружил у моей плоти, и все мое тело дрожало от предвкушения. Я не могла вспомнить, когда у меня было два оргазма за одну ночь, но я верила, что если кто-нибудь может дать мне это, то это Лукас.

— Миа. — Держа руки рядом с моими плечами, он медленно толкнулся в меня, и я ахнула, когда он растянул и наполнил меня, и его медленный темп позволил мне чувствовать

каждое движение. Это ощущалось по-другому, так хорошо иметь кого-то, кто не торопится. Кого-то, кто заботится о моих потребностях, кого-то, кто хочет удовлетворить меня.

Кого-то, кто шепчет мое имя с благоговением, когда находится внутри меня.

На самом деле, я думала, что умерла. Потому что это ощущалось как рай.

Я повернула лицо в сторону, борясь с желанием кончить через три секунды, после того как он начал двигать своими бедрами медленно, что заставляло меня извиваться.

Я никогда не была с музыкантом прежде, но Иисус Христос... ритм и координация Лукаса были чертовски необыкновенными. Не говоря уже о том, как он двигался с идеальным контролем и сильной, хищной грацией.

— О боже мой, — задыхаясь, я проводила руками по всему его телу: его рукам, шее и спине, его идеальной заднице, погружая мои кончики пальцев в его плоть. Мое тело было в огне. — Я чертовски сильно стараюсь не закричать тебе в ухо.

— Я буду оскорблен, если ты этого не сделаешь.

Я рассмеялась, а затем закричала, когда он начал толкаться сильнее и быстрее. Удушью стон покинул его горло, и я приподняла колени, чтобы принять его глубже.

— О да, — хныкала я. — Да, Лукас. Да. Да! — Каждое слово было произнесено громче шторм внутри меня бушевал сильнее. — О мой Бог! Не останавливайся! Не останавливайся! Не останавливайся!

А затем произошла самая невероятная вещь в мире — рваное дыхание Лукаса стало затрудненным, затем из него начали вырываться какие-то первобытные громкие звуки, потом начались неконтролируемые звуки каждый раз, когда он врезался в меня, и я поняла, что это возможно: кончить вместе, в одно и то же время. Как в чертовых фильмах или книгах!

Задержав свой оргазм прямо на пике, я пожелала, чтобы мое тело подождало его, и те несколько секунд, в которые я медлила, были в равной степени и мучением, и восторгом, такими, что я почти заплакала от усилий. В конце концов, я больше не могла этого вынести и закричала его имя, когда притянула его к себе, мое лицо зарылось в его шею, и мое тело напряглось вокруг него.

И это случилось. Это, черт побери, случилось.

Когда ритмичные сокращения моего тела пошли на спад, Лукас погрузился глубже в меня, и я почувствовала, что его член начал пульсировать. Он застонал долго и громко, его движения сменились на небольшие толчки, которые продлили мой оргазм. Волна за волной сквозь мое тело прошло невыразимое словами удовольствие, и я представила, что оно проходит и сквозь его тело тоже, как будто мы разделили один и тот же поток сексуального электричества. Мой рот открылся от абсолютного шока, и звезды — нет, целая гребаная галактика — вспыхнули перед моими глазами.

В конечном итоге наши тела замерли, а сердца остановились, угрожая взорваться прямо в груди, но я все еще не могла говорить. Я едва могла дышать.

У меня не только был самый лучший секс за всю мою жизнь, включающий выкрикивание имени, дерганье за волосы, разрывание ногтями простыни от оргазмов, но я и усвоила кое-что.

Одновременный оргазм.

Не был. Мифом.

— Еще, — требовала я.

— Еще? Я уже сделал это дважды.

— Еще. Мне недостаточно.

Лукас закатил глаза, но еще раз наиграл первые аккорды «La Vie En Rose» (прим. пер. — песня Эдит Пиаф) на своей гитаре, и я с радостью захлопала в ладоши. Мы сидели на полу в гостиной, деля тарелку с виноградом — он называется изюм по-французски, разве это не странно? — и, отрывая куски от багета, который, как сказал Лукас, был вчерашним, и поэтому был слишком старым, чтобы есть, но для меня он был вкусным. Лучше, чем вкусным. В действительности, я объявила его Лучшим. Багетом. Который. Я. Когда-либо. Пробовала.

Я немного испытывала Эйфорию После Второго Оргазма.

— Я хочу знать, что означают слова. — Я закинула еще одну виноградину в рот. — Я думаю, что в этот раз ты должен спеть ее для меня.

Лукас покачал головой.

— Честно говоря, я не знаю слова наизусть, хотя если бы и знал, я не очень хороший певец.

Я мило улыбнулась.

— Я не буду критиковать. У тебя множество других талантов.

Ухмыльнувшись, Лукас наиграл еще один аккорд и прикрыл струны руками.

— Подожди. — Поднявшись на ноги, он положил гитару на диван и пошел в спальню. Он вернулся с ноутбуком, поставил его на небольшой столик перед окном и открыл его.

Пока он искал песню я начала стряхивать крошки с рубашки, которую он мне дал, но затем я почувствовала вину, потому что его пол был таким чистым. Встав на ноги, я приподняла низ футболки так, чтобы они не рассыпались везде и пошла на кухню, чтобы выкинуть их в мусорное ведро. Вернувшись на ковер, я подняла тарелку, выбросила веточки от винограда и положила тарелку в посудомоечную машину, снова любясь сверкающим столом и раковиной. Когда я первый раз увидела Лукаса в баре, я и не думала, что его квартира будет такой чистой. Его опрятность была такой приятной неожиданностью и вдохновила меня на новый список.

Ну, это и его язык.

Пять Изумительных Характеристик Лукаса:

1) Он всегда целует меня, по крайней мере, по одному разу в каждую щеку, когда говорит «привет».

2) Он много знает о вине, об истории, соборах, музыке и любовных историях (бонусные баллы за историю о смертельном минете, а также за семью, владеющую виноградником).

3) Он открывает двери для меня и всегда пропускает в комнату первой.

4) Его квартира красивая и чистая (даже ванная).

5) Он знает, как доставить мне множественные оргазмы, и ему плевать на влажные пятна. В действительности, он даже гордится ими.

— Нашел.

Мгновение спустя, я услышала поскрипывающий звук старой записи, и затем начало

песни. Огромная улыбка растянулась на моих губах, и я вошла в гостиную как раз, когда Лукас выпрямился. Его вид, в джинсах, но без футболки, босиком, кудри в беспорядке и лежат как попало, заставил мой желудок сделать сальто.

— Потанцуй со мной.

Он покачал головой.

— К сожалению, из меня танцор еще даже хуже, чем певец.

— Мне плевать. Пожалуйста? — я вытянула руку, и он скорчился, но принял ее, притянул меня к груди и обнял другой рукой. Когда я была босиком, мои глаза были на одном уровне с его подбородком, что означало, что я могла с удобством положить свою голову ему на плечо. — Ты такой уступчивый, — подразнила я. — Все что нужно — это «пожалуйста», чтобы заставить тебя что-нибудь делать.

— Тебе лучше быть милой, или я не расскажу тебе, что означают слова, — предупредил он.

Я поцеловала его в колючий подбородок.

— Прости, я буду милой.

Закрыв глаза, я снова положила голову ему на плечо и слушала, как он переводил слова для меня, и их суть была в том, что жизнь выглядит иначе, если вы влюблены. Лучше. Привлекательнее. Хотя, как и во второй половине дня, мой мозг слушал не что он говорит, а как говорит. Как его голос иногда надламывается, когда он говорит низко и мягко. Как близко он прижимает меня к своей груди, что я могу почувствовать его сердцебиение. Как он раскачивается в старомодном ритме песни, медленно поворачивая нас по кругу перед окнами.

Мои щеки потеплели на его голой коже, и я почувствовала, как что-то начало возбуждаться во мне. Было три часа утра, я была сонной и удовлетворенной, но, тем не менее, не могла перестать целовать его плечо, его ключицу, его шею.

Лукас стоял неподвижно, когда я прокладывала поцелуями путь к его губам, затем обхватил мою голову руками, притягивая мой рот к своему. Между нами я почувствовала, как его член начал подниматься и утолщаться, прижимаясь к моей тазовой кости. Нижняя часть моего тела произвольно сжалась.

— Ммм, Лукас? — я повернула голову, и его рот переместился от моего подбородка к шее.

— Да? — его дыхание стало рваным.

— Я знаю, что у меня уже был мой коронный номер и даже один на бис, и я не хочу быть жадной, но мы можем сделать это снова?

Вместо ответа, он попятился назад и сел на диван, притянув меня к себе на колени. Я оседлала его, мои колени были расставлены по бокам от его бедер, и он начал расстегивать мою рубашку.

— На диване, правда? — я ничего не могла поделать, но удивилась. Мы бы задернули шторы и все такое, но Такер никогда бы не сделал это на дорогом диване, а этот выглядел как хороший антиквариат. — Ты не беспокоись о... что на нем что-то останется?

— Я выгляжу обеспокоенным? — он даже не поднял голову от моей груди, где уже проводил языком по одному соску и крутил другой между своими пальцами. Черт побери, я любила его рот и руки на мне. Его дыхание на моей коже.

— Нет.

— Вот и ответ.

Я улыбнулась, держа его голову у моей груди, когда он щипал, сосал и кусал, вращая мои бедра, потираясь своей эрекцией через джинсы. Это ощущалось чертовски изумительно, может, он позволит мне быть сверху.

Это еще одна вещь, которой Такер не наслаждался, по крайней мере, со мной.

Лукас вернул свои губы на мои, и я схватилась за спинку дивана, раскачиваясь на нем еще сильнее, и я ощущала, как он поднимается мне навстречу.

— Позволь мне выйти на секунду, — прошептал он.

Когда он вернулся, то сбросил свои джинсы и притянул меня туда, где я была.

Мне пришлось прикусить губу, чтобы не закричать: «аллилуйя».

После того как я помогла ему раскатать презерватив, я медленно опустила свое тело на его длинный, твердый член и задержала дыхание. Лукас закрыл глаза, когда я опустилась ниже, на его лице выражалась почти боль. Его руки были на моих бедрах, но он не толкался.

— О боже мой, — он задышался. — Ты такая чертовски замечательная, я не знаю, смогу ли даже смотреть на тебя.

Я улыбнулась.

— Почему?

— Потому что ты такая великолепная, и твое тело идеальное, и ты такая узкая и влажная и о, черт, не двигайся пока...

Но я опустилась ниже, ахнув от того, как глубоко я могла принять его, и не могла сопротивляться тому, чтобы немного качнуть бедрами, просто чтобы подразнить его.

— Ммм, Лукас.

— Черт. — Его член пульсировал внутри меня.

— Я обожаю то, как это ощущается, — прошептала я, сжав его моими внутренними мышцами.

— Миа. — Мое имя слетело с его губ, прежде чем он поцеловал меня, долго, крепко и глубоко, его язык толкался в мой рот. Он запустил пальцы в мои волосы, когда я начала подниматься и опускаться, скользя вверх и вниз на его члене.

— О боже. Просто подожди, не двигайся, — умолял он, закрутив мои волосы в кулаки и потянув их.

Я тоже не хотела, чтобы это заканчивалось, поэтому, когда снова опустилась, я осталась в этом положении, упиваясь ощущением его, такого большого, так глубоко внутри меня. Он опустил одну руку между нами и потер мой клитор своим большим пальцем, другая его рука была в моих волосах.

— О боже мой, откуда ты так точно знаешь, как касаться меня? — захныкала я. — Ты читал какую-то инструкцию по эксплуатации и запомнил ее? — его большой палец задвигался быстрее, и я почувствовала, что оргазм начал нарастать.

— Черт, Лукас. — Я должна двигаться. Если я заставлю его кончить слишком быстро, так тому и быть — я не уйду от него с большим отрывом. Раскачивая бедрами над ним, я схватила его за плечи и держала их. Он обхватил руками мою задницу и сжал меня крепче, толкаясь в меня так сильно, что его бедра скользили с дивана. Я раскачивалась быстрее и быстрее, пока обжигающе горячее давление внутри меня не стало таким сильным, что я закричала, отчаянно желая освобождения.

После этого, как будто это был его оргазм, что взорвался внутри меня неопишуемым удовольствием, Лукас застонал и напрягся подо мной, именно в тот момент, когда мой оргазм достиг пика, и я скакала на его пульсирующем члене, пока неконтролируемые

судороги проходили через меня.

И я на самом деле закричала:

— О боже мой, я люблю Париж.

Глава 10

Когда Лукас перестал смеяться достаточно, чтобы мог нормально дышать, он встал и пошел в спальню, с моими ногами все еще обернутыми вокруг его талии.

— Итак, ты рада, что осталась, не так ли?

Я кивнула.

— Очень.

— Хорошо. — Он положил меня на кровать, оставив поцелуй на лбу, прежде чем пошел в ванную, все еще улыбаясь.

Закрыв глаза, я легла на спину, мои руки прижаты к голове, ноги свисают с кровати. Если бы я не была такой чертовски счастливой, я, вероятно, была бы смущена. Но я не могла перестать улыбаться.

Мгновение спустя Лукас вышел и плюхнулся рядом со мной.

— Ты знаешь, я думаю, что это лучшее, что я слышал во время секса.

Я посмотрела на него.

— Я рада, что смогла развлечь тебя.

— Ты сделала больше, чем это. Боже, ты невероятная.

Я перекадилась на бок, положив голову на руку.

— Уверен, что говоришь это не потому, что просто жалеешь меня?

— Почему я должен жалеть тебя?

— Потому что вчера я была такой несчастной. Потому что прежде у меня никогда не было такого хорошего секса. Потому что у меня никогда не было три оргазма за одну ночь, может, даже и за неделю.

Он покачал головой.

— Почему, черт возьми, ты потратила так много времени на этого парня? Если бы ты была моей, я бы никогда не убирал руки от твоего тела. Или любую другую часть тела.

Мой желудок сделал сальто. *Если бы ты была моей...*

— Да, ну, он был другой. Ты знаешь, что я могу пересчитать на пальцах одной руки количество раз, когда он... делал то, что ты делал ранее?

— Занимался с тобой оральным сексом? Ты шутишь? За два года ты можешь пересчитать на пальцах одной руки? — Лукас выглядел потрясенным. — Все это время рядом с ним было создание с самой сладкой киской, и он не проводил все дни и ночи, погрузившись в нее?

Я покачала головой, мой пульс участился от его слов.

— Да. Это было только на мой день рождения, наши годовщины и, может, случайно четвертое июля или в какой-нибудь такой день.

Он закатил глаза.

— Иисус, Миа. Не говори мне больше. Все становится хуже.

— Также у него было только две позиции, которые он любил. Я называла их «Одобренные Позиции». — Я засмеялась. — Но, конечно, не перед ним.

Лукас застонал и схватил подушку, и положил на нее голову.

— Я тебя не слышу.

Я схватила ее и прижала к своей груди.

— Я просто пыталась подчеркнуть, что сегодняшней вечер был удивительным по

многим причинам, — я похлопала ресницами. — В частности, по трем.

Лукас тоже улыбнулся.

— Хорошо. Их может быть больше. Но ты, должно быть, истощена. Ты хочешь остаться или мне проводить тебя в твой отель?

Я вздохнула.

— Спасибо, но я должна идти. Тебе не нужно провожать меня. Я могу взять такси.

— Нет, я провожу тебя. — Он спустил ноги на пол. — И даже не спорь со мной, принцесса. Или завтра ты не получишь четвертую, пятую и шестую причину.

Моя челюсть упала.

— Боже, я люблю Париж.

Он улыбнулся мне через плечо.

— Ты уже это упоминала.

#

Лукас доехал со мной на такси до отеля, хотя я и говорила, что в этом нет необходимости. Он даже попросил водителя подождать, пока он войдет со мной. Мы попрощались у лифта, и я хотела внутренне рассмеяться от его беспорядочно торчащих в разные стороны волос, помятой одежды и распухших от поцелуев губ. Но я знала, что выгляжу точно так же.

И мне было плевать.

Он нежно поцеловал меня.

— Увидимся завтра. Отдохни и позвони мне, как только проснешься.

— Хорошо. — Его телефонный номер был у меня в сумочке, нацарапанный на куске бумаги. — Тогда увидимся. У меня был великолепный день. Спасибо за... — я распрямилла плечи. Как, черт побери, поблагодарить человека за все, что Лукас сегодня сделал для меня?

Но прежде чем я смогла закончить, он положил два пальца на мои губы.

— Прекрати. Я получил удовольствие от этого.

Позади меня открылись двери лифта, и я вошла, не в состоянии скрыть улыбку от Лукаса, который, когда двери закрывались, стоял, засунув руки в карманы. Лифт поднимался быстро, соответствуя парящему чувству внутри меня, когда я думала о ночи, которая только что у меня была. Я приложила руку ко рту и громко рассмеялась.

Хорошо, что я была в лифте одна.

Я шла по коридору к своему номеру с глупой ухмылкой, уставшая, но счастливая. Очень счастливая.

Я была такой счастливой, что не могла противиться тому, чтобы до своей двери идти немного вприпрыжку.

Такой счастливой, что не могла сдержать улыбку, пока раздевалась и вешала свою помятую блузку.

Такой счастливой, что я даже кружилась по пути из ванной к кровати, после того как смыла макияж и почистила зубы.

И затем я лежала на прохладных простынях, блаженно вздыхая. Завтра я, возможно, буду анализировать свои чувства или удивляться, было ли мое поведение благоразумным, или обдумывать свои причины переспать с мужчиной, которого я встретила только вчера. Но сейчас я просто хотела насладиться произошедшим.

Пять Причин, Почему Я Чертовски Люблю Париж:

- 1) Лукас
- 2) Лукас
- 3) Лукас
- 4) Лукас
- 5) Лукас

#

Я проснулась около десяти и подняла телефон с тумбочки, следуя инструкциям, чтобы сделать междугородний звонок. Вероятно, это было непростительно, будить Коко в четыре утра, чтобы обсудить мои оргазмы, но мне нужно было с кем-то поговорить. Мне нужно было от кого-то услышать, что я не была сумасшедшей, или шлюхой, или и то и другое.

Хотя я не чувствовала себя шлюхой. В основном, я не осуждала поступки, связанные с сексом и даже в утреннем свете мое поведение с Лукасом не подходило под описание беспорядочной половой жизни. Мы были осторожны. Не то чтобы у меня была привычка быть такой спонтанной, но я приехала в Париж, ожидая одного, но получила совсем другое.

— Алло?

— О. Боже. Мой.

— Миа! — в хриплом голосе Коко была нотка беспокойства. — Сколько времени? Ты в порядке?

— Я лучше, чем в порядке. — Дрожь прошла по моему телу. — Я в гребаном экстазе.

Коко втянула в себя воздух.

— Что? О боже мой, что происходит?

— Ты не поверишь в это. Я сама едва могу поверить в это.

— Продолжай.

Я облизнула губы.

— Я встретила кое-кого.

Ее визг был настолько громким, что мне пришлось убрать телефон подальше от уха.

— И?

— И у меня было три оргазма прошлой ночью.

Тишина.

— Коко?

— Извини, я в шоке. Ты сказала «три»?

Я улыбнулась.

— Да.

— Кто этот мастер оргазмов?

— Его зовут Лукас. Он профессор в Нью-Йорке, но он наполовину француз и живет здесь летом.

— Обожемой, я умираю. Сколько ему лет?

— На самом деле я не знаю. Мы не говорили об этом. — Что было довольно забавным и также довольно безумным, потому что я никогда не спала с кем-то, не зная его возраста. Или размера его рубашки, второго имени, марки машины. — Я полагаю, что он нашего возраста. Может, немного старше.

— Как он выглядит?

Ха. Ей понравится это.

— Ты не согласишься.

— Почему?

— Потому что я тоже не верю. Его волосы в беспорядке, и у него щетина. И он не высокий.

— Что? Что ты имеешь в виду, волосы в беспорядке?

Я закрыла глаза и представила их, вспоминая, как они ощущались в моих руках.

— Немного всклокоченные. Густые и волнистые.

— И щетина?

— Щетина, — подтвердила я. — Ох, и он играет на гитаре.

— Сейчас ты еще скажешь мне, что у него есть татуировки.

Я захихикала.

— Не то чтобы я заметила. Пока что.

— О. Мой. Бог, Миа. Где ты встретила его?

Плюхнувшись на живот, я рассказал ей о моем катастрофическом первом вечере, и как я случайно забрела в бар, где он работал.

— И что странно, он на самом деле там даже не работает. Это бар его брата или что-то подобное, и он просто помогает.

Коко ахнула.

— Это судьба.

Я пожалала плечами и намотала прядь волос вокруг своего пальца. Существовала ли такая вещь как судьба? Я не была уверена.

— В любом случае, он предложил побыть моим гидом на день, чтобы я не бродила по Парижу одна. Так как до этого я была готова развернуться и вернуться домой.

— Звучит так, будто это была ужасная поездка.

— Так и было. Я имею в виду, до позднего вечера не было никаких сексуальных намеков, но потом *это* случилось. — Честно говоря, сейчас я стала влажной, просто думая об этом. Черт.

— Я просто не могу поверить в это! Так ты увидишь его снова?

— Эм, да. Вторая часть нашего тура. — *Которая, я надеюсь, закончится так же, как и первая.* Быстро я сосчитала дни, которые у меня остались. Пять, хотя, Лукас разве не говорил, что уезжает из Парижа завтра? Дерьмо. Может, сегодняшний день — это все, что у нас осталось.

Коко вздохнула.

— Это так замечательно. Могу я рассказать Эрин?

— Конечно! — я потянула себя за волосы. — Она, вероятно, решит, что здесь я сошла с ума.

— Нет, она так не подумает! Она будет в восторге, как и я. Ты заслуживаешь этого, Миа. И не начинай анализировать это.

Я вздохнула.

— Я пытаюсь. Вообще-то, прошлой ночью я не позволила себе начать анализировать. Ты должна гордиться мной.

— Но думаю, ты начинаешь делать это сейчас?

Я сильнее потянула волосы. Она так хорошо меня знала.

— Это так на меня не похоже. Обычно я себя так не веду. И когда я думаю об обстоятельствах....

— Почему ты должна думать об обстоятельствах? Как это ощущается?

Я закрыла глаза и представила его. Я могла чувствовать его запах, слышать его голос, ощущать... Тепло распространилось к моему лону.

— Это ощущается изумительно.

— Ну и вот.

— Ты уверена, что это не глупо? Или распутно?

— Что? Нет! Черт побери, женщина, ты молодая и вновь одинокая. Это то, что ты должна делать! Теперь слушай. Я хочу, чтобы ты была в безопасности, но продолжала веселиться, ты должна отбросить всякие гребаные предосторожности, слышишь меня?

Я рассмеялась.

— Слышу. И я попытаюсь. Извини за то, что разбудила. Я просто хотела услышать от тебя, что я не сумасшедшая.

— Ты не сумасшедшая. И я очень тебе завидую. Я люблю тебя, позвони мне снова, ладно?

— Позвоню. Я тоже люблю тебя. Пока.

Я повесила трубку и потянулась, чувствуя боль в конечностях и прессе, которой не было вчера утром, и от этого загадочная улыбка на моем лице стала шире. Когда я встала с кровати и пошла в ванную, то поняла, что была чувствительной в тех местах, что не болели годами. ГОДАМИ.

Под горячим душем я намылила волосы шампунем, тело гелем, и когда провела руками по своей скользкой коже, я вспомнила, как меня касались руки Лукаса. И его губы. И его язык.

И я почти довела себя до номера четыре, потому что была возбуждена. *Нет, не делай это.* Я остановилась, когда моя рука касалась живота. *Подожди его.*

Но когда я прополоскала голову после шампуня, осторожный, тихий голосок внутри меня начал задавать вопросы.

Снова заняться сексом с Лукасом — это плохая идея? Не доведу ли я себя до еще больше разбитого сердца? В конце концов, завтра он уезжает из города, и я буду одна в Париже в течение оставшегося времени. А что насчет того, что будет после всего этого? Увижу ли я его снова? Внезапно появилось ощущение, будто я проглотила теннисный шарик.

Прекрати сейчас же. Ты не планируешь свадьбу с этим парнем. Ты трахаешь его. Вы друзья. И это идеально. Ты не должна думать о будущем, даже о завтрашнем дне. У тебя есть сегодня, и ты можешь приложить усилия, чтобы все прошло хорошо.

Раскачиваясь вперед-назад под водой, я задавалась вопросом, могу ли я правда сделать это — не беспокоиться ни о чем, кроме как жить сегодняшним днем.

Ты достаточно хорошо справилась с этим прошлой ночью.

Правда. И я была вознаграждена лучшим сексом в своей жизни, тремя великолепными оргазмами и обещанием еще одного фантастического дня с этим умным, сексуальным парнем. Чего еще я могла просить?

К тому моменту, как я полностью помылась, я была абсолютно уверена, что могу насладиться днем — и ночью — не позволяя тревожным мыслям о будущем встать на пути хорошего времяпровождения. В конце концов, Лукас не казался обеспокоенным, почему я должна?

И Коко была права. Я прошла через многое и заслужила пару дней полнейшего, беззастенчивого удовольствия.

Воспоминания о глазах Лукаса, его голосе, запахе, о его пальцах, языке и члене подавили мои чувства, и я опустила руку себе между ног.

Так или иначе, я знала, что он одобрил бы это.

Лукас пришел за мной в полдень, приветствуя меня своими уже привычными поцелуями в щеки. На этот раз я тоже поцеловала его в щеки, и прикосновение моих губ к его щетине меня возбудило. Мой желудок сделал сальто.

Притормози, девочка...

— Доброе утро, — я подумала, было ли это бестактным, предложить ему пропустить осмотр достопримечательностей и сразу перейти к сексу.

— Доброе утро. — Он убрал локон с моего лба. — Как спала?

— Как младенец. А ты?

— Также. — Он наклонился и прошептал мне в ухо: — За исключением того, что я проснулся с мыслями о тебе и стояком. Мне пришлось позаботиться о себе. Я жалел, что ты не осталась.

Мое сердце забилося сильнее, когда я представила, как он мастурбирует, думая обо мне. Черт, это на самом деле было очень сексуально. *Мне нужно было положить сменное белье себе в сумку. Так как это уже влажное.*

— Я тоже проснулась, думая о тебе, — прошептала я. — И когда я хожу, у меня болит все тело.

— Правда? — он выглядел довольным собой. — Я могу отвести тебя в твою комнату и сделать массаж. Это поможет?

Я покачала головой.

— Заманчиво, но это не поможет, потому что я уверена, что массаж приведет к другим вещам.

— Ты права. Нам лучше пойти. Чем больше я стою здесь, глядя на тебя, тем больше мой разум задумывается об этих других вещах. — Он указал в сторону двери. — Париж ждет, принцесса, а я знаю, что ты чувствуешь к Парижу.

Я собиралась сказать: «К черту, Париж, давай просто займемся другими вещами», когда вспомнила, что это будет мой последний шанс увидеть город с ним, как с гидом, и мне правда очень нравилось, как он рассказывал об известных местах, которые показывал.

— Ладно. Что будем делать сегодня?

Положив руку мне на поясницу, он повел меня по вестибюлю и на выход из отеля.

— Ну, я подумал, что, может, для начала мы побродим по Марэ (прим. пер. — также Марэ — фр. Le Marais — квартал Парижа на правом берегу Сены, восточней Бобура). Там есть очень много интересного и также магазины, в которые я хотел тебя отвести.

— Идеально.

Мы сидели в метро, и я думала о сексе. Лукас держал меня за руку, пока мы проходили по старинным улицам, и я думала о сексе. Мы восхищались архитектурой эпох Средневековья и Возрождения, ели сэндвичи, сидя на траве на площади Вогезов и осматривали музей Виктора Гюго. Все это время я думала о сексе.

Я сильно старалась не показывать виду, но это было трудно, так как каждый раз, когда я смотрела на Лукаса, мои внутренности трепетали, нижняя часть сжималась, и в животе кружилось множество бабочек. Независимо от того, куда был направлен мой взгляд: на его волосы, руки, губы и да, ладно, на промежность его брюк — на меня обрушивались воспоминания прошлой ночи.

Божже, Миа. Ты одержима. Возьми себя в руки.

Но я ничего не могла с собой поделать. Секс никогда не играл особо важную роль в моих отношениях с Такером, по крайней мере, не так, чтобы я думала о нем постоянно. Но сегодня это было все, о чем я могла думать. И я знала, что, когда приеду домой, я никогда не вернусь к той жизни как раньше, когда я задвигала свои сексуальные желания, чтобы потакать мужчине. *Я не могла поверить, что делала это так долго. Я не понимала, что теряю.*

На протяжении первой половины дня, я задавалась вопросом, думает ли Лукас о прошлой ночи так много, как я. Мы о многом разговаривали, я узнала, что ему двадцать восемь, у него два сводных брата и ни одной сестры, у него была аллергия на ракообразных, и не было никаких татуировок, но ни один из нас, с тех пор как мы покинули мой отель, не упоминал секс.

После того как мы вышли из музея Гюго, мы решили, что уже прошло достаточно времени без вина, поэтому нырнули в ближайшее бистро на улице Сен-Поль. Пока я была в уборной, Лукас заказал бутылку вина, и когда я вернулась к нашему столику у окна, он выглядел так восхитительно в естественном свете, что я решила быть прямолинейной.

Я села и подперла подбородок рукой.

— Итак, я должна спросить. Сколько раз сегодня ты думал о сексе?

— Да, легко. Более миллиона раз. — Он даже не моргнул.

Я рассмеялась.

— Ну, я рада, что не одна такая. — Понизив голос почти до шепота, я сказала: — Я начала задумываться, что я своего рода извращенка, так как думаю об оральном сексе в квартире Виктора Гюго.

Он наклонился над столом.

— Не беспокойся. Это совершенно банально по сравнению с тем, о чем думал я.

Мой желудок подпрыгнул.

— Например?

— Не скажу. Я просто удивлю тебя. Или напугаю. Одно из двух. — Он опустил свои губы на мои для нежного, легкого поцелуя, который превратил мои внутренности в жидкость.

— Давай и то, и то. Мне может понравиться быть немного напуганной.

Он прошептал мне в ухо:

— Ты понятия не имеешь, что мне говоришь. Я сейчас такой твердый.

— Хочешь, чтобы я подошла и села тебе на колени?

Он застонал и откинулся на спинку.

— Не дразни меня. Я не могу справиться с этим.

Честно говоря, я, вероятно, обошла бы стол, чтобы сесть к нему на колени, но принесли наше вино, и после того как официант наполнил наши бокалы, Лукас поднял свой.

— За что пьем? — я тоже подняла свой.

— За оральный секс и Виктора Гюго?

Я наклонила голову.

— Это кажется не очень правильным.

— Хммм. За секс на диване и Эдит Пиаф?

Я наклонила голову в другую сторону.

— Ближе.

— Как насчет... за неожиданный секс, который оказался лучше, чем ты представлял себе, хотя ты фантазировал о нем целый день, включая то время, когда был на кладбище и в церкви?

Я кивнула и указала на него пальцем.

— Бинго.

Мы чокнулись бокалами и выпили.

#

Пока мы были в кафе, на улице шел небольшой дождь, но пока мы пили нашу бутылку вина, прекратило моросить, и солнце начало выглядывать из-за облаков. Лукас сказал, что магазины, в которые он хотел отвести меня, были рядом, поэтому мы направились к ним.

День был теплый — или, может, это был разговор или вино — но я чувствовала себя немного разгоряченной, поэтому я сняла свободную белую рубашку на пуговицах и завязала ее на талии. На мне остался симпатичный, кружевной топ, который я носила без бюстгалтера. Если мои соски затвердеют, мне будет плевать, заметит ли Лукас. В действительности, я хотела, чтобы он заметил.

— Так, что ты ищешь? — спросил он, когда мы шли. — Одежда? Книги? Украшения? Я предполагаю, не мебель.

— Ну, я должна найти новое жилье, когда вернусь домой. Может, я смогу украсить его антиквариатом из Парижа. — Я ухмыльнулась ему. — Насколько долгой может быть доставка?

— Я полагаю, очень долгой. — Он притих на мгновение. — Ты уже жила с ним?

Я была удивлена, что он спросил, так как он больше не хотел слышать о Такере.

— Да.

Лукас засунул руки в карманы.

— Куда ты отправишься?

— Я еще даже не думала об этом. И знаешь, что? — я вытянула его руку из кармана и взяла ее. — Я даже не хочу думать. Видишь? — я пожалала его руку. — Ты хорошо на меня влияешь, — Я думаю только о настоящем моменте, и не беспокоюсь ни о чем другом. Потому что прямо сейчас я абсолютно счастлива.

Он улыбнулся и сжал мою руку.

— Хорошо.

Мы провели следующие несколько часов, гуляя по району Сен-Поль. Я купила пару винтажных сережек в стиле арт-деко для Коко и выбрала красивый, голубой кашемировый шарф для Эрин. Пока я обдумывала, не купить ли шарф в другом цвете для своей матери, Лукас коснулся моего плеча.

— Эй, я хочу пробежаться по улице. Там есть магазин, в который я хочу заглянуть.

Я положила шарф.

— Я могу пойти с тобой.

— Нет, ты не можешь. — Он положил руки мне на плечи и развернул к столу с шарфами. — Я встречу тебя снаружи через десять минут.

— Лаадно. — Я посмотрела через плечо, но он уже вышел за дверь. Какого черта? Он мне что-то покупает? Слишком любопытная, чтобы сопротивляться, я подошла к витрине магазина, в котором находилась, и посмотрела на улицу, ожидая увидеть магазин с секс-

игрушками.

Это был книжный магазин.

Выкинь грязные мыслишки из своей головы, Миа.

Поддавшись чувству вины, я купила два шарфа, сложила их в свою сумку и пошла встретиться с Лукасом на тротуаре. Все еще было пасмурно, но мягкий серый цвет казался приятным, и я закрыла глаза, наслаждаясь холодным ветерком, обдувающим мое лицо и руки.

Через мгновение я услышала голос Лукаса.

— Я купил тебе кое-что.

Я открыла глаза и увидела, что он стоит с обычным коричневым бумажным пакетом.

— Мне? Зачем?

Он пожал плечами.

— Я думал об этом со вчерашнего дня. Открой.

Часть меня хотела ругать его за то, что он купил мне подарок, а другая часть была слишком взволнованна, чтобы не открыть пакет. Внутри была книга в мягкой обложке, и на обложке были изображены мужчина и женщина эпохи средневековья.

— Любовные письма Абельяра и Элоизы! — я прижала их к сердцу, которое пропустило несколько ударов. — Я не могу в это поверить!

— Тебе нравится? — в его выражении лица была очаровательная надежда.

— Ты шутишь? Я обожаю ее! О боже мой, Лукас! — я резко набросилась на него с объятиями и чуть не сбила при этом с ног. Он рассмеялся, но удержал нас обоих, положив руки мне на бедра.

— Хорошо. Я не был уверен, что у них это есть, но я рад, что оказалось.

Неохотно, я отпустила его.

— Письма на французском?

— Ну, в оригинале они были на латыни, но их перевели. Это магазин с книгами на английском. — Он указал жестом позади меня.

— Ох, Лукас, я люблю их. Не могу дождаться, чтобы прочитать их. — Мои глаза были затуманены от надвигающихся слез, и я пыталась сплотить комок, застрявший в горле. — Спасибо тебе.

— Пожалуйста. Я надеюсь, ты не злишься. Они ведь романтичные и все такое.

Я ударила его по животу книгой, прежде чем засунула ее в сумку.

— Я едва могу злиться. Я же вся в романтике Парижа сейчас.

— Приятно знать. — Он забрал у меня коричневый пакет, скомкал его и выбросил в ближайшую мусорку. — В таком случае, как ты смотришь на то, чтобы увидеть мое самое любимое романтическое место во всем городе?

На моем лице появилась застенчивая улыбка.

— Твою квартиру?

Он рассмеялся.

— Нет. Но это недалеко.

— Хорошо. Потому что мне нужен будет небольшой отдых после всех этих волнений.

— Ну, — сказал он, обвив одной рукой меня за плечи, когда мы шли, — ты определенно снова приглашена в мою квартиру, но я не могу обещать, что ты отдохнешь.

Я положила голову на его руку.

— Боже, я люблю Париж.

Но на самом деле, я почти сказала: *Боже, я люблю тебя.*

Насколько безумно это было?

#

На метро мы доехали до музея Родена, который и был тем местом, куда вел меня Лукас, и я спросила, были ли у него когда-нибудь серьезные отношения с девушкой.

Он искоса посмотрел на меня.

— Почему ты спрашиваешь?

Я пожала плечами.

— Просто любопытно. Ты упоминал, что это твое любимое романтическое место в Париже, поэтому я предположила...

— Ох. Ну, у меня были серьезные отношения некоторое время, но нет, я никогда не водил ее в музей Родена. Она из Нью-Йорка.

Быстрый укол ревности заставил меня спросить.

— Как долго вы были вместе?

— Около трех лет, время от времени.

По какой-то причине это удивило меня.

— Вау, это долго.

— Наверное.

— Почему вы расстались?

— Мы хотели разного.

— Ах. — У меня появилось чувство, что его короткие ответы были признаком, что он не горел желанием говорить о его бывшей девушке, и я, вероятно, должна перестать спрашивать, но я не могла отказаться от последнего вопроса.

— Как ее звали?

— Джессика. Хочешь узнать ее дату рождения и размер обуви?

Я ударила его по ноге.

— Да ладно тебе. Мне просто любопытно. В конце концов, ты знаешь много обо мне и Такере.

Его лицо исказила гримаса.

— Гораздо больше, чем я хотел бы знать, спасибо тебе большое. Больше никаких разговоров о прошлом. Здесь и сейчас, помнишь?

— Да. — Но я не могла перестать задаваться вопросами о Джессике, счастливой девушке, которая была объектом его привязанности такое долгое время. Как она выглядела? Сколько времени прошло с их расставания? Почему они расстались? Мне было интересно: она все еще в Нью-Йорке, видится ли он с ней. Ревность вернулась, захватив меня врасплох на мгновение, и мне пришлось сделать глубокий вдох и задержать дыхание, пока она не прошла.

Здесь и сейчас. Здесь и сейчас. Здесь и сейчас.

Я сделала еще несколько глубоких вдохов, и Лукас приобнял меня, перекинув руку через мое плечо. Его пальцы задели кожу чуть выше моей груди, и мои соски мгновенно ответили. Мне не пришлось долго думать, заметил ли Лукас.

Он наклонил голову к моей, зарывшись в мои волосы.

— Ты убьешь меня этим маленьким топом. Я буду не в состоянии выйти из этого

поезда.

Я улыбнулась. И я искренне надеялась, что музей Родена не очень большой. Я не имею ничего против искусства девятнадцатого века или чего-то еще, но я составила новый список.

Что Я Хочу Сделать С Лукасом:

- 1) Проверить мои навыки минета (и узнать новые)
- 2) Принять душ (увидеть, как он выглядит мокрым)
- 3) Позволить ему делать те вещи, которые, как он упоминал, могут напугать меня (кнуты и цепи?)
- 4) Слушать, как он говорит мне непристойности (мой огромный секрет возбуждения)
- 5) Заставить его кричать мое имя, так же как я кричала его (т.е. достаточно громко, чтобы разбудить соседей, возможно, шестой округ, может, даже весь латинский квартал)

Я не слишком много прошу, так ведь?

Музей был не очень большой, но я полюбила его не поэтому.

Когда мы бродили по нему, я поняла, почему Лукас им настолько очарован. Он расположен в особняке восемнадцатого века, каждая комната — чудо света, тени и элегантности, роскошные детали в стиле барокко: высокие арочные окна, паркетный пол, деревянные панели на стенах и потолке, позолота на античной мебели — все это идеально контрастировало с грубой, мужественной красотой скульптур людей Родена.

Правда огромная часть моего наслаждения была связана с Лукасом, который держал меня за руку и тихо рассказывал мне о художественном стиле Родена, и почему он привлекал его.

— Знаешь, мне нравится то, как он не пытается сделать все красивым. — Мы стояли перед фигурой обнаженной женщины, которая, казалось, сжималась от стыда. — И я люблю части тела, особенно руки. Посмотри на эти.

Он положил руки мне на плечи, развернул меня, и я ахнула, когда мы подошли к огромной скульптуре у окна. Это были две руки, расположенные на каменной основе, ладони и пальцы согнуты по направлению друг к другу, но едва касаются. Мягкий свет, просачивающийся сквозь оконные стекла, создает слабую тень на руках и в воздушном пространстве между ними, и я хотела попытаться поймать это на фотографии, хотя и знала, что фото никогда не смогут это запечатлеть.

— Они так прекрасны. Они сложены в молитве?

— Нет, это две правые руки, видишь?

Я перестала искать свою камеру и подошла ближе.

— Две правые руки. Я даже не заметила. — На мгновение я застыла, чтобы рассмотреть, как это возможно, что две правые руки соединены таким образом.

— Как ты думаешь, что они делают?

Лукас встал прямо за мной и прошептал мне в ухо:

— Ну, у меня испорченный мысли, особенно сегодня, но если ты спросишь меня, то я отвечу, что эти руки принадлежат двум людям, занимающимся сексом. Напряжение между ними, как будто они вот-вот соединятся, это заставляет меня думать так... — Он стоял так близко, что я могла чувствовать его дыхание на моем плече, его грудь прижата к моей спине, его бедра прямо за моими. Все мое тело было напряжено. Он поднял правую руку, ладонью ко мне, прямо перед моим плечом. — Видишь?

Прикусив губу, я вытянула свою правую руку к его, подражая скульптуре перед нами. В моей голове прокручивалась мысль о нем, голом, крепко прижатом к моей обнаженной спине.

Стоя.

У стены.

Врываясь в меня.

Может, даже в душе.

Полностью мокрые.

Я почувствовала, как его эрекция увеличивается возле моей попы.

Мой клитор покалывало. Мышцы моего лона сжались.

Черт.

Одурманенная желанием, я закрыла глаза на секунду.

— Иисус, Лукас.

Он мягко рассмеялся, опустив голову.

— Я говорил тебе о своих испорченных мыслях. Сейчас тебе лучше идти передо мной несколько минут, я не хочу напугать кого-нибудь тем, что у меня сейчас в штанах.

Улыбнувшись ему через плечо, я вытащила камеру из сумки и сделала фото этой скульптуры. Фото, может, и не передаст художественность исполнения и свет, но, черт побери, я хотела напоминание о времени, когда Лукас почти довел меня до оргазма в центре музея Родена.

#

В музее было множество невероятно чувственных и романтических работ, но когда мы бродили снаружи, я не могла выбросить из головы изображение рук.

Или, может, это было ощущение твердого члена Лукаса у моей задницы.

Я была такой возбужденной и озабоченной, и не была уверена, что смогу долго продержаться. Когда мы остановились перед «Мыслителем», вероятно, самой известной работой Родена, я почувствовала вину, что я могу думать только о том, чтобы быть оттраханной Лукасом в душе. Я прочистила горло, чтобы высказать впечатления о тонкостях выполнения «Врата ада», еще одним шедевром Родена, но не смогла сосредоточиться.

Что? Оно было заполнено обнаженными, переплетенными телами!

Но прежде, чем я смогла предложить вернуться к нему в квартиру, раздеться и переплести наши тела вместе, он спросил о моем желании увидеть сад, и мне было стыдно сказать нет. *Да ладно, Миа. Ты можешь потерпеть еще десять минут.*

— Конечно, я бы хотела, — сказала я.

Когда мы подошли к большому фонтану в задней части сада, я снова задалась вопросом, одна ли я с трудом сохраняла терпение. Лукас продолжал шутить о своих испорченных мыслях и стояке в штанах, но я начинала думать, что мое воображение было гораздо более испорченное, чем его.

Затем мгновение спустя мы достигли границы сада, и Лукас потянул меня между двумя рядами живой изгороди, где находился маленький секретный узкий проход с гравием под ногами.

— Я ждал этого весь день и не могу больше ждать. — Он повернул меня в своих руках и поцеловал, касаясь своим ртом моего и проталкивая свой язык между моими губами, как будто он изголодался по мне.

Я обняла его, прижавшись грудью к его, отчаянно желая чувствовать его твердые мышцы на моих мягких формах. Он обернул одну руку вокруг моей талии и другой коснулся моей груди через кофточку. Я задрожала.

— Мммм, — застонала я. — Так хорошо. Я люблю, когда ты касаешься меня.

И вот в этот момент первые капли дождя попали на нас. Мы оба подняли головы и заметили надвигающиеся большие темные облака. Тихо грохотал гром.

— Идеальное время, — Лукас быстро поцеловал меня. — Я готов идти.

— Я тоже. — Мы пошли назад в дом, когда дождь начал литься сильнее. — Подожди, у меня есть зонт, — я остановилась, чтобы покопаться в сумке.

Но его не оказалось.

Отчаянно я рылась в содержимом сумочки, но зонтик так и не нашла.

— Дерьмо. Я забыла свой зонтик.

И затем я начала смеяться.

Закрыв сумку, чтобы подарки не промокли, я истерически рассмеялась и покружилась.

— Лукас, я, черт побери, забыла зонт! Ты знаешь, что это означает?

— Эм, мы оба промокнем? — он, должно быть, думал, что я сумасшедшая, но не поторапливал меня из-за дождя, даже когда над нами снова послышались раскаты грома. Вместо этого, он просто стоял, наблюдая за моим танцем, в ожидании, что я объясню свою эйфорию.

— Это отлично! В действительности, это чертовски замечательно! — распираемая радостью, я бросилась к нему, коснулась его подбородка своей рукой и со всей страстью поцеловала его в губы.

Он засмеялся.

— Дождь возбудил тебя или что-то подобное?

— Нет. Ну, это происходит сейчас, но никогда не происходило раньше. У меня всегда была фантазия о том, чтобы целоваться под дождем, но я всегда была хорошо подготовлена, на самом деле, я никогда не попадала под дождь на свидании без зонта. — Я прыгала вверх и вниз, мои мокрые волосы разметались по лицу. — Тот факт, что сегодня я покинула отель без зонта, означает, что я была так отвлечена другими вещами — хорошими вещами, — что я даже не подумала спланировать наперед, что может быть такая поганая погода! Я даже не думаю, что проверяла ее сегодня!

Я не уверена, что Лукас оценил грандиозный характер рассуждения, но он ухмыльнулся и притянул меня ближе, поцеловав, как будто ему никогда не будет достаточно, как будто ничего другое в мире не имеет значения. Ни люди, которые странно на нас смотрели, когда бежали под навес. Ни дождь, который намочил наши волосы и одежду и стекал по нашим лицам. Ни тот факт, что мы встретились только два дня назад и всего один провели вместе.

Или, может, значение имело только последняя причина.

Он целовал меня, пока мы ждали поезд в метро, он обнял меня сзади, его мягкие губы прижались к моей шеи. Он целовал меня в поезде, в котором было так много народу, что наши промокшие тела были прижаты вместе, наши рты настолько близко, будто мы не могли сопротивляться тому, чтобы слить их воедино. Он страстно целовал меня на лестничной клетке своего дома, схватив меня, когда я пыталась быстрее бежать по ступенькам и прижав меня к стене между вторым и третьим этажом; влага с моих волос стекала на его руки.

— Ты вся мокрая. Ты нравишься мне такая, — сказал он, в то время как прокладывал дорожку из поцелуев по моему горлу.

Мы оба задыхались, руки касались друг друга, наша промокшая одежда была слишком тяжелой на наших телах.

— Я мокрая везде, — прошептала я.

Со стоном он оторвал свой рот от меня и потянул меня вверх по последнему лестничному пролету так быстро, что мои ноги едва касались ступенек. У нас заняло всего десять секунд, чтобы открыть и распахнуть дверь его квартиры, но они казались вечностью, и в мгновение, когда мы были внутри, я бросила свою сумку, он захлопнул дверь, и мы набросились друг на друга как дикие волки.

Языки и зубы сошлись в схватке, мы сорвали каждый лоскуток одежды друг с друга, вихрь из четырех рук, неистового дыхания и бешеного стука сердец глумился над бурей, бушующей снаружи. Дождь стучал за окном, когда Лукас подтолкнул меня к двери. Опустившись на колени, он расставил мои ноги и погрузился в меня языком, подхватив меня руками под бедра. Ахнув, я запустила пальцы в его волосы, когда он неистово лизал меня, кружа языком по клитору, прежде чем полностью накрыть его своим ртом и с жадностью всосать. Затем он положил одну ладонь мне на живот, и потирал его большим пальцем, пока врезался в меня языком снова и снова.

О боже о боже о боже, это происходит слишком быстро. Я стонала, ругалась, а затем сжимала его мокрые волосы в кулаках, чувствуя вихрь желания, нарастающий в моем животе, и мои ноги ослабли.

— Черт, Лукас, я не могу стоять, не могу стоять.

Его рот путешествовал по моему телу, теплый и влажный по моему животу, моим ребрам и груди. Он взял один сосок в свой рот и жестко втянул его, пока обхватил рукой другую грудь. Я извивалась возле двери, прижав к ней ладони, когда выгнула спину от действий Лукаса. Этого было слишком много и в то же время недостаточно. Мое тело

забирало все, что он мог дать мне, с таким сильным желанием, которого я не чувствовала прежде. Я почти сходила с ума от потребности в нем.

Я вытянула руку между нами, взяв в свою хватку его твердый член, охватив его двумя руками. Он ахнул, став еще тверже и толще, он сводил меня с ума от потребности обхватить его губами, облизывать его, пробовать его. Я не была опытной в искусстве минетов, но я изучила довольно много всего, чтобы оживить нашу с Такером сексуальную жизнь, поэтому у меня было несколько идей.

Да, я гуглила *советы от парней о том, как делать минет*.

Несколько раз.

Я уже была готова попробовать кончик его великолепного члена, когда меня внезапно огрела мысль, какой восторженной я была по этому поводу. Прежде я бы так не старалась, но я из кожи вон лезла, чтоб сделать Лукасу приятное.

Упав на колени у его ног, я прижалась губами к верхней части его бедра, и затем провела языком по его прессу, держа его твердую эрекцию в своей хватке.

Затем я подняла взгляд на него, головка его члена была прямо перед моими раскрытыми губами.

Его рот был открыт, а в глазах пылал огонь.

Не отводя взгляда, я коснулась нижней губой бархатистого кончика и слегка покачала головой из стороны в сторону.

— Боже, Миа. — Его грудь резко опускалась и поднималась от затрудненного дыхания.

Я обхватила его губами, и он наклонился вперед, держась руками за дверь. На расстоянии грохотал гром, смешиваясь со звуками стонов удовольствия Лукаса, когда я взяла его глубже, остановившись только тогда, когда он коснулся задней стенки моего горла. Мягко застонав, я, сжав его в кулаке, несколько раз медленно провела по нему рукой.

— О мой бог, черт, да, — Лукас громко вдыхал и выдыхал, когда я вбирала его член в рот и выпускала и затем кружила языком по нижней части его кончика. — Черт, да, ты невероятна.

Я подняла взгляд, прежде чем снова полностью принять его длину, немного быстрее трахая его своим ртом, и биение моего сердца ускорило от того, что он не мог отвести от меня взгляда и от того, как он тяжело дышал и как говорил:

— Боже, Миа, ты чертовски прекрасна. Мне нравится наблюдать за тобой.

Доставлять ему удовольствие таким способом было еще сексуальнее, чем я представляла. И я любила это так же сильно, как и он — моя кожа горела, и по моему телу проходило тепло. Я не могла вспомнить, что когда-либо чувствовала себя такой беззастенчивой, такой свободной, чтобы делать то, что я хотела, такой уверенной в том, что я делаю. Я вытянула руку между его ног, дразня, играя и касаясь его везде, наблюдая и слушая, чтобы увидеть, что ему больше всего нравится.

Трудно было сказать.

Все что я делала, когда исследовала каждый сантиметр его тела, заставляло его дрожать, сыпать проклятья и стонать.

— Ты чертовски великолепная женщина, я не могу поверить в то, что ты делаешь со мной. Ты сводишь меня с ума.

Я провела ногтями по одному из его бедер, затем положила ладонь на его задницу и схватила ее. Он начал вдавливать в мой рот, не отрывая взгляда от вида, как его член погружается между моими губами, и быстро дыша с каждым толчком его бедер. Я была так

возбуждена, что вытянула руку, чтобы коснуться себя, даже не думая об этом — я никогда не делала этого прежде.

Лукас втянул воздух.

— Да, боже да. Трогай себя. Дай мне посмотреть на тебя.

Бесстыдно я касалась себя там, где прежде был его язык, погружая палец внутрь моего истекающего лона и чувствуя, какой влажной он сделал меня.

— Хорошая девочка. Теперь дай мне снова попробовать тебя. — Он вытянул руку и взял мою, поднял ее к своим губам и всосал мои пальцы в рот.

Его член дернулся у меня во рту.

— Ох, черт. Все, хватит. Иди сюда. — Он потянул меня на ноги, поднял меня под руки и усадил на кухонный стол. — Сейчас, черт побери, не двигайся.

Он вышел из кухни в спальню и вернулся через мгновение, раскатывая на себе презерватив.

— Раздвинь ноги.

В моем животе еще сильнее запорхали бабочки от его команды, и я раздвинула колени. Вытянув руку, он использовал ее, положив на мою спину, чтобы подтянуть меня на край стола, а другой рукой обхватил свой член и приблизил его к моему лону.

— Ммм, ты такая влажная. — Он держал одну руку на моей пояснице, когда скользнул глубже; его глаза закрылись. — Такая узкая, такая горячая.

— Да, — пробормотала я, обвивая руками его талию. — Так хорошо, Лукас. Не останавливайся.

— Никогда, — сказал он, открыв глаза и толкнувшись в меня жестко. — Я хочу быть в тебе всю ночь.

Наши рты слились воедино, был только горячий клубок языков и затрудненное дыхание, прежде чем я схватила его за плечи и изогнула спину, толкнувшись бедрами, чтобы почувствовать его в нужном месте. Через несколько минут я ощутила приближающиеся волны оргазма и обхватила ногами его бедра.

Как только я ощутила его зубы на своем соске, оргазм промчался через меня, и я закричала от чистейшего удовольствия, когда мое тело было полностью под властью оргазма — руками, я сжала его плечи, пятками уперлась в мышцы его ног, мои внутренние мышцы сжались вокруг его пульсирующего члена.

Я хотела поднять голову и наблюдать за тем, как он кончит, но не могла. Вместо этого я упала спиной на стол, мои пальцы вцепились в края.

— Черт. О боже мой, посмотри на себя. — Лукас гладил одной рукой мою грудь и положил другую на мое бедро, врезаясь в меня жестче и быстрее, пока его тело не стало твердым и неподвижным, когда его член пульсировал во мне.

Прямо, черт возьми, на кухонном столе.

Я думаю, что не должна говорить вам, что это была новая территория для меня.

Как и на кухонном полу некоторое время спустя (я была сверху).

И в гостиной на ковре, почти сразу после этого (мы соблюдали очередь).

В конечном итоге, мы занимались сексом в спальне, где рухнули на кровать кучкой пота, истощенных конечностей, ноющих от боли мышц и волос, которые на самом деле были в огромном беспорядке.

И все, о чем я могла думать: *как скоро мы повторим это?*

Мы уснули, и, проснувшись, несколько минут я наблюдала за Лукасом. Окно в его спальне было слегка приоткрыто, из-за чего прохладный ветерок наполнял комнату, и я все еще слышала дождь, хотя гром уже прекратился. Я перекадилась на живот и подперла подбородок рукой, вдохнув прохладный от дождя воздух и запах секса на наших телах.

Кожа Лукаса была немного смуглой, почти без волос, за исключением ног, и неповрежденной, кроме небольшого шрама на животе. Он располагался прямо под левым нижним ребром. У меня был соблазн провести по нему пальцем, но я не хотела разбудить его.

Он лежал на спине, одна его рука над головой, а другая на животе. *Беру свои слова обратно. Его подмышки немного волосатые.* Я испустила смешок. Но его грудь была приятной и гладкой, а соски темно-красного цвета — я не могла перестать улыбаться — а его живот был подтянут, и от его вида мой рот наполнялся слюной. Простынь съехала до его бедра, и мне представился лучший вид, чтобы наслаждаться.

— Ты проснулась. — Лукас открыл глаза, его голос был хриплым. — И ты пялилась на меня.

Я рассмеялась.

— Извини. Никакого сталкерства, я обещаю. Просто наслаждаюсь видом.

Он закрыл глаза и улыбнулся.

— Продолжай.

Шлепнув его по груди, я опустила голову на плечо и растянулась рядом с ним.

— Мммм. Это было восхитительно.

— Секс или сон?

— И то, и то. — На самом деле обычно я не спала днем или вечером, из-за этого я чувствовала вину, так как думала, что могу посвятить это время каким-либо делам. Но проснуться рядом с Лукасом, под вечерний дождь, было даже лучше, чем вычеркнуть что-то из списка дел.

— Согласен. Но сейчас я голоден, — сказал он, почесав живот.

— Ты? Да, я полагаю, что мы пропустили ужин. Бедненький, ты так усердно трудился без достаточного количества энергии.

Он посмотрел на меня.

— Ты. Не. Помогаешь.

Я застенчиво улыбнулась, и он потянулся, притянул меня ближе, так что мое тело вытянулось рядом с его, и моя голова покоилась на его груди.

— Но, — продолжил он, — мне нужна энергия, если мы собираемся продолжить то, что делали — а я надеюсь, что мы продолжим — поэтому мы, вероятно, должны что-то поесть. Сейчас, должно быть, где-то девять вечера.

Мое сердце забило быстрее у его бока. Чувствовал ли он?

— Ладно.

Но никто из нас не сдвинулся с места, и в тот момент, когда наше дыхание слилось воедино, я снова почувствовала тепло и сонливость. Я обернула одну руку вокруг его живота, а Лукас водил пальцами по моему плечу. Когда его желудок заурчал, я встревожилась.

— Твое тело говорит за тебя, — сказала я, приподнимаясь. — Поедим?

— Определенно. Чего бы тебе хотелось?

Я пожала плечами.

— Удиви меня.

Уголки его губ дернулись от улыбки.

— Что?

Улыбка растянулась на его лице.

— Твои волосы сейчас в ужасном беспорядке.

Застонав, я обхватила волосы руками.

— Я знаю. Как и твои.

— Я догадываюсь. — Он провел рукой по своим волосам и сел. — Думаю, что мне нужно расчесаться.

Я вскинула руки в воздух и изобразила притворный шок.

— У тебя есть расческа?

Он схватил меня, уложил на спину и навис надо мной, прижав мои запястья к постели. Его вьющиеся волосы спадали на его лоб, но вместо того чтобы рассмеяться, я прикусила нижнюю губу, представив его голову между моими ногами. Что, черт побери, я буду делать, когда должна буду вернуться домой? Что если у меня никогда не будет этого снова? Лукас нависал надо мной еще немного, изучая меня, когда мы оба начали дышать быстрее. Я почувствовала, как его член увеличивается, касаясь моего бедра — твердый и готовый.

— Боже, ты прекрасна, — сказал он.

— Я думала, что ты был голоден.

— Мой желудок может подождать, — сказал он, осыпая поцелуями мою шею. — Мой член более требователен. Он хочет тебя сейчас.

Мое лоно истекало от желания, когда он всосал мочку моего уха и начал скользить своим телом по моему.

— Лукас.

— Да? — Его теплое дыхание опалило мое ухо.

— Давай примем душ.

#

Четыре Безумно Восхитительные Вещи, Которые Я Поняла В Душе С Лукасом. (И Одна Пугающая):

1) Лукас опасный, когда мокрый. Потому что когда я увидела, что его волосы мокрые и уложены назад, что только подчеркивало его высокие скулы, изгиб бровей, его заостренный подбородок, я почти начала задыхаться от потребности поцеловать его, ВЕЗДЕ.

2) Когда кто-то моет твои волосы и намыливает твоё тело, ты чувствуешь себя еще более восхитительно, чем когда балуешь себя шоколадным фонданом ^[9] — особенно когда этот человек голый, чертовски сексуальный, и массирует твою голову так, что ты испытываешь нереально приятные ощущения.

3) Целоваться под дождем весело, но заниматься любовью с Лукасом в душе чертовски превосходно: горячая вода, стекающая по нашим телам и поднимающая пар вокруг нас, окутывает нас горячим облаком похоти. Этого достаточно, чтобы заставить тебя делать то, что ты никогда не думал, что будешь делать (смотри пункт №4)

4) Ощущать Лукаса внутри себя без какого-либо барьера между нами, привело к физическому экстазу, который невозможно описать словами, на самом деле, экстаз был не

только в физическом плане. Что приводит меня к пункту №5.

5) Я думаю, что, возможно, у меня есть чувства к Лукасу. Серьезные чувства.

Струи воды были горячими на моей спине, но еще более горячо было то, что Лукас был передо мной. Мои ноги обвивали его бедра, и он держал меня на весу, поддерживая руками мою задницу. Наши рты были слиты воедино так крепко, что ни одна капля воды не попала в наш поцелуй, и я всосала его язык в свой рот, желая, чтобы я могла ощутить еще больше его внутри себя.

Но у нас не было презерватива в душе.

Его член был между нашими телами, скользя между моими влажными складочками. Он был твердый, толстый и длинный, и я могла думать только о том, чтобы он вошел в меня.

— Лукас, я хочу тебя внутри себя, — сказала я, затаив дыхание, — я на таблетках.

Он отвернул голову и посмотрел на меня, вода стекала с его темных волос.

— Мы не можем.

— Ты прав, извини. — Он на самом деле был прав. Боже, о чем, черт побери, я думала? Я снова начала целовать его, прижимаясь к нему, задыхаясь от желания.

Несколько секунд спустя он сказал.

— Ну, может, мы можем.

— Можем?

— Может, на минуту. Я имею в виду, если ты хочешь. Я не буду кончать в тебя.

Как, черт побери, он мог сказать это? Я знала, что не могу давать такого рода обещания. И я знала, что несмотря на то что я на таблетках — это не дает разрешение нам быть безрассудными, потому что это не было безопасно. Секс без презерватива не был умным поступком, когда ты знаешь человека всего два дня — и тем не менее, я так сильно его хотела. И завтра он уезжает.

— Ладно. Я просто хочу почувствовать тебя без преграды. Даже если всего на минутку.

Он поцеловал меня, прежде чем приподнял меня немного выше, и я использовала мышцы на своих ногах, чтобы подержать себя в этом положении, пока он располагался подо мной. Пар увеличивался вокруг нас, придавая моменту оттенок фантастичности. *Как будто все это было нереальным.* Когда я почувствовала его у своего лона, я выпустила свою сильную хватку на его талии и опустила руку к его твердому стволу, мои глаза вперились в его.

О боже мой.

Я подумала об этом, а он сказал это.

Затем он закрыл глаза.

— В тебе так хорошо. Слишком, черт побери, хорошо.

Мое тело боролось с желанием двигаться, трахать его, чувствовать, как он вдалбливается в меня.

Боролось с этим целых пять секунд.

— О боже. — Я вцепилась руками в заднюю часть его шеи и вращала бедрами, сжав его своими внутренними мышцами.

— Черт, Миа. — Он развернулся и прижал меня спиной к холодной белой плитке, давая волю своему собственному сильному желанию врываться в меня, сначала медленно, затем глубоко и жестко. Я отвечала каждому толчку его бедер своим собственным — двигаясь навстречу его толчкам так, что это заставило мое тело мчаться к разрядке.

Ощущение его члена без презерватива внутри меня возбуждало достаточно, но была мысль, которая убивала меня: что самая чувствительная, самая интимная, самая личная часть его тела была внутри такой же части меня — это было неосмотрительно.

Я кончала жестко, укусив его за плечо и сцепив ноги вокруг него, не в состоянии даже дышать.

В момент, когда я ослабила свою хватку на нем, Лукас отчаянно поставил меня на ноги и отстранился. Без колебаний, я опустилась на колени и взяла его в рот, используя все те маленькие хитрости, что ему понравились в прошлый раз, чувствуя себя богиней - порнозвездой.

— О боже мой, Миа, о боже, о черт, я сейчас кончу, поэтому если ты не...

Я заставила его замолчать, подняв глаза и встретив его взгляд, и уже через две секунды он потерял контроль, толкаясь и кончая мне в рот, упираясь рукой в стену позади меня.

Когда это закончилось, он опустил руку и поставил меня на ноги, обняв меня и положив лоб на мое плечо.

— Иисус, Миа.

И его голос надломился, прямо на моем имени.

И этот незначительный звук, больше чем что-либо еще, заставил меня закрыть глаза, прижаться к нему ближе и подумать о пугающей мысли.

Я так в него влюблена.

#

Это смешотворно. Я не влюблена в него. Я не могу быть влюблена в него. Я познакомилась с этим парнем два дня назад.

Я была влюблена в то, как он заставлял меня чувствовать себя во время секса, в то, как он боготворил мое тело и позволял мне боготворить его. На самом деле между нами была невероятная сексуальная химия, вот и все. И он был отличным человеком. Прежде у меня никогда не было друга для секса, поэтому было естественно, что в моей голове образовалась какая-то путаница о том, что это означает.

Это означает, что ты можешь наслаждаться временем с ним, не беспокоясь об отношениях. Это означает, что у тебя может быть восхитительный, неотягощенный чувством вины секс, потому что нет никаких обязательств. Это означает, что никого не заботит, если это просто сексуальное мимолетное увлечение, так что наслаждайся им, пока оно длится, затем возвращайся домой и двигайся дальше в своей обычной жизни.

Да, я могу сделать это. Я точно могу сделать это.

Я ведь могу?

Дождь прекратился и Лукас захотел отвести меня на ужин на Монмартр (прим. пер. холм в Париже).

— Еда не самая восхитительная, но я хочу, чтобы ты кое-что услышала.

— Я согласна на все, — сказала я, натягивая джинсы. — Хотя я бы хотела чистую одежду. Эта немного влажная.

— Это место абсолютно обычное, я уверяю тебя. — Он подошел ко мне сзади и поцеловал в плечо. — И так или иначе, мне нравится эта маленькая маечка на тебе.

— Спасибо. Но то, что я на самом деле хочу — это мои средства для волос. К сожалению, твои не особо мне подходят. — Я скользнула в свои балетки. Брр, они тоже мокрые.

— Извини. Это поможет, если я скажу, что ты великолепна, независимо от того, в каком беспорядке твои волосы? — Лукас вытащил чистую рубашку из своего шкафа, надел ее и начал застегивать пуговицы. Мне нравилось смотреть, как он одевается. Это заставило удовольствие расцвести в моем животе, так как казалось таким личным и интимным. Как будто мы знали друг друга гораздо дольше, чем есть на самом деле.

Я улыбнулась.

— Немного. Но не будет ли слишком, если я попрошу заехать в «Плаза»?

— Ничего, о чем ты попросишь меня, не будет слишком.

Мое сердце на секунду перестало биться и затем понеслось яростным галопом, как будто наверстывая упущенное время.

Перестань говорить подобные вещи. Я смущаюсь.

Я поблагодарила его, взяла свой пиджак и осмотрелась в поисках сумочки. Это было опасно позволять таким эмоциям прорываться наружу. *Я должна стараться контролировать их, продолжать постоянно напоминать себе, кем мы являемся друг для друга и, что еще более важно — кем не являемся.*

Чтобы сэкономить время, мы взяли такси до «Плазы», и я позвала Лукаса подняться ко мне в номер, пока я буду переодеваться.

— Вау. Довольно роскошно, — сказал он, осматривая шикарный номер.

По какой-то причине я чувствовала себя смущенной, и я не хотела, чтобы он подумал, что я избалованная и всегда так путешествую.

— На самом деле это больше, чем то, в чем я нуждаюсь. Я была бы счастлива в номере поменьше, но за этот уже было заплачено.

— Я помню. — Лукас посмотрел на розы и кровать, прежде чем начал бродить по гостиной. Опустившись на диван, он посмотрел на газету, которую я оставила на кофейном столике сегодня утром.

Я сняла пиджак и сбросила балетки, забросив их в шкаф.

— Это займет минуту или две.

— Не торопись.

Хоть я и не могла видеть его с того места, где стояла, его голос звучал немного странно. Это было из-за намека на Такера? *Я не должна была приводить его сюда. Ему, вероятно, некомфортно находиться в номере, который мой бывший жених снял для нашего медового месяца.* Но что я могла сделать кроме того, чтобы поторопиться?

Я повесила свою мокрую одежду в шкаф, чтобы она высохла, бросила нижнее белье в корзину для грязного белья и пошла к комоду, чтобы выбрать, во что переодеться.

Когда я вытащила верхний ящик, нижнее белье «Aubade» оказалось прямо передо мной. У меня появился соблазн надеть его, но я не хотела, чтобы Лукас видел, что я это делаю. Было бы лучше, чтобы он обнаружил его под одеждой, или, как-нибудь вернувшись домой, увидел, что оно надето на мне.

Вернулся домой и увидел, что оно надето на тебе! Ты потеряла свой рассудок?

Мы не были парой. У нас не было общего дома. Мне лучше запомнить это.

Немного нахмурившись, я убрала красивые трусики и бюстгальтер в сторону и нашла что-то более повседневное. С нижнего ящика я вытащила чистую пару джинсов и покопалась в поисках новой майки. Хмм, Лукасу она понравится? Он сказал, что ему понравилась та, в которой я была сегодня, но я думаю, что в основном это было из-за того, что она демонстрировала много кожи. У меня больше не было подобной, но был черный без бретелек топик, который, думаю, ему понравится. Я оставила свой лифчик без бретелек и натянула облегающие черные брюки и топик. Мои балетки были слишком мокрые, чтобы снова их обуть, поэтому я решила идти в туфлях на каблуках — в черных, на ремешках, с маленькими золотистыми застежками. Если мне придется много ходить — так тому и быть.

Иногда красота требует жертв.

В ванной я собрала волосы в неряшливый пучок и нанесла немного макияжа.

— Все, я готова, — сказала я, выходя из ванной. Из шкафа я взяла маленький черный клатч и бросила туда несколько нужных вещей.

— Правда? Боже, такая быстрая. — Лукас поднялся. — И, черт побери, ты сексуальная.

Улыбаясь, я повернулась к нему лицом.

— Спасибо.

— Я не могу поверить, как же быстро ты собралась, и ты выглядишь так хорошо. — Его глаза скользнули по моим волосам, моим оголенным плечам, и ногам в облегающих брюках.

— Как правило, я собираюсь довольно быстро, если не сушу волосы. Сушка занимает много времени. В другом случае... — я подняла руки, указывая на себя, — получается то, что ты видишь сейчас.

— К счастью для меня. — Он обнял меня одной рукой за талию и притянул для поцелуя. — Ты такая высокая.

Я рассмеялась.

— Сегодня я на каблуках.

Он опустил взгляд и застонал.

— Миа, ты убиваешь меня. Пойдем, а то я потеряю контроль. — Посмотрев через плечо, он продолжил: — Это красивая комната и все такое, но быть здесь с тобой немного странно.

Я похлопала его по щеке.

— Я тебя понимаю. Ты не должен приходить сюда снова.

Мы поехали на метро, чтобы добраться до основания Монмартра, и взобрались по сотне крутых, узких ступенек, по бокам которых были выстроены холодные старые столбы и чугунные решетки. Мои ноги не болели так сильно из-за каблуков, как я предполагала, вероятно потому, что я была очень увлечена пейзажем. Скорее всего, в течение дня извилистые мощеные улицы и потрясающий вид были очаровательными и живописными, но сегодня вечером, с туманом, повисшим в воздухе, с темной и блестящей после дождя землей и фонарями, светящими сквозь туман, Монмартр, казалось, напоминал старомодные фильмы

нуар^[10].

Взяв меня за руку, Лукас повел меня к ресторану, находящемуся с правой стороны от главной площади, и я сразу же услышала причину, по которой он привел меня сюда. Из открытых дверей доносились звуки гитары, и я сжала его руку, когда он повел меня к небольшому квадратному столику в задней части большой, наполовину заполненной людьми, комнаты.

Когда мы сели, я начала с интересом изучать трех играющих музыкантов. Они сидели в полукруге, и я не была уверена, как должны были выглядеть цыгане, но я точно не представляла трех статных парней, среднего возраста, в джинсах и клетчатых рубашках с электрическими гитарами, подключенными к усилителям. Перед ними был небольшой столик со стопкой компакт-дисков, небольшой корзинкой для наличных и три бокала пива. Они выглядели как обычные люди, дающие представления за деньги на улице.

Но музыка.

Я никогда прежде не слышала ничего подобного. Меня впечатлило то, как они сохраняли ритм и с какой скоростью играли, сливаясь в единую мелодию.

— Боже мой, их запястья, должно быть, очень болят, — сказала я Лукасу.

Он улыбнулся.

— Они привыкли к этому.

У ведущего гитариста, что был по середине, пальцы так быстро летали по струнам, что его руки казались размытыми. Я никогда не видела ничего подобного.

— Ты можешь играть так же быстро? — спросила я.

— Ха. Я бы хотел.

Я толкнула его локтем.

— Бьюсь об заклад, ты можешь.

— Слушай, я неплохо играю. Но эти ребята настоящие профи. Видишь того парня? — он указал на музыканта по центру. — Он играет так же хорошо, как любой джазовый гитарист, которого я встречал в Нью-Йорке.

Мы пили вино, ели стейки с картошкой фри и салатами и слушали музыку, Лукас время от времени отвечал на мои вопросы о названии песни или стиле музыки. Это было так весело, что я почти забыла о сексе.

Почти.

Но иногда я смотрела на Лукаса и ловила его взгляд на себе, и он дарил мне небольшую улыбку, которая означала, что он знает, о чем я думала.

Он наклонился и прошептал мне в ухо:

— Я не могу перестать думать о том, что было в душе. — Мое лицо вспыхнуло и поток возбуждения устремился к моему лону.

Я была удивлена, когда в перерыве, ведущий гитарист подошел к нам и пожал Лукасу руку. Они обменялись парой фраз на французском, и, конечно же, я понятия не имела, о чем они говорили, но улыбнулась и протянула руку, когда Лукас меня представил. Гитариста звали Стефан — у него были темные волосы, темные глаза и теплая улыбка, что открывала щербинку между зубами. Прежде чем отправиться в бар, он что-то сказал Лукасу, что его рассмешило.

— Что он сказал? — спросила я.

— Он сказал, что никогда прежде не видел меня здесь с девушкой, и он понял, что я, должно быть, хочу впечатлить тебя, если привел тебя послушать, как он играет.

— Ох. — Я спрятала свою удовлетворенную улыбку за бокалом вина.

— Так это сработало? — Лукас сел и посмотрел на меня игривым взглядом.

— Да. — Я была впечатлена, но больше всего я была счастлива из-за того, что Лукас никогда прежде не приводил сюда девушек.

На обратном пути на сцену Стефан остановился и положил руку на плечо Лукаса. Он задал вопрос, и сначала Лукас покачал головой, но после непродолжительных уговоров, казалось, поменял свое решение.

Я захлопала в ладоши.

— Сделай это! Пожалуйста!

— Ладно. Но не сравнивай меня с этим парнем. — Лукас похлопал Стефана по плечу.

— Он очень хороший гитарист, — сказал Стефан по-английски с сильным акцентом.

— Я верю. — Но я волновалась за Лукаса, наблюдая, как он сидит на стуле Стефана и перекидывает ремень гитары через плечо. Он болтал с ритм гитаристами^[11] некоторое время, отсчитывая ритм французской песни, и потом они начали играть с пугающей скоростью. Мои внутренности завязались узлом. *Ух, я надеюсь, что он не собирается пытаться показать то, что не может делать.*

Я не должна была переживать. Лукас играл с изящной ловкостью, его пальцы уверенно перебирали струны, украшая мелодию своим звучанием, не заполняя пространство ненужной показухой или миллионом дополнительных аккордов.

Я была заморожена.

Больше всего мне нравилось, каким счастливым он выглядел в это время, независимо от того, улыбался ли он мне или другим гитаристам или просто смотрел на свои руки на гитаре. Боже, он такой чертовски привлекательный. И талантливый, и умный, и милый.

Какого черта? Ведь должно быть в нем хоть что-то не так.

Он живет во Франции. Вот что с ним не так.

Только иногда.

Да, как сейчас. И завтра он покидает Париж.

От воспоминания, что наше время вместе было на исходе, мой желудок болезненно скрутился. Я отмахнулась от тревоги, нарастающей в моем желудке, и попыталась оставаться в настоящем моменте.

Здесь и сейчас.

Но когда песня закончилась, Лукас сказал что-то другим гитаристам, и они отсчитали другую мелодию. И как только он заиграл первые аккорды «La Vie En Rose» (прим.пер. — песня Эдит Пиаф), я втянула воздух.

В действительности, кажется, я не дышала на протяжении всей песни. Он не пел, но играл мелодию так прекрасно, что мои глаза наполнились слезами. Шум и гул, которые заполняли пространство до этого, на время песни стихли, и когда она закончилась, все заплодировали. Лукас снял с себя гитару, отдал ее Стефану и, кивнув в благодарность, вернулся ко мне за стол.

— Ну? Что ты думаешь?

Я тяжело сглотнула, прежде чем заговорила:

— Это было прекрасно. Спасибо, что сыграл песню для меня. Это... многое значит.

— Пожалуйста. Теперь, я всегда буду думать о тебе, когда буду слышать ее.

Мой рот открылся, но я не знала, что сказать. Мы уставились друг на друга, и я поняла, что между нами что-то изменилось — он тоже понял, что наше время было ограничено, что

прощание было близко. И честно говоря, он тоже не выглядел счастливым по этому поводу.

Он сел и прочистил горло.

— Ты наелась? Хочешь еще один бокал вина?

— Нет. Я имею в виду, да, я наелась, но не хочу больше вина. — Впервые я чувствовала себя лишенной дара речи рядом с Лукасом. Я не хотела, чтобы ночь заканчивалась, но я не думала, что будет правильно напрашиваться к нему в квартиру. И я не могла пригласить его к себе в номер.

Дерьмо. Вот и все? Я посмотрела через плечо на дверь, пытаясь скрыть слезы, образующиеся у меня в глазах.

— Ну... тогда я думаю, мы можем идти. Только дай мне оплатить счет.

— Нет. — Я положила руку поверх счета и притянула его к себе. — Этот мой. По крайней мере, это то, что я могу сделать за все то время, что ты провел со мной.

— Провел? Ты прощаешься со мной сейчас? — он казался искренне удивленным.

Я пожала плечами.

— Ну, ты уезжаешь, верно? Разве ты не сказал прошлой ночью, что завтра покидаешь город?

— Ох. Верно. Черт. Завтра четверг? — он потянул за прядь волос, что вылезла из моего пучка. — Ты заставила меня забыть о том, какой сегодня день.

Я рассмеялась.

— Хорошо.

— Я должен уехать из Парижа завтра. Я еду в Воклюз на помолвку брата. Вся моя семья будет там.

— В доме графа?

— Да.

Я вынужденно улыбнулась.

— Будет весело.

— Да. — Но он выглядел мрачным, его брови нахмурились.

Музыка снова заиграла, и я оплатила счет своей кредиткой. Лукас поблагодарил меня за ужин, и бросил немного наличных в корзинку Стефана, прежде чем взял меня за руку и повел на выход из ресторана. Никто из нас не проронил ни слова, когда мы спускались вниз по холму.

Вдруг на полпути вниз, возле одной из освещенных фонарем лестниц, Лукас остановился. Я прошла два шага дальше и повернулась, чтобы посмотреть на него.

— Что случилось?

Он засунул руки в карманы.

— Ты должна поехать со мной завтра.

— Что?

— Поехали со мной в Воклюз.

Мое сердце забилося слишком быстро.

— Лукас, я не могу...

— Нет, можешь. — Лукас сделал шаг ко мне. — Я хочу, чтобы ты поехала.

— Но...

Он вытащил руки из карманов и положил их на мои плечи.

— И я еще не готов попрощаться с тобой.

Он поцеловал меня, прежде чем я смогла что-нибудь сказать, заглушая своими губами

любые слова несогласия, которые я могла сказать. Потому что было так много всего, о чем я думала — *мы встретились два дня назад; как ты объяснишь, кто, черт побери, я такая; твоя семья будет думать, что я сумасшедшая, если поехала куда-то с парнем, которого только встретила; и... и я боюсь. И у меня слишком много чувств. Что, черт побери, происходит между нами?*

Но когда он провел своими руками вверх к моим плечам и взял мое лицо в свои руки, я хотела растечься лужицей. *Он тоже еще не готов попроситься.*

— Скажи, что ты поедешь, — прошептал он у моих губ. — Ты влюбишься в это место — там так красиво, и там будет много вина.

Я улыбнулась.

— Я уверена, что там красиво, Лукас. Но что насчет твоей семьи? Они не рассердятся, когда ты покажешься с...

Он покачал головой прежде, чем я даже закончила предложение.

— Они будут в восторге. Генри и Жан Поль любят принимать гостей, и мой брат и его невеста сказали, что я могу кого-нибудь привезти. Просто до этого у меня не было никого, кого я бы хотел взять с собой.

— Что насчет твоей мамы? — по какой-то причине, мысль о том, чтобы встретиться с его мамой-кинозвездой, заставила меня задрожать.

Лукас заметил дрожь и притянул меня в свои объятия.

— Она будет рада познакомиться с тобой, я обещаю. Давай! Я взобрался на башню ради тебя, я танцевал с тобой, играл тебе песню...

Я вздохнула, в объятиях Лукаса было очень комфортно. Слишком комфортно. Я обняла его, положив руки на его теплую поясницу.

— Я хочу...

— Что тебя сдерживает?

Прикусив губу на мгновение, я решила быть честной.

— Я думаю, я в замешательстве, что все это значит. Совсем недавно была отменена моя свадьба, и...

Он отстранился, удерживая меня на расстоянии вытянутой руки, и слегка встряхнул.

— Перестань так много думать, Миа. Это значит, что мы хорошо проводим время вместе, вот и все. Это значит, что я правда-правда рад, что мы встретились, и мне нравится быть с тобой. Просто поехали в Воклюз и хорошо проведем время, ладно? Не анализируй это, не ищи глубоких смыслов, не беспокойся. Кто знает, может после трех дней там, ты отчаянно захочешь улететь обратно в Детройт, чтобы сбежать от меня и моей семьи.

Я улыбнулась.

— Я сомневаюсь в этом.

— Тогда решено. Ты едешь. — Он сжал мои плечи. — Мы уезжаем завтра после завтрака.

Я закрыла глаза, думая о том, было ли это ошибкой, но я не была в состоянии удержать себя от кивка.

— Ладно.

— Так что теперь вопрос в том, что ты хочешь делать сегодня вечером? Ты устала? Хочешь, чтобы я отвез тебя в отель? Хочешь вернуться в мою квартиру? Тебе нужно собрать вещи, но ты можешь сделать это завтра.

— Ничего себе. Голова кругом.

Боже, что мне делать?

— Извини. Ты, вероятно, не особо привыкла быть спонтанной в таких вещах. Особенно в поездках. — Он снова взял меня за руку, и мы продолжили спускаться по ступенькам.

— Да. Ты прав. До этой недели я бы сказала, что во мне нет ничего спонтанного.

— Я вставлю спонтанность в твое тело.

Я послала ему насмешливый взгляд, хотя его комментарий возбудил меня.

— Очень весело. Кстати, где находится Воклюз?

— В Провансе. И не беспокойся, там все обычно. Ты возможно захочешь взять платье для вечеринки в субботу, но...

— Лукас! — я схватила его за руку. — Я даже не подумала об этом! Боже, я совсем не готова для поездки в Прованс. У меня совсем нет надлежащей одежды.

Он закатил глаза.

— Миа, если ты хочешь поехать домой и составить новый календарь нарядов прямо сейчас, это твое право. Но, — он снова притянул меня к себе и скользнул рукой под мой топик, затем пальцем под застежку моего лифчика, — я могу думать о множестве других вещей, которые предпочел бы сделать сегодня. Хочешь остаться с ночевкой?

Я закрыла глаза.

— Да. Потому что на самом деле для этого у меня есть идеальный наряд.

#

— Я поверить не могу, как много раз у меня был секс за последние двадцать четыре часа. — Одетая в мягкую футболку и пару боксеров из ящиков Лукаса, я взяла новую зубную щетку, которую Лукас достал для меня и ополоснула ее. — Это почти невыносимо.

— Это хорошо или плохо? Вот. — Лукас выдавил немного зубной пасты на мою щетку, затем на свою.

— Хорошо, — сказала я. — Очень-очень хорошо.

— Рад это слышать.

Мы почистили зубы, прополоскали рот и сплюнули, стоя бок о бок у раковины в ванной, и Лукас поставил мою зубную щетку рядом со своей. *Это было слишком интимно и слишком уютно. Я чувствовала себя так близко к нему.* Но я пыталась остановить это.

— Может это хорошо, что мы немного притормозим, когда приедем к твоей семье, — сказала я, ложась в кровать. — Я начинаю думать, что я зависима.

Мы сделали это дважды с того момента как вернулись с ужина — снова на диване (по моей просьбе) и на полу в его спальне. Я была изумлена способностью Лукаса восстанавливаться и делать это снова так скоро.

— Что ты имеешь в виду под «притормозим»? Я не собираюсь делать паузу. — Лукас изобразил испуганное лицо и выключил свет на прикроватной тумбочке.

Я наблюдала, как он скользнул ко мне под одеяло в лунном свете.

— Мы должны. — Я положила свою голову на руку. — Мы не можем трахаться как кролики в замке графа или где бы там ни было. — Я выбросила руку в воздух. — Это грубо!

Лукас рассмеялся.

— Иди сюда. Я обещаю, — сказал он, когда я прижалась к нему, — что дом очень большой, и к нему прилегает огромный парк. Мы найдем способ побыть одни. Поэтому не нужно будет делать паузу.

Я поцеловала его, прежде чем перекадилась, прижав спину к его груди, и он обвил руку вокруг моей талии. Это ощущалось нелепо комфортно и почти чуждо мне. Такер не был любителем объятий. И не относился к повторит-сразу-после-первого-раза типу парней. И из-за его отвращения к телесным выделениям после секса, мы почти никогда не делали это без презерватива.

И даже тогда, это не ощущалось так, как с Лукасом в душе.

Никогда.

Я хотела сделать это снова. Я закусила нижнюю губу.

Ну, ты не сможешь сделать это снова. Это заставляет думать тебя о сумасшедших вещах.

Но это безумно? Может, обычные люди делают это все время, и я просто не знала это. Я имею в виду, я слышала о сексуальных каникулах с почти незнакомцами, о курортных романах, когда люди никогда не слышали ничего друг о друге снова, только жаркая случайная связь на одну ночь любви... Я никогда не позволяла себе такого. Мне было интересно, было ли подобное у Лукаса.

Я зажала обе губы между зубами, чтобы помешать себе задать вопрос. Я на самом деле хотела знать? Я разрывалась — что если я не была особенной?

Не спрашивай, не спрашивай, не спрашивай.

Но я спросила. Конечно же, я это сделала.

— Лукас?

— Хмм? — его голос уже был сонный.

— У тебя когда-нибудь было такое прежде?

— Что такое было прежде?

— Ну... — я замешкалась, — безостановочный секс весь день напролет.

Он рассмеялся.

— Нет. Я имею в виду, не могу сказать, что никогда не уходил с кем-то домой, но безостановочный секс — это в новинку для меня.

— И для меня. — Облегчение нахлынуло на меня как дождь, ведь я не была одной из вереницы девушек, кричащей его имя в его квартире. Неоднократно.

Затем я затихла на минуту, на самом деле пытаюсь посчитать количество оргазмов, которые я получила с Лукасом. Святое дерьмо, это количество превышало десять? Вероятно, это было больше, чем у меня было с Такером за год.

И мы никогда не разделяли оргазм вместе. Внезапно я захотела, чтобы Лукас узнал об этом. Чтобы почувствовал себя особенным.

— Лукас?

— Да?

Улыбка коснулась моих губ.

— Я думала, что одновременный оргазм — просто миф.

— Тогда мы квиты.

Я моргнула.

— Как так?

— Я думал, что великолепная девушка, делающая мне этот крышесносный минет на кухне была плодом моего воображения. Затем она снова сделала это в душе, поэтому я начал думать, что она может быть настоящей.

Я улыбнулась, позволив моим уставшим глазам закрыться.

— Она настоящая.

Но была ли она? Лежа в его объятиях, я задавалась вопросом, было ли это правдой. Была ли эта девушка реальной мной? Или я вела себя как какая-то воображаемая версия самой себя, предаваясь похоти, действуя импульсивно? Было ли это реакцией на то, что десять дней назад оказалось, что моя жизнь не была такой, какой я ее считала? На то, что я не могла быть той, кем думала, я являюсь? Может, я использовала эту сказку, чтобы избежать столкновения лицом к лицу с правдой: я должна начать с нуля.

Или было что-то большее? Может, эта девушка была внутри меня все время и была подавлена идеей того, кем я предположительно должна быть? Подавлена страхом признать, что я могу совершить ошибку? Узнать, что я не идеальна? Испытала ли я облегчение, что Такер отменил свадьбу? Безусловно, ведь эта девушка, здесь в Париже, чувствовала больше, чем я чувствовала на протяжении долгого времени.

Но это все еще не было реальной жизнью.

Нахмурившись, я сильнее прижалась к телу Лукаса. Мне было плевать, если это не было реальной жизнью.

Все было слишком хорошо, чтобы беспокоиться.

После завтрака, состоящего из кофе, фруктов и блинчиков, которые приготовил Лукас, я вернулась в отель, чтобы упаковать сумку для поездки в Воклюз. Я убедила Лукаса, что в состоянии сама добраться назад на метро, и даже несмотря на то, что несколько минут я изучала карту, я чувствовала себя вполне довольной, когда вышла на улицу со станции Ф. Рузвельта.

Я даже не чувствовала смущения, что вошла в отель во вчерашней одежде. Мои каблукки едва касались пола, когда я плыла по вестибюлю, напевая. Прошло двенадцать часов, с тех пор как я была здесь, но по ощущениям прошло гораздо дольше. Мой номер был такой же просторный и красивый, но я не чувствовала себя здесь так же комфортно и зачарованно, как в квартире Лукаса.

Оповещения о сообщениях мигали на моем телефоне, и я поморщилась, вообразив, что все пять были от моей матери, разглагольствующей о том, что я не перезвонила ей днем, как обещала.

Конечно, первые три сообщения были от нее, в которых она перечисляла все те ужасные вещи, которые могут случиться с молодой женщиной, путешествующей одной. Она требовала, чтобы я перезвонила ей, и она знала, что я разговаривала с Коко, потому что она звонила и ей. «Если у тебя нашлось время для нее, ты можешь выделить пять минут, чтобы позвонить мне», — сказала она сердито. — «Я твоя мать. Я беспокоюсь о тебе».

— Ладно-ладно, — проворчала я, снимая туфли. — Я перезвоню тебе.

Следующее сообщение было от Эрин, которая уже поговорила с Коко, но просто хотела услышать детали от меня.

— Я не могу переварить это — это так круто! — сообщила она. — Я хочу все подробности, поэтому позвони мне как сможешь. Люблю тебя!

И последнее сообщение было... от Такера.

— Привет, Миа.

Далее последовала длинная пауза, за время которой мое сердце ухнуло в желудок.

— Я просто хотел позвонить тебе и... убедиться, что ты в порядке. Убедиться, что в отеле у тебя есть все, что тебе нужно. — Длинный вздох. — Я чувствую себя... паршиво по поводу того, что все так закончилось. Я имею в виду, Господи, я даже не знаю закончилось ли. Во всяком случае, полностью.

Еще одна долгая пауза. Моя рука взлетела ко рту. Он, черт побери, серьезно?

Он снова вздохнул.

— Я все время думаю о тебе. И я надеялся услышать твой голос. Я не знаю, где ты можешь быть в шесть утра... может, ты спишь. Или, может, встала пораньше и пошла прогуляться. Мне интересно, понравилось ли тебе увидеть Эйфелеву башню, о которой ты мечтала так долго. Я бы хотел иметь возможность увидеть, как осветилось твое лицо. Я помню, как мы говорили о шопинге в «Фобур», о том, чтобы выпить в «Ритц»... Мне интересно, сделала ли ты это уже одна. Не ненавижу меня, но... но я бы хотел быть там.

Моя рука тряслась, телефон дрожал у моего уха.

— Поэтому, в любом случае, ты не должна перезванивать мне. Но, может, мы поговорим, когда ты вернешься. Мне... мне нужно извиниться. За множество поступков. Ну, вот и все, я полагаю. Я надеюсь, что ты наслаждаешься поездкой. Я думаю о тебе.

Теперь он хотел быть здесь? Теперь он думает обо мне? Это какая-то шутка? Моя рука дрожала, когда я положила трубку, и я стояла, уставившись на нее несколько минут, мои внутренности тряслись. Сейчас было так много всего, чтобы обдумать... Он надеялся услышать мой голос. Он надеялся, что я наслаждаюсь поездкой. Он хотел извиниться. Он не был уверен, что все закончилось.

И ему было интересно, где я могла быть в шесть утра.

В постели с тем, кто ценит меня, придурок!

Я вошла в ванную. Я не была уверена, что меня не вырвет. Я желала, чтобы было такое понятие как «психическая рвота», потому что меня взбесило, когда я услышала, как Такер произносит все это, поэтому я хотела очистить свою голову от этой информации.

Как он посмел? Как он посмел разрушить мой идеальный день, позвонив и напомнив обо всем, что мы должны были делать вместе? Теперь он думал, что это звучало, как приятное времяпрепровождение? *Да пошел ты, Такер.*

Почему я должна видеть его или говорить с ним когда-нибудь снова? Я действительно должна слушать его извинения за то, что он унизил меня? Он сделал мне одолжение! Все мое тело было напряжено, кулаки сжаты, мои зубы стиснуты, дыхание рваное.

— Пошел ты, Такер, — сказала я громко себе в зеркало. — Ты не захотел жениться на мне. Ты не захотел быть со мной здесь. И тебя нет. Тебя нет. — Я выровняла дыхание. — Ты. Не. Здесь.

Ладно. Лучше.

Отвернувшись от своего отражения, я сняла одежду и встала под душ. Как только вода коснулась моей спины, я вспомнила о том, как была в объятиях Лукаса, в то время как вокруг нас поднимался пар. Его язык в моем рту. Его руки в моих волосах. Его тело напротив моего. Его член внутри меня, так глубоко.

Мои плечи и спина расслабились, и я глубоко вдохнула, втянув теплый пар в свои легкие и выпустив его. Я согнула руки, вспоминая, как это ощущалось, когда я запускала их в кудри Лукаса и скользила ниже по спине. Я развернулась лицом к распылителю, открыла рот и позволила горячей воде попадать в глубину моего горла.

Вызывая другое воспоминание.

Я улыбнулась.

Прошлое есть прошлое. Сейчас имеет значение только настоящее.

И с этого момента я не буду думать о Такере, о том, увижусь ли я с ним снова, услышу ли я его извинения, и о том, какой эта поездка предполагалась изначально.

Потому что она была в миллион раз лучше.

#

Лукас встретил меня в фойе два часа спустя, на его плече висела сумка с одеждой, и вместе мы доехали на метро до Лионского вокзала. Оттуда мы сели на скоростной поезд до Авиньона; Лукас купил нам соседние места в первом классе, и мы провели три часа поездки, рассказывая истории из детства и спрашивая друг друга о наших первых разгах.

— Первый поцелуй.

Лукас не колебался.

— Дженнифер Хенкель. Девятый класс. Мой подвал.

Я вскинула голову от удивления.

— Ты не целовал девчонок до девятого класса?

— Ну, у меня заняло некоторое время, чтобы стать таким высоким, как они. — Он сморщился, добавив: — И я лапал ее между ног, поэтому в итоге в моих штанах произошел конфуз.

Я расхохоталась, а он вздрогнул.

— Перестань. Воспоминание все еще причиняет мне боль. Как насчет тебя?

— Brent Adams. — Я вытерла слезы от смеха. — Шестой класс. Ужасно неловкая игра в бутылочку. Никаких чувств.

— Наверно это даже лучше.

— Определенно. Ладно... первый раз. Ну, ты понимаешь. — Я приподняла бровь с намеком.

— Эм, одиннадцатый класс (прим. пер. — у американцев 11 класс — это как у нас 10). Подожди, я вспомню ее имя.

— Что? — я шлепнула его по руке. — Ты даже не можешь вспомнить имя первой девушки, с которой ты спал? Девушки, чью девственность ты забрал?

— Я не сказал, что она была девственницей, я сказал, что я был. — Он щелкнул пальцами. — Саманта Шилдс.

— И? Как это было? — я попыталась представить Лукаса десять лет назад. Каким он был? Понравилась бы я ему в старшей школе? Были бы мы друзьями или кем-то большим?

Он улыбнулся.

— Ну, я полагаю, это было великолепно, но я не уверен, что она чувствовала то же самое. Я понятия не имел, что делать, и это было очень-очень быстро. Я даже не уверен, что полностью снял свои штаны.

Я захихикала.

— Бедная девушка. — Но от упоминания того, чтобы снять его штаны, моя кровь закипела. — Ну, с тех пор ты многому научился.

Он закрыл глаза на мгновение.

— Боже, я надеюсь. Ладно, теперь ты. Первый раз.

— Колледж. У меня были серьезные отношения на первом курсе.

Он сморщил губы.

— Имя, пожалуйста.

— Айдэн.

— И?

Я пожала плечами.

— Это было, ну, ты знаешь, мило. Он не переставал спрашивать все ли хорошо. И было хорошо. Но это было до моего второго парня в колледже, когда я поняла, что еще возможно.

Лукас наклонился ближе и прошептал драматично:

— Ты имеешь в виду, что он подарил тебе твой первый оргазм?

Я тоже наклонилась.

— Да.

Он надулся.

— Черт, я надеялся, что я был первым, кто пометил территорию.

— Ну, безусловно, как я и говорила, с тобой я испытала много чего в первый раз. Но нет, извини. — Я похлопала его по ноге. — В этом тебя кое-кто опередил. Хотя и не своим, ну ты понимаешь... — я опустила взгляд на промежность Лукаса, отчего мои внутренности

разгорячились еще больше.

— Нет?

— Нет. Но у Мэтью были золотые ручки. И он говорил мне грязные словечки. Я думала что это было горячо.

Глаза Лукаса немного расширились, и он наклонил голову.

— Не может быть.

Я лукаво усмехнулась.

— Теперь ты знаешь мой секрет.

— Приятно узнать такой хороший секрет.

Мысль о том, как Лукас говорит мне грязные словечки, смешалась с образом его глаз, в которых начал появляться слегка голодный взгляд, и я скрестила ноги и сжала их вместе. Я была в юбке и поэтому почувствовала влажность между своих бедер.

— Ты знаешь, я бы хотела, чтобы этот поезд не был так переполнен.

— Я тоже, принцесса. — Он приобнял меня одной рукой и зашептал мне в ухо: — Но осталось где-то полчаса или около того. Когда мы приедем в Авиньон, мы арендуем машину, и, возможно, у нас будет долгая поездка до виллы. Я трахну тебя своими руками, своим языком и своим членом на заднем сиденье. И это не будет нежно.

О боже. Мышцы моего лона пульсировали — если бы я немного передвинулась на сиденье, я уверена, что сразу бы кончила, если бы Лукас продолжил говорить со мной таким образом. Я закрыла глаза и захныкала.

Лукас продолжил говорить мне в ухо низким голосом:

— Я же говорил тебе, что не будет никакой паузы. В действительности, ты сейчас добавила целый новый уровень.

Целый новый уровень. Черт побери.

Я скрестила ноги по-другому.

— Ты влажная, принцесса?

— Да, — сказала я тихо.

— Я такой твердый.

Конечно же, я должна была посмотреть.

— Господи, Лукас. Ты убиваешь меня. — Мой голос был едва громче шепота, и я снова закрыла глаза. Насколько развратно будет заниматься сексом в уборной поезда?

Он низко и хрипло рассмеялся, тем самым заставил мое тело дрожать.

— Хорошо.

#

В Провансе был славный день — теплый и солнечный, а на небе всего лишь несколько прекрасных перистых облаков. Очаровательные деревушки, открытое голубое небо, зеленеющие фруктовые сады, изумительные поля лаванды — я никогда не чувствовала себя такой неблагодарной к матушке природе, сидя в арендованном внедорожнике «Тойота», наблюдая, как все это проплывает снаружи.

В этом была вина Лукаса.

Как только мы выехали из города и оказались на открытой дороге, он вытянул руку, просунул ее под мою яркую желтую юбку и провел верх по моему бедру.

Я раздвинула колени шире, отчаянно желая, чтобы он касался меня, я почти взорвалась

в момент, когда его пальцы пробрались под мои влажные трусики.

— Лукас. Так хорошо.

Одной рукой он вел машину и сводил меня с ума другой, иногда дразня легкими, невесомыми касаниями, а иногда толкая меня за край, глубоко погружаясь в меня.

Я покачнулась и застонала, трахая его руку, надеясь, что он все еще планирует остановиться и дать мне все, что обещал.

Боже, когда я стала такой жадной?

Я чертовски обожала это.

— Лукас, — пробормотала я. — Я хочу тебя. Мы можем...

Внезапно он свернул с шоссе на старую грунтовую дорогу, проходящую через рощу.

— Заднее сиденье. Сейчас же, — приказал он.

С дико стучащим сердцем я перелезла через сиденье, когда он остановил машину в скрытом, тенистом месте, подальше от главной дороги. Он перелез назад, и взгляд в его глазах заставил меня тяжело дышать и потянуться к его ремню.

— Не так быстро, принцесса, — сказал он. — Сначала я хочу кое-что сделать. — С этими словами он подхватил меня под бедра и дернул так, чтобы я легла на спину. Затем он потянул мои трусики вниз и снял с одной ноги, оставив их висеть на другой лодыжке, как маленький белый флаг капитуляции.

Опустившись на колени, он забросил мои ноги себе на плечи и зарылся головой мне под юбку.

Я закричала от первого прикосновения его языка, уперевшись одной потной рукой в окно, а другой за спинку заднего сиденья.

— Черт, ты такая вкусная. — Он медленно и нежно облизал меня. — Как гребаная конфетка. Как серединка шоколадных яиц на Пасху. Помнишь их? — он перешел к более быстрым движениям и кружил по моему клитору, а я ударила по окну.

— Ты издеваешься? Я, черт побери, не могу думать, когда ты делаешь это, я едва могу дышать. — О боже. О боже мой! Мотая головой из стороны в сторону, я почувствовала, как сжимаются мои мышцы, когда он, приподнимая мои бедра руками, проник в меня языком.

— Я не могу вынести это, так хорошо, — закричала я, чувствуя, как тепло расцветает между моими ногами. — Лукас!

Он вытянул одну руку и потер мой клитор жестко и быстро, я снова закричал его имя, и мой оргазм подражал ритму его языка.

Через секунду после того как это прекратилось, Лукас расстегнул джинсы и спустил их достаточно, чтобы освободить свой пульсирующий член. Он развел мои ноги в стороны, разорвал зубами пакетик с презервативом и раскатал его.

Волна разочарования прокатилась по мне — я хотела ощущать его кожа к коже.

Какого черта, Миа? Ты сумасшедшая?

Да!

Две секунды спустя он был во мне, погружаясь в мое влажное, разгоряченное лоно с такой яростью, что заставила меня хватать воздух ртом.

Я вцепилась в его рубашку, желая сорвать ее с него, оторвать пуговицы, разорвать швы. Я хотела его немедленно, отчаянно, безумно.

— Да, — застонала я, наслаждаясь тем, как жестко ударялись наши тела.

— Тебе нравится грубо? — он едва мог говорить, он так жестко вбивался в меня. — Ты хочешь, чтобы я трахнул тебя жестче?

Я немного заскулила от этой мысли, задаваясь вопросом, как это вообще возможно, но секунду спустя мои глаза закатились, когда он приподнялся надо мной, держась за переднее и заднее сиденья и толкаясь в меня с еще большей силой. Я оживилась под ним, чувствуя приближение второго оргазма.

— Я чертовски люблю, когда ты двигаешься подо мной, как будто ты не можешь получить достаточно моего члена, — зарычал он, слова прерывались его мощными толчками.

Я действительно не могла, я хотела сказать ему. Мне было недостаточно. Но говорить было уже слишком поздно. Моя голова упала на бок, мой рот открылся в безмолвном экстазе и агонии, балансируя на грани.

Он замедлился, убивая меня своим размеренным, спокойным ритмом.

— Дотронься до своей груди для меня. Дай мне посмотреть.

Я задрала свою футболку и подняла руки к своей груди, ущипнув твердые, покалывающие соски через кружевной лифчик.

— Да, вот так. — Он застонал и снова увеличил свой темп, опасно близко подталкивая меня к краю. — Черт, ты идеальная. Мне нравится наблюдать за тобой, это заставляет меня так сильно кончать... о боже...

— Да, — выдохнула я. — О боже, да. Вот так, вот так. — Толкнув меня за край, Лукас кончил вместе со мной.

Слова были забыты. Он привел нас обоих к краю, каждый из нас кричал, когда сквозь нас проходили волны удовольствия.

Лукас рухнул на меня сверху, и я положила руки ему на голову, запустила пальцы в его волосы, которые я так обожала. Мы тяжело дышали, наша одежда была натянута на груди.

Когда я смогла говорить, мой голос был тихим и хриплым.

— Секс в машине. Вычеркнуто. Из. Списка.

Лукас рассмеялся.

— Как насчет секса на вилле? Он есть в списке?

— Теперь есть.

Мы проехали остаток пути до виллы с опущенными стеклами и с ревущей музыкой. Мы с Лукасом обнаружили взаимную симпатию к классическому Майклу Джексону, и хотя это было нелепо — проноситься по сельской местности Прованса с запахом лаванды и подсолнухов за окном, в машине, из которой доносилось взрывная «Off the Wall», это нас не беспокоило.

Меня ничего не беспокоило.

— Боже, Лукас, я так счастлива сейчас. — Я высунула руку в окно, чтобы теплый поток воздуха обдувал ее. — Спасибо большое, что пригласил меня поехать с тобой.

— Пожалуйста. Я рад, что ты поехала.

Я посмотрела на него.

— Что?

— Я жду грязной шуточки, после «рад, что ты поехала». (прим.пер. в англ. языке some кроме движения обозначает «кончить»)

На его лице появилась ухмылка, соответствующая моей.

— Никаких шуток. Я серьезно.

Я наклонилась, чтобы поцеловать его в щеку, прежде чем прислонила голову к окну, закрыв глаза и чувствуя ветер на своем лице. *Боже, я и правда счастлива. Я ведь могу привыкнуть к этому.*

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

Нет. Ты не можешь. Это временно.

Мой внутренний голос начал раздражать меня почти так же, как моя мать. Как будто они не хотели, чтобы я расслабилась и наслаждалась поездкой. Я наконец позвонила маме, как раз перед тем как покинуть Париж, и она пилила меня несколько минут, но в конце своей обличительной речи все-таки успокоилась и спросила, как у меня дела. Я сказала ей, что я в порядке, мне гораздо лучше, чем было долгое время, и заверила ее, что я в полной безопасности и счастлива.

Ее голос звучал почти разочарованно.

— Ну, не снижай свою бдительность. Когда люди видят иностранную женщину, путешествующую одну, они думают, что она легкая мишень.

— Поняла, мам. — Я сжала и разжала кулак.

— Ну ладно, дорогая. Позвони, прежде чем будешь уезжать, хорошо? Когда ты возвращаешься?

Мое тело поникло. Я не хотела думать об отъезде.

— Эм, во вторник.

— И Коко встретит тебя в аэропорту?

— Эрин, я думаю. — Должна ли я рассказать ей, что уехала из Парижа в Прованс? Я не хотела, но что, если она позвонит в отель, и они расскажут ей, что я не была там несколько дней? Я поговорила с Эрин, рассказала ей все пикантные подробности и упомянула, что собираюсь в Воклюз до воскресенья. Может, этого будет достаточно. Она была рада за меня, хоть это и было смешано с небольшой долей беспокойства.

— Боже, это звучит изумительно, Миа. Но... ты уверена, что тебе стоит уезжать из города с ним? Я имею в виду, я знаю, что между вами была нешуточная страсть в Париже,

но...

— Я полностью в порядке, Эрин. Доверься мне.

— Ты уверена, что в безопасности?

— Абсолютно.

И так и было. С Лукасом я чувствовала себя в безопасности.

По крайней мере, физически.

В эмоциональном плане я была уверена немного меньше.

Я посмотрела на него, и мой желудок перевернулся от таких простых и случайных вещей — его рука на руле, волосы, взлохмаченные из-за ветра, бедра на сиденье в форме V. И все то, что нельзя было увидеть: легкий смех, острый ум, музыкальный талант, звук его голоса, когда он рассказывал мне о соборах, скульптурах Родена и средневековые истории любви.

И то, что он шептал. Грязные словечки, возбуждающие меня.

Я ощутила, что возбуждение пробуждается между моих ног. *Притормози. Ты получила достаточно на некоторое время, поэтому просто расслабься. Уже достаточно плохо, что ты должна перевернуть юбку, чтобы высушить мокрое пятно.*

Я поднесла руку ко рту.

Лукас посмотрел на меня.

— Что смешного?

— Ничего. Все. Я так изменилась, вот и все.

Он взял мою руку и поцеловал тыльную сторону.

— Да, так и есть.

#

Лукас не рассказывал много о самой вилле, но даже если бы и сделал это, то слова не смогли бы ничего передать. Мы свернули с главного шоссе на проселочную дорогу, которая петляла через поля и фруктовые сады, и я не видела дом в то время, когда Лукас остановил машину перед железными воротами.

Я выпрямилась на своем сиденье.

— Это виноградник?

— Нет, виноградник на другой стороне дома. Это просто сады.

— Сады? У моей бабушки есть сад, Лукас. Эти же просто сказочные. Они невероятны.

Лукас улыбнулся мне, прежде чем набрал код на клавиатуре с водительской стороны, и ворота распахнулись.

Я вытянула шею из окна, когда мы ехали по узкой гравийной дороге, по бокам которой были высокие тощие кусты. Они были посажены так близко, что было сложно сквозь них что-то увидеть, и дом не был виден вплоть до конца подъездной дорожки. Мои внутренности дрожали от нервов и волнения, когда мы обогнули дорожку, и в поле зрения появилась вилла.

Я ахнула.

— О боже мой!

Я никогда не видела ничего подобного в реальной жизни. Светлые каменные стены, обвитые плющом в два с половиной этажа, светло-голубые ставни, которые обрамляли окна, и оранжевая плитка на крыше. Я могла сказать, что дом был расширен, но даже новая часть

была тщательно построена и приближена к оригиналу.

— Насколько он старый?

— Старая часть с восемнадцатого века. — Лукас обогнул большую круглую клумбу, которая была выстроена квадратными кустарниками и огромными вазонами с терракотами. — Генри подстраивал новую часть последние тридцать лет, к тому же добавил бассейн и теннисный корт. Его партнер, Жан Поль, одержим садоводством, так что он добавил дополнительные сады и восстановил некоторые старые фонтаны.

Открыв дверь, я наполовину вылезла из машины и встала на подножку, смотря на дом через крышу. Я сделала глубокий вдох, наполнив свои легкие запахом, не поддающимся описанию.

— Боже, Лукас! Какой воздух! — я ударила по крыше машины. — Я не могу насытиться им.

— Это поля лаванды. И также у Жан Поля довольно большой травяной сад. — Он открыл багажник Тойоты и вытащил наши сумки. — После того как мы устроимся, я проведу тебе экскурсию по собственности.

Я выбралась из машины и захлопнула дверь.

— Возможно, ты не должен этого делать. Я не думаю, что тогда захочу уезжать отсюда.

Лукас улыбнулся мне.

— Рано или поздно ты заскучаешь по суете Детройта.

Я подняла брови.

— Эм, ты был в Детройте?

Он покачал головой.

— Я так не думаю. Я люблю его всем сердцем, но он не похож на это место. — Я провела рукой по волосам. — И будь чертовски уверен, там точно не пахнет так, как здесь.

— Лукас!

Когда кто-то окликнул его по имени, Лукас закрыл заднюю дверь и повернулся к дому. Мой желудок мгновенно завязался узлом, когда я увидела, как по гравийной дорожке шагал седовласый мужчина с загорелой кожей и такими льдисто-голубыми глазами, что я могла увидеть их оттуда, где стояла. Он улыбнулся мне, прежде чем обнял Лукаса, поцеловав его три раза в каждую щеку.

— Жан Поль, это моя подруга Миа из Америки, я говорил тебе о ней по телефону.

Жан Поль взял мою руку.

— Bonjour, Миа. Bienvenue (прим. пер. фр. — Здравствуй, Миа. Добро пожаловать). Он поцеловал обе мои щеки и улыбнулся, обнажив идеально белые зубы. Он, правда, был очень привлекательным для своих лет, я полагала, ему было около шестидесяти.

Я улыбнулась в ответ.

— Спасибо.

— Все уже здесь? — спросил Лукас.

— Да, твоя семья приехала вчера. Мы не были уверены, во сколько пребывает твой поезд, поэтому обедали все в разное время, но сегодня в девять мы будем ужинать все вместе. — Жан Поль очень хорошо говорил по-английски, почти без акцента.

— Генри готовит? — спросил Лукас, перекинув свою сумку через плечо и поднимая мой чемодан.

— Прикуси язык. Как будто я позволю ему, на моей кухне.

— Готовит всегда Жан Поль, — объяснил мне Лукас. — Он изумителен, в течение

многих лет работал в изысканных ресторанах Парижа.

— И также некоторое время в Нью-Йорке. — Жан Поль посмотрел на меня. — Ты веде из Нью-Йорка, Миа? Лукас не рассказывал, где вы познакомились.

— Нет, на самом деле из Детройта. Мы... мы познакомились в Париже. — Я следовала за ними по ступенькам к дому и через окрашенными синим двери, понимая, что это может быть странно, что я познакомились с Лукасом на этой неделе и счастливая колесила с ним по Франции. *Иногда без трусиков.*

— Ну, рад, что ты смогла посетить нас. — Жан Поль закрыл дверь за нами, пока я с открытым ртом пялилась на великолепный интерьер. В огромной комнате был большой каменный камин, и каменные полы делали комнату холодной и просторной, но роскошные холсты на стенах и гобелены дарили пространству тепло и свет.

— Лукас, твой брат и Лизетта используют гостевой домик для всех своих друзей, поэтому вам с Миа я отдам комнату здесь наверху. Хорошо?

— Конечно, какая комната?

— В конце коридора в западном крыле.

— Идеально, Жан Поль. Спасибо. Я покажу Миа дом и затем собираюсь провести ей небольшой тур по окрестностям. Ты хочешь присоединиться к нам?

Пожилой мужчина поднял руки и покачал головой.

— Нет-нет. Прекрасный день, но у меня есть кое-что, что нужно приготовить к завтрашней вечеринке. — Он закатил глаза. — Свадьбы на дому сводят меня с ума.

— Кстати о том, что сводит тебя с ума, где моя мама?

Жан Поль ухмыльнулся.

— Наверное она у бассейна. Все где-то снаружи. — Он отогнал нас к широкой каменной лестнице. — Идите. Распакуйте вещи, чтобы вы могли насладиться днем.

#

Вид из нашей комнаты был букетом цвета, живости и света. Переплетенные оливковые деревья. Ярко-фиолетовые и изумрудные поля лаванды. Бирюзовый отблеск большого прямоугольного бассейна, окруженного многоуровневой каменной террасой. Пышные сады, наполненные розовыми и желтыми цветами, которые окружали старый фонтан. Справа теннисный корт, с двумя мужчинами, играющими на нем, слева, за бассейном, гостевой домик и другие строения — некоторые новые, некоторые старые и обвалившиеся.

От всего этого захватывало дух.

На расстоянии, я видела ряды винограда, которые чередовали землю сияющим зеленым и золотым цветами.

— Боже, я влюблена.

— В вид или в меня?

Обожемой! Какого черта? На самом деле, какого черта?

Сердце стучало отбойным молотком, а я продолжала смотреть в окно, но мне безумно хотелось развернуться и увидеть его лицо — он дразнил меня? Он был серьезен? Как я должна справиться с этим? *ЧЕРТ!* Я была полностью застигнута врасплох. Мои глаза бегали из стороны в сторону, пока я ломала голову над ответом, чтобы не испугать или не задеть его.

Флирт. Флирт может сработать.

Посмотрев через плечо и подарив ему уклончивый взгляд, я сказала:

— А ты как думаешь?

Уголки его рта слегка приподнялись, когда он поднял свою сумку на кресло и сфокусировался на расстегивании замка.

— Я просто дразнюсь. Я знаю, что ты говорила о виде. — Он взял пару брюк, бледно-голубую рубашку и темно-синий пиджак. Затем прочистил свое горло. — У тебя есть что-то, что нужно повесить?

Боже, как он мог отмахнуться от этого момента, как будто это было ничего. Мой пульс ревел в голове. Я не могла нормально дышать. И что-то в его ответе приводило меня в растерянность: он не встретился со мной взглядом. Он на самом деле просто подразнивал? Или он задавался вопросом о том, что я чувствую?

Черт побери, Лукас. Если ты хочешь знать, что я чувствую, просто спроси меня!

Не то чтобы я была уверена, что чувствую. Мои эмоции были запутаны, и я боялась их обдумывать.

— Миа? — Лукас посмотрел на меня вопросительно, и я вспомнила что он задал мне вопрос об одежде, которую нужно повесить.

— Ох. Да, спасибо, что напомнил мне. — Я упаковала в свой маленький ручной чемодан только несколько нарядов, включая платье без бретелек, которое я надевала в свой первый вечер в Париже и несколько изящных вещей, из которых можно что-нибудь выбрать для завтрашней вечеринки. Я повесила их в шкаф рядом с брюками Лукаса, рубашкой и пиджаком и испытала странное ощущение в груди, при виде нашей одежды, висящей рядом. Это было так интимно: посетить дом его семьи, присутствовать на семейной вечеринке по случаю помолвки, делить спальню и ванную... Ощущалось так, как будто мы были парой. Настоящей парой.

Я должна была успокоиться.

Настало время столкнуться с этим лицом к лицу — я чувствовала что-то большее, чем физическое влечение к Лукасу.

То, что заставляло бабочек трепетать в моем животе, подкашивало мои колени и заставляло меня улыбаться, просто думая о нем. Он чувствовал что-то подобное ко мне? Или он был в состоянии полностью держать свои эмоции под контролем? Может, для парней это было по-другому, или, может, они использовали умопомрачительный секс, и от этого легче держать свои чувства подальше. Совершила ли я ошибку, так сильно поддавшись влечению? Прикусив губу, я наблюдала, как он вытащил несколько вещей из сумки и бросил их на кровать.

Ох, я упоминала кровать?

Это была огромного размера, покрытая белоснежным постельным бельем, кровать, высокое изголовье которой было сделано в том же стиле, что и те ворота в начале подъездной дорожки. Когда мы впервые вошли в комнату, Лукас подошел ко мне сзади и низко прошептал на ухо:

— Это изголовье подсказало мне несколько идей, включающих тебя и галстук, который я привез. Я думаю, что могу найти применение ему получше.

Он хочет связать меня.

Кости превратились в желе. Зрение стало расплывчатым.

Теперь он вытаскивал галстук из сумки. *О боже мой, это тот самый?* Никогда прежде я не была связана, но я почти выбежала из шкафа к кровати, размахивая руками в воздухе.

Вместо этого я осталась там же, где была, испугавшись того, что он может увидеть мое лицо, когда меня осенила вся сила моих чувств.

Я думаю, что влюблена в него. По-настоящему.

— Ох, знаешь, что я забыл? Шампунь. — Лукас повернулся ко мне и свел брови вместе. — Миа?

Двигайся. Выходи из гребаного шкафа. Веди себя естественно.

— У меня есть. Тебе понравится. Он испортит тебе впечатление о любом другом средстве для волос. — На ногах, трясущихся так же, как мой голос, я подошла к своему чемодану и вытащила сумку с косметикой. — Используй все, что тебе нужно.

В ванной я расставила свои принадлежности на туалетном столике и посмотрела в зеркало на свои покрасневшие щеки. *Возьми себя в руки, Миа. Совершенно очевидно, что с тобой что-то не так.*

Я закрыла дверь и побрызгала холодной водой себе в лицо.

Ты не влюблена в него. Ты просто счастлива быть здесь.

Действительно, в высшей степени чертовски счастлива.

И под действием свежего воздуха и оргазмов.

Я вытерла лицо и руки о полотенце и составила новый список.

Пять Уместных (И Все Же Дико Неуместных) Мыслей, Которые Тебе Разрешается Думать О Лукасе:

1) Тебе разрешается представлять, как он шепчет всевозможные грязные словечки тебе в уши.

2) Тебе разрешается представлять, как он трахает тебя в каждой комнате этого дома. Даже в шкафах.

3) Тебе разрешается представлять, как ты делаешь ему минет в любой момент, включая, пока он за рулем, во время приема пищи и в бассейне. (На самом деле, все-таки тебе не разрешено делать этого. Ну, может, только за рулем)

4) Тебе разрешается представлять, каково это быть привязанной к кровати, беспомощной и в его власти.

5) Тебе даже разрешается представлять, как ты привязываешь его к стулу и делаешь с ним, что хочешь. Что бы тебя ни заводило. Но ни в коем случае тебе не разрешается думать или — о боже, запрещено — произносить слово на букву «Л». Ты поняла?

Я свирепо посмотрела на девушку в зеркале, и, казалось, она поняла.

Когда я вышла из ванной, я заметила, что Лукас сменил свои джинсы на красные плавки, и вид его голой груди перевернул мои внутренности.

— Я подумал, что, может, после прогулки, мы немного посидим у бассейна. Конечно, если ты «за». У нас будет немного времени перед ужином.

— Звучит божественно. Я достану свой купальник. — Я рылась в своей одежде, ничего не видя, все еще чувствуя себя не в своей тарелке. — Так... ты часто сюда приезжаешь?

— Примерно раз в год. — Лукас натянул серую футболку через голову. — Обычно каждое лето.

Мои руки нащупали купальник, когда я наблюдала, как его голый пресс исчезает под футболкой. Когда он поймал меня за разглядыванием, я опустила голову. *Черт. Почему я снова пляжусь?*

— Мама корит меня, что я навещаю ее только раз в год, — продолжил он, — но самолеты летают через Атлантический океан и в другую сторону. Иногда я думаю, что она забывает об этом. — Лукас вытащил пару шлепок из сумки и бросил их на пол.

Я нерешительно улыбнулась, но предательская мысль вторглась в мой мозг. Он привозил сюда свою девушку? Прежде чем я решила, на самом ли деле хочу это знать, вопрос был задан:

— Ты когда-нибудь привозил сюда кого-нибудь прежде?

— Один раз.

Ревность крепко схватила меня за горло, когда я сжала верх от бикини в кулаках.

— Джессику?

— Да. Мы приезжали на свадьбу моего старшего брата несколько лет назад.

— Как мило. — Я вытащила купальник из чемодана. *Я ненавижу тебя, Джессика.* — Какое прекрасное место для свадьбы. — Я могла представить себе всё: белые льняные скатерти, деревянные стулья, свечи в белых матовых стеклянных стаканах, украшения на середине стола, сделанные из лавандовых, а, может, оливковых ветвей.

На мгновение я представила себя в прекрасном свадебном платье, не том, вышитом вручную бисером, какое я тогда выбрала, а в чем-то более простом и нежном. Рука об руку с моим папой, я плыву по гравийной дорожке, по бокам которой выстроены свечи...

Я тяжело сглотнула.

Этого не было в листе Уместных мыслей.

— Я полагаю, да. — Лукас провел рукой по волосам. — Эм, я дам тебе минутку, чтобы надеть свой купальник, а затем мы пойдем.

Я не могла удержаться от улыбки.

— Лукас. Ты видел каждый дюйм моего тела близко и очень интимно. Я не возражаю, если ты посмотришь, как я переодеваюсь в купальник.

— В таком случае... — Он плюхнулся на кровать и положил руки под голову. — Да начнется шоу.

Хоть я и волновалась насчет встречи с семьей Лукаса, все было не так неудобно, как я боялась. Его мама, Мирель, была замечательной женщиной с темными волосами, светлой кожей и изящными формами. После того как она поприветствовала нас с Лукасом, расцеловав в каждую щеку, она настояла, чтобы мы сели к ней поболтать.

Мы сидели на креслах за столом под большим зонтом, когда она спрашивала меня о том, откуда я, и наслаждаюсь ли поездкой. Она также спросила, как мы познакомились, и когда Лукас рассказал ей правду — опустив деталь об отмененной свадьбе — она, казалось, не посчитала странным, что мы встретили друг друга несколько дней назад.

— Как мило, — сказала она. — Лукас идеальный туристический гид по Парижу.

— Да, он такой, — согласилась я. — Мне очень повезло.

Лукас пнул мою ногу под столом.

#

— Твоя мама чудесная. — Я наклонилась, чтобы вдохнуть запах ароматных белых цветов, когда мы с Лукасом проходили через сад. — Не удивлена, что все эти мужчины были влюблены в нее.

— Ну, множество мужчин одурачены красотой. — Он слегка подтолкнул мою руку локтем. — Включая меня.

Выпрямившись, я покраснела и искоса улыбнулась ему.

— Спасибо. — Мы медленно брели по маленькому частному раю. Казалось, даже пчелы удовлетворены, жужжа над цветками, не беспокоя нас. — Твой брат кажется милым.

Лукас закатил глаза.

— Еще один глупец.

— Ох, да ладно тебе. Он влюблен.

Я встретила старшего брата Лукаса, Жиля, и его невесту Лизетту у бассейна, а также несколько их друзей, приехавших на вечеринку и уже проживающих на вилле. Жиль лебезил перед Лизеттой, что в какой-то степени доходило до абсурда, поднося ей полотенца и солнцезащитный крем, воду и журналы, пока смотрел на нее с обожанием. Он напоминал Лукаса, но был выше, более худой и не такой красивый.

По крайней мере, на мой взгляд.

Самый старший брат Лукаса, Николас, играл в теннис с мужем Мирель, Себастьяном, но я была представлена его жене Карине и их дочке Жизель, маленькой светловолосой фее в розовом купальнике.

— Жизель прелестная. Сколько ей лет?

Он наклонил голову.

— Ей два. На самом деле, я хотел бы видеть ее почаще.

Я ухмыльнулась ему.

— Она обожает тебя. Ее лицо освещается каждый раз, когда ты с ней говоришь.

— Ей просто нравится, когда я кружу ее за руки. От этого у нее кружится голова.

— Моя голова кружится только от наблюдения за вами двоими. — Или это мои чувства вскружили мне голову. Когда я наблюдала, как Лукас развлекает маленькую девочку, я

чувствовала тепло по всему телу. Мне было интересно, хочет ли он когда-нибудь завести собственных детей и привезет ли он их сюда на лето. Я даже развлекла себя короткой фантазией о том, чтобы в таком сценарии быть в роли мадам Фурнье, прежде чем образно ударила себя по запястью. *Ты совсем свихнулась? Даже не думай об этом!*

— Мой отец кружил меня так на нашем переднем дворе, когда я был маленьким. — Внезапно Лукас остановился, чтобы сорвать розовый цветок с длинным стеблем. Он изучал его мгновение и протянул его мне. — Вот. В тот день на кладбище на тебе было надето что-то такого же цвета.

Мое сердце понеслось галопом.

— Верно. — Я взяла у него цветок и поднесла к своему носу. Глядя на Лукаса сквозь лепестки, я вдохнула сладкий запах цветка. *Боже, это становится смехотворным. Я хочу продолжать держать свои мысли подальше от недопустимой территории, но мне нужно немного помощи.*

— Лукас. — Я крутила цветок за стебель. — Я хочу, чтобы ты рассказал мне что-нибудь о себе, что не будет сексуальным, милым или очаровательным.

Он поднял брови.

— Что?

— Серьезно. Я начинаю думать, что ничего из этого не является реальным. — Это была ложь — я боялась, что все это слишком реальное.

— Хммм. — На его лице появилось задумчивое выражение, когда мы начали идти. — Ох, вот. Я большой фанат Рейнджерс^[12], и я становлюсь очень шумным, когда смотрю их игры. Я кричу, ругаюсь и прыгаю.

— Не очень хорошо. Я из Детройта. Мы обожаем хоккей. — Я покачала головой. — В действительности, я думаю, ты только что сделал хуже.

— Ох. Ладно, эмम्म... — на мгновение он взглянул на небо, затем щелкнул пальцами. — Ага! Ты возненавидишь это: я сам стрижу свои волосы.

Я уставилась на него, мой рот открылся.

— Что? Это смешно. Ты не можешь сам стричь свои волосы!

Он рассмеялся.

— Уверен, что могу.

— Как ты вообще можешь видеть, что стричь?

— Я поворачиваюсь и использую зеркало. Это не так сложно. Не то чтобы мои волосы такие уж непослушные. — Он пожал плечами. — Если я лажаю или получается неровно, в конечном итоге я иду в парикмахерскую.

Я вздохнула.

— Ну, я допускаю, что это странно, но мне все еще нужно что-то похуже. Что-то, что вынудит меня сказать: Ой, я рада, что не живу в Нью-Йорке. Я бы не хотела столкнуться с этим придурком снова.

Он ткнул меня локтем и сморщил лицо.

— Ладно, как насчет этого: я редко резервирую столики в ресторанах. Мне просто нравится получать их, когда я лично прихожу.

Я скривилась, но кивнула.

— Вот это подходит. Это бы свело меня с ума. — Продвинувшись вперед, я встала перед ним, и пошла задом наперед. — Ладно, еще что-нибудь. То, что я полностью возненавижу.

Он перестал идти и задумался на мгновение.

— Я не хочу жениться.

Я моргнула.

— Ты никогда не собираешься жениться?

— Нет.

— Почему нет? Из-за твоих родителей? — несмотря на тепло солнца на моей коже, я в какой-то степени чувствовала, будто кто-то брызнул холодной водой мне в лицо. Я дразнила Лукаса, но это чувствовалось серьезным, как будто он рассказал мне что-то существенное. *О боже, он знал, о чем я думаю. Он пытался сказать мне, чтобы я не увлекалась.*

Он пожал плечами.

— Возможно, это где-то у меня в подсознании. Я был там, когда их брак распался. И я видел, что это сделало с моим отцом. Но не только их, большинство браков долго не длятся. И к тому же, я никогда не хотел жениться.

Я развернулась и сделала несколько шагов вперед, борясь с тем, чтобы заставить свой голос звучать обычно.

— Как думаешь, чем ты будешь заниматься в будущем?

— Ну, я хочу закончить свое исследование, написать о нем, может, изучить несколько новых мест. Я очень люблю путешествовать, и, возможно, я бы хотел когда-нибудь открыть свой собственный бар, либо в Париже, либо в Нью-Йорке, я пока не уверен.

Мое сердце забилося сильнее, чем имело право, вызывая зуд под кожей. *Какого черта ты расстраиваешься по этому поводу? Иисус, вероятно, пара должна обмениваться номерами телефонов, прежде чем обмениваться кольцами. Ты не знаешь его даже неделю.*

К тому же, не то чтобы все люди моего возраста хотели жениться. Даже Коко сказала, что не уверена по этому поводу. Но я всегда знала, что выйду замуж. В действительности, я помню, что как-то раз спросила об этом Такера, когда мы встречались несколько месяцев, и подумала, что если он скажет, что никогда не хочет жениться, то я буду двигаться дальше. Он сказал, что это было частью его плана, просто не в ближайшее время, и меня это устраивало.

Внезапно у меня появилась мысль, и как обычно, я не смогла выкинуть ее из головы. Я сделала глубокий вдох.

— Вот почему вы с Джессикой расстались?

Лукас раздумывал мгновение, прежде чем ответить. Его глаза были прикованы к земле.

— Это была не единственная причина, но «да», — признался он. — Она хотела выйти замуж, а я не хотел жениться. — Затем он перестал идти и положил ладонь на мою руку. — Но если ты думаешь, что я сделал с ней то, что твой бывший сделал с тобой, то клянусь, я не делал этого. Я всегда предельно ясно озвучивал свои взгляды на женитьбу. Не так, что это был сюрприз для нее или что-то подобное.

— Нет. Нет, конечно нет. — Я сказала себе спросить что-нибудь другое, но тема о бывшей Лукаса была глупой песней о расставании, которую ты не можешь перестать слушать, даже хотя она заставляет тебя чувствовать себя ужасно. У меня было нездоровое любопытство к ней.

— Ты сказал, что женитьба была не единственной причиной. Могу я узнать о других? — это был личный вопрос, слишком личный, и у него было полное право сказать мне не лезть в чужие дела, но он этого не сделал.

— Ну.. — казалось, он боролся со словами. — Кое в чем у нас были разные предпочтения.

Предпочтения?

— Что ты имеешь в виду?

Он посмотрел на меня, и я увидела, что его щеки покраснели. И это было не просто от жары.

— Помнишь, как я сказал тебе, что боюсь напугать тебя... кое-чем, что хотел с тобой сделать?

— Ты ничем меня не напугаешь.

— Ну, кое-что, что я хотел бы использовать, пугало ее. Или по крайней мере, она не была этим увлечена.

Это изумило меня. Как девушка могла быть с Лукасом и не хотела подчиняться любой его прихоти? Может, я испытывала небольшую нехватку секса или по крайней мере, нехватку хорошего секса, но Лукас был идеален в этом отношении. Он заставлял меня чувствовать себя так, будто я олицетворение ангела, дьявола, красоты и желания. Он позволял мне делать то, что я хотела с ним делать и делал со мной то, о чем я даже не мечтала. *Как кто-нибудь другой будет удовлетворять это требование?*

Я прочистила горло.

— Разрыв был плохим?

— Довольно плохим. Она сказала, что я не любил ее достаточно, чтобы измениться или дать обещание, в то время как она была готова на все это ради меня.

— Ничего себе. Это грубо. — Мне на самом деле было жаль их обоих — да, даже гребаную Джессику. Потому что они оба были правы, в любом случае. Я могла видеть обе стороны. — Так, когда это было?

— Прошрое рождество.

Шесть месяцев назад. Подняв мягкие лепестки розового цветка, он поднес их к моему носу еще раз, чтобы я вдохнула и выдохнула. — Ты все еще любишь ее?

Он покачал головой.

— Нет. Я имею в виду, она все еще не безразлична мне. Я хочу, чтобы она была счастлива, но я знаю, что в конечном счете, со мной этого не будет. Я полагаю, что знал это долгое время и должен был закончить все раньше, но я не хотел причинить ей боль.

Я кивнула, задаваясь вопросом: это чувствовал Такер? Он тоже хотел закончить все раньше? Он подавил желание сказать мне, что не хочет жениться, потому что я была так одержима свадьбой? Боже, я едва могла вспомнить хоть один разговор между нами в прошлом году, чтобы это касалось чего-то не связанного со свадьбой. *Что за чертовски замечательным зрелищем это было бы.* В первый раз, я почувствовала мельчайшую долю симпатии к Такеру. Мельчайшую долю.

— Должно быть, это было трудно после такого долгого времени, — сказала я.

— Так и есть. Я чувствовал себя ужасно. Но она хотела того, что я не мог ей дать. Я не хотел лгать насчет этого, давать обещание, которое я знаю, что не смогу выполнить.

Я кивнула, подумав, что он сделал точно то, что я просила — рассказал мне что-то о себе, что заставило меня осознать, что он не идеальный для меня, по крайней мере, не в длительной перспективе.

Так почему это ощущалось так хреново?

Мы дошли до конца сада, который граничил с оливковой рощей. Лукас остановился и притянул меня к себе.

— Иди сюда. — Он нежно меня поцеловал. — Давай не будем говорить о прошлом. Или

о будущем. Откуда мы пришли и где в конечном итоге окажемся, это не имеет для меня значения так долго, пока я здесь с тобой.

Я растворилась в его поцелуе, сказав себе, что он прав. Ладно, может, у меня были к нему какие-то чувства, и, возможно, это было больше, чем мимолетное увлечение, основанное на сексе, но это не было любовью, не тем, что будет долго длиться. Потому что, как бы дерьмово я не чувствовала себя по поводу того, что моя свадьба отменилась, но я все еще хотела когда-нибудь выйти замуж. Я все еще хотела дом и семью. Я была уверена насчет этого.

Лукас не хотел. И он был уверен в этом.

Поэтому даже если какой-то кусочек моего сердца надеялся на другой исход, моя голова знала наверняка — все это было временно.

Просто мечта.

#

Мы вернулись к бассейну и провели оставшуюся часть дня, плавая и зависая с его семьей, и лежа на мягком двойном шезлонге. Чем больше я анализировала разговор, что был у нас в саду, тем больше была уверена, что это было что-то вроде момента восстановления для нас обоих.

Мне нравилось, что Лукас был полной противоположностью Такеру, Лукасу нравилась короткая и милая природа нашего мимолетного увлечения. Когда время для этих отношений придет к концу, в этом не будет его вины — ему не нужно будет разбивать мое сердце, чтобы покончить со всем этим.

И секс? Ну, мы оба любили его.

Когда напряжение спало с моих плеч, и мой разум вернулся к эпизоду на заднем сиденье машины, все мое тело покрылось мурашками. Мои соски затвердели.

И это не осталось незамеченным.

Лукас положил руку на мое бедро и прошептал в мое ухо:

— Ты делаешь это нарочно? Ты знаешь, верх от твоего купальника белый.

Я улыбнулась, не открывая глаз.

— Ты очень плохая девочка, Миа Девин, — прошептал он. — Я думаю, что тебя нужно сегодня наказать.

Мои пальчики на ногах подогнулись.

#

Для сегодняшнего ужина одно из патио было преобразовано в обеденный зал на открытом воздухе, с длинными столами в стиле пикника, накрытыми мягкими, кремовыми скатертями, на скамейках лежали красочные подушки и различные фонарики свисали с ребристой, покрытой вьющимися растениями, крыши. Все двадцать четыре гостя сидели за столом, пока еда подавалась официантами, за которыми Жан Поль следил критическим взглядом с одного конца стола. Он сидел напротив Генри, о котором я не могла не думать как о графе фон Заке^[13] и представлять его в черном плаще. Он был высокий и долговязый, как его сыновья, седовласый, как Жан Поль, хотя не такой красивый, и он тепло меня поприветствовал.

Музыка играла из спрятанных динамиков, сопровождая низкий гул разговора и звук вилок и стаканов. Еда была восхитительной, тарелки были заполнены местными продуктами

и мясом, приправленные зеленью, выращенной в садах Жан Поля. Вино было изумительное, почти такое же изумительное как Лукас, который сидел рядом со мной, одетый в брюки угольного цвета и белую рубашку, что оттеняла цвет его порозовевших щек от сегодняшнего солнца. Но на его шее был галстук, который заставлял мои внутренности сжиматься.

Это тот, что он упоминал прежде?

Как будто этого было недостаточно, он позволил мне повозиться с его волосами, когда вышел из душа. Я нанесла немного геля и привела в порядок его кудри, пока он стоял с полотенцем, обернутым вокруг его бедер.

Это было так соблазнительно. Я сдернула его и опустилась на колени.

Мы опоздали на ужин.

Я надеялась, что Лукас находил меня такой же привлекательной, как и я его сегодня.

Я наконец-то надела свои новые туфли, и когда я делала это, он смотрел на меня с недоверчивым выражением на лице.

— Боже, Миа. Твои ноги в этом платье... твои туфли... — Он сглотнул. — Я знаю, что мы уже опоздали, но черт. Дай мне просто посмотреть на тебя.

Я стояла перед ним, краснея как сумасшедшая. Мои волосы были заколоты в пучок, чтобы дополнить кокетливое платье, которое я надевала в свою первую ночь в Париже. Я была счастлива подарить ему воспоминания гораздо более приятные, чем те, когда я бродила по Латинскому кварталу в одиночестве. Это правда было всего несколько ночей назад? Это казалось невозможным.

Не тогда, когда Лукас положил свою руку мне на ногу и нежно потер ее. Не тогда, когда он наклонился и прикоснулся губами к моему голому плечу. Не тогда, когда он прошептал мне в ухо:

— Ты так прекрасна сегодня, принцесса. Слишком прекрасна. Это сводит меня с ума, я едва могу сидеть. Мой член твердый уже несколько часов. Ты заплатишь за это.

После этого я наклонилась к нему и прошептала:

— Если бы я надела трусики, они были бы уже мокрые.

Взгляд, которым он посмотрел на меня, мог сжечь плоть.

Боже, каким облегчением было вернуться в эту легкую модель поведения, как секс и поддразнивание. Пока атмосфера между нами трещала сексуальной энергией, я не могла думать ни о чем другом, кроме нашего физического притяжения.

После десерта молодая часть гостей отправилась к площадке возле бассейна, чтобы насладиться музыкой и напитками, но Лукас покачал головой, когда я спросила, присоединимся ли мы к ним.

— У меня другие планы для нас, — сказал он, взяв меня за руку.

Я была немного навеселе от вина и пастиса^[14], но я ничего не сказала, когда Лукас повел меня в гостиную и схватил бутылку виски. Оттуда он повел меня на кухню и попросил у одного из официантов ведерко льда. Пока мы ждали, он держал одну руку, прижатой к моей пояснице, растопырив пальцы. Это был собственнический жест, что усиливал напряжение между нами. Слово «предпочтения» промчалось в моей голове.

Наверху, в нашей комнате, Лукас запер дверь за нами и не включил свет. Я подошла к открытому окну, остановившись, не доходя до лунного света, падающего на пол, и стояла, прислушиваясь к звукам, доносящимся с вечеринки.

— Мы можем слышать их, они могут услышать нас. — Лукас поставил ведерко и подошел ко мне сзади, встав так близко, что все мое тело было на пределе. Я ощущала его

дыхание на своей шее, его грудь возле моей спины, его эрекцию, упирающуюся в мою задницу. — Поэтому ты не должна издавать шум.

Я кивнула, не в состоянии вымолвить ни слова.

Он поцеловал мою шею сзади.

— Если захочешь, чтобы я остановился в любой момент сегодня, просто скажи мне, хорошо?

Мой желудок перевернулся; что он запланировал для меня?

Мгновение спустя я ахнула, когда ощутила, как он проводит кубиком льда по моей лопатке.

Рука накрыла мой рот.

— Шшш. Я сказал: тихо.

Мое сердце забилося сильнее.

Он расстегнул мое платье, и оно упало на пол. Холодок, покрывший мои руки и ноги, удвоился, когда я ощутила кубик льда на задней части своей шеи. Медленно, он провел льдом вниз по моему позвоночнику, по каждому позвонку, по моему копчику и слегка между моих ягодиц. Я задрожала.

Обожемой, обожемой, обожемой.

Протянув руку между моими бедрами, он коснулся льдом моих покалывающих складок, скользнув кончиком льда, в форме полумесяца, внутрь меня. Я захныкала, в его руку, которая зажимала мой рот.

Черт, это возбуждает.

Я не могла поверить, что кубик все еще был твердый — мое тело было в огне.

— Не двигайся.

Он освободил меня, и несколько секунд спустя я услышала звук льда, падающего в бокал, и затем звук того, как он пьет виски.

— Я хочу пробовать тебя все время, Миа. Я хочу ощущать твой вкус на своем языке каждую гребаную минуту. И ты знаешь это. Ты не должна дразнить меня, говоря, что не надела трусики, когда я не могу позволить себе прикоснуться к тебе ртом. — Это был тон, которого я никогда прежде не слышала от него — сексуальный и гневный.

Мне нравилось это.

Он снова встал позади меня, прижав свои губы к одному плечу и проводя ими вверх к изгибу моей шеи. Мои ноги дрожали от возбуждения и желания.

Боже, я такая влажная.

Я не рискнула сказать это.

Он скользнул одной рукой к моему животу и вниз между моих бедер. Я втянула воздух, когда он легко скользнул в меня пальцем, и я боролась со стоном, застрявшем в моем горле. Но когда другая его рука накрыла одну мою грудь, я не могла ничего поделать, и звук удовольствия сорвался с моих губ.

Он ущипнул мой сосок. Сильно.

Я ахнула на ощущение боли, но в то же самое время, я наслаждалась его ловкими пальцами, что скользили внутрь и наружу, пока его ладонь была прижата к моему клитору. Я отчаянно хотела развернуться, толкнуть его на кровать, сорвать с него брюки, и скакать на его члене, пока он будет молить о пощаде.

Но я знала, что он не позволит мне.

Вместо этого я покачнула бедрами, надеясь подстрекнуть его трахнуть меня.

— Ты чего-то хочешь от меня?

Я кивнула.

— Хорошая девочка. Ты должна оставаться тихой, если хочешь этого. — Он толкнул свой палец глубже в меня. — Ты сделаешь это?

— Да, — прошептала я, изнывая от желания закричать, но боялась, что, если я сделаю это, он не даст мне того, чего я хотела.

— Хорошо. — Он убрал руку от меня, и я чуть не заплакала от досады. — Теперь повернись.

Я развернулась и увидела, что он отступает к кровати, полностью одетый, его белая рубашка сверкает в тени.

— Боже, ты так прекрасна. — Он сел на край кровати, поднял виски со стола и сделал глоток. — Вот правила. Ты говоришь только тогда, когда я разрешаю тебе. Ты делаешь только то, что я сказал. Поняла?

Мои Джимми Чу пошатнулись, когда я кивнула.

— Хорошо. Иди сюда.

Я вышагнула из платья и встала перед ним, голая, но на своих высоченных каблуках.

— Распусти свои волосы.

Трясущимися руками, я вытащила шпильки, позволяя им упасть на пол. Мои волосы упали на плечи.

— Теперь, ложись поперек моих колен. На живот.

Подойдя к кровати, я взобралась на нее и легла на его бедра. На коленях и локтях, я смотрела через плечо и видела, как он снимает галстук. Я чуть не кончила от этого вида.

О боже. Он на самом деле собирается сделать это.

— Подними руки.

Задержав дыхание, я вытянула руки и держалась за прутья изголовья кровати чуть выше над моей головой, одна рука на другой.

И он привязал меня к кровати.

Он, черт побери, связал. Меня.

И когда он обернул, завязал и потянул шелк вокруг моих запястий, он сказал мне низким, ровным голосом:

— Вот что случается, когда ты дразнишь меня, Миа. Когда ты делаешь меня беспомощным, чтобы противостоять тебе. Я тоже должен заставить тебя чувствовать себя беспомощной.

Я так себя и чувствую! Так и есть! Я хотела кричать. Но прикусила язык, испугавшись сделать что-то, что заставит его отвергнуть меня. Я, черт побери, понятия не имела, как сильно подобное обращение может завести меня — я была возбуждена, я задыхалась и дрожала. И Лукас — я никогда не видела его таким. В Париже он был беззаботным и щедрым любовником, а этот Лукас был требовательным, не принимающим оправданий и слегка пугающим.

Черт побери, это возбуждало. Я хотела его сильнее, чем я когда-либо хотела кого-нибудь или что-нибудь.

Сделай это, я молча умоляла его. Трахни меня.

Но он не закончил со мной.

Сначала он провел руками по всему моему телу, избегая каждого места, где я хотела его прикосновений. Я прикусила губу и опустила голову под свои связанные руки, отчаянно желая, чтобы он заставил меня кончить и, не стыдясь, продолжал вести себя так же.

Но он избегал любой части тела, которая, он знал, заведет меня, хотя этот список стремительно сокращался. Он провел одной ладонью от моего плеча вниз по спине, а другой от моей лодыжки к голени. Он коснулся моего копчика, живота, моей шеи, задней части коленей. Моя кожа покрылась мурашками, соски покалывали, и я пыталась изогнуть спину и опуститься ниже, чтобы потереть соски об подушку. Но мои руки были привязаны к изголовью кровати таким образом, что я совершенно не могла ими шевелить.

Крошечный, сдавленный звук покинул мое горло, хотя я хотела кричать, ругаться и дергаться.

— Раздражена, принцесса? Я знаю, как ты себя чувствуешь. — Он положил руку на мою задницу и потирал ее медленными кругами. — Но сегодня ты была плохой девочкой. А плохие девочки должны быть наказаны.

На мгновение я занервничала — что он имел в виду под наказанием? Он на самом деле собирался...

Звук того, как рука Лукаса шлепнула меня по голой заднице, был насколько шокирующим, настолько же и жалящим, и я запрокинула голову назад. Мгновенно он опустил ладонь на уязвимое место и дал мне несколько секунд, чтобы приспособиться к мысли и ощущению того, как быть отшлепанной.

Отшлепанной, черт побери.

Как непослушная маленькая девочка.

Было ли очень неправильно, что мне понравилось это?

Он сделал то же самое и с другой ягодицей, снова держа руку на горячей коже, пока удовольствие и боль искрились на моих нервных окончаниях, как фейерверк на четвертое июля.

Я не была уверена, что возбуждало меня больше — физическое ощущение его руки, ударяющей по моей коже или мысль, что Лукас наказывал меня за то, что я была слишком красивой, слишком соблазнительной для него. Мой рот открылся шире, мое дыхание было учащенное и тяжелое, и я подумала, что он снова может отругать меня за то, что я такая шумная.

Третий шлепок был сильнее, достаточно, чтобы заставить меня невольно вскрикнуть, и я закрыла глаза, прикусив губу.

— Извини, — проскулила я, когда он держал свою ладонь на моей разгоряченной коже.

— Шшш. Думаю, ты уже достаточно отшлепана. — Он поцеловал мой копчик, прежде чем переместился подо мной так, что мои колени оказались по обе стороны от его головы. — И я весь день ждал, чтобы вылизать твою киску. Я больше не могу ждать.

Схватив меня за бедра руками, он притянул меня так, что я оседлала его лицо.

Оседлала. Его. Лицо.

О боже мой, и я даже не смогу закричать, да ты издеваешься...

— Ты не двигаешься. Поняла? — сказал он, и его дыхание почти заставило меня взорваться.

Я кивнула, желая громко выкрикнуть все ругательства, что знала. По-французски и английски, и, может, даже не других языках тоже.

Это было худшее наказание и так же самое грандиозное наслаждение, которое я когда-либо испытывала.

Он дразнил меня своим языком, как будто завязывал в узел вишневый стебелек.

В двойной узел.

Он облизывал меня как двойной рожок французского ванильного мороженого в жаркий летний день.

На экваторе.

Он смаковал меня, как будто я могла растаять в его рту, а он этого не хотел.

Это была проигранная битва.

Я продержалась не дольше, чем минуту, может, даже тридцать секунд — черт, может, даже не десять. У меня больше не было чувства времени. В момент, когда он коснулся меня своим языком, это было так, будто он плеснул бензин в огонь, который уже горел. Я боролась с каждым инстинктом в моем теле. Я хотела трахнуть его язык. Я наклонилась вперед, уперлась головой в свои запястья, умирая от желания закричать, вспыхнуть, разрушиться.

Я знала, что он пытался продлить это, потому что каждый раз, когда я была близка к краю и напрягалась, он выпускал мой клитор и кусал внутреннюю часть моего бедра или просто дышал теплом на мою кожу. Когда я немного расслаблялась, он снова порхал надо мной своим языком, возвращая меня к краю, пока я наконец не начала думать, что схожу с ума.

— Лукас, — умоляла я на грани слез. — Пожалуйста.

Наконец, с помощью одной руки он притянул меня ближе к своему рту, толкнул пальцы другой руки внутрь меня и поглощал меня жестко и быстро.

Я, черт побери, *взорвалась*.

Я понятия не имела, как долго это длилось, как Лукас сумел дышать, или как я не прокусила кожу плеча, потому что со всей силы вцепилась в него зубами, чтобы не закричать. Все мое тело было парализовано силой оргазма, что превратил мир в белый цвет и включил сирены в моей голове, сотрясая мое тело волнами экстаза, настолько мощными, что я едва могла дышать. К тому времени как наслаждение утихло, я хватала ртом воздух и на моем левом плече остались следы от моих зубов.

Верхних и нижних.

Прежде чем восстановилась моя способность формулировать предложения, Лукас скользнул между моих ног и встал на колени сзади меня.

— Я еще не закончил с тобой, принцесса. Даже не думай двигаться.

Ему не нужно было беспокоиться насчет меня, так как единственным моим желанием было ощутить его член внутри. Я слышала, как он разорвал упаковку от презерватива, и я испытывала соблазн сказать ему не надевать его, но больше чем что-либо, я просто хотела, чтобы он трахнул меня, а он может заставить меня ждать дольше, если я ослушаюсь его правила: не говорить.

Мгновение спустя, я ощутила, как он потирает свою эрекцию об мою задницу. Он вытянул руку и взял мои волосы в кулак, потянув мою голову назад достаточно сильно, чтобы кожу головы жгло от боли.

— Чего ты хочешь? — спросил он. — Расскажи мне.

— Я хочу, чтобы ты трахнул меня, — прошептала я без колебаний. — Жестко. Прямо сейчас.

— Да? Ты хочешь быть жестко оттраханной? — он сильнее потянул мои волосы, и я поморщилась.

— Да. — Сказала я сквозь стиснутые зубы. Боже, если бы мои руки были свободны, я бы заставила его сделать это, схватила бы его, притянула бы в себя.

Но весь контроль был у Лукаса, и подумать только, у него нескончаемое терпение.

Он дразнил меня головкой своего члена между моими бедрами, потираясь о мои влажные, опухшие складочки, прежде чем скользнуть в меня на сантиметр и выйти обратно. Он скользнул им между моих ягодиц, бормоча слова похвалы о моей сексуальной, упругой заднице. Он держал мои волосы одной рукой и потянулся другой, чтобы обхватить мою грудь, ущипнул сосок и перекатывал его между пальцами. Он шептал мне грязные слова, говоря, какой хорошей девочкой я была, каким твердым я сделала его член, как он все еще мог чувствовать мой вкус на своих губах, как сильно он хочет трахать меня таким образом целый день.

Когда я снова была готова почти расплакаться, он наконец толкнулся в меня, и освобождение было таким восхитительным, что я на самом деле посмотрела наверх и поблагодарила Господа.

— Расскажи мне. — Лукас тяжело дышал, переместив одну руку на мое бедро и продолжая держать другую, обернутую вокруг моих волос. — Расскажи мне, что тебе нравится.

— О боже. — Я не была уверена, что могу говорить — мое тело снова вышло из-под контроля.

Он потянул меня за волосы.

— Бога здесь нет.

— Лукас. — Я облизала губы и изогнула спину, мои руки были вытянуты над головой. — Да, да, да, вот так. Я люблю твой член внутри меня. Я люблю то, как ты наполняешь меня, растягиваешь и вбиваешься в меня. Ты такой большой, твердый и чертовски идеальный.

Он застонал, вбиваясь в меня глубже и быстрее.

— Мне нравится то, как ты двигаешься, — продолжила я, борясь с тем, чтобы сохранить свой голос шепотом. — От этого я становлюсь такой влажной. Мне нравится звук, который твое тело издает возле моего, когда ты трахаешь меня таким образом. От этого я так сильно хочу кричать.

Он отпустил мои волосы и обхватил меня за бедра, погрузив пальцы в мою плоть и дергая меня назад к нему в яростном, диком ритме. Я не видела его, но представляла, как мы выглядим в данный момент — Лукас все еще одетый, его белая рубашка расстегнута на шее, брюки вокруг коленей; я привязанная к изголовью, голая, но на высоких шпильках. Это было так сексуально, он трахал меня так жестко, я была очень влажной, и все внутри меня начало сжиматься и тянуть, и когда Лукас достиг своего предела, я расставила колени шире и опустилась так низко, как могла, чтобы принять его глубже.

Это толкнуло его за край, и он оставался глубоко внутри меня, когда кончал, задыхаясь и рыча, когда его член пульсировал. Мой рот широко открылся, когда он вытянул руку и жестко потирал мой клитор, заставляя мои внутренности сжаться и сокращаться вокруг него.

Чертовски невероятно.

Лукас дышал так же тяжело, как и я, наклонившись вперед и опустив лоб на мою спину.

Его волосы щекотали мою спину, и я вздрогнула.

— Ах. — Его голос был такой слабый.

— Да. Я чувствую себя точно так же.

Он поцеловал меня в позвоночник.

— Ты изумительная.

— Эй, это все ты. Я была связана все время.

И я любила каждую минуту этого.

Рассмеявшись, он вышел из меня и встал.

— И как бы ни было заманчиво оставить тебя вот так, потому что ты выглядишь чертовски соблазнительно, дай мне одну секунду, я развяжу тебя.

На мгновение он исчез в ванной, и затем появился сбоку от меня в застегнутых штанах и без рубашки. После того как развязал меня, он потер мои запястья, прежде чем поднес их к губам и закрыл глаза. Жест был таким милым, что это заставило мое горло сжаться.

— Они не болят. — Я не хотела, чтобы он думал, что это было чем-то меньшим, чем невероятно для меня.

Джессика. Ты глупая сука.

Он открыл глаза, но его губы не покидали мою кожу.

Я улыбнулась.

— Уверяю.

Именно тогда мы услышали визг и громкий всплеск, доносящийся из окна.

— Кто-то прыгнул в бассейн? — предположила я.

— Кажется так. Ты хочешь спуститься и присоединиться к ним? — ни один вопрос не был задан с меньшим энтузиазмом.

— Ты издеваешься? — я вытянула руку и поиграла с завитком кудрявых волос, действия геля на которых уже прошло, и они торчали в разные стороны. — Нет никакого места, где я хочу быть, кроме этой комнаты, с тобой. — Я посмотрела через плечо на свои ступни. — Хотя, я бы хотела снять туфли.

Он улыбнулся.

— Снимай их. Наказание окончено.

Я встала с кровати и сняла туфли.

— Лукас, как ты все еще можешь называть это наказанием, когда человек наслаждается этим? Потому что я наслаждалась.

Его брови поползли вверх.

— Ох да? Может, в следующий раз я достану хлыст.

Я замерла.

— У тебя ведь на самом деле нет хлыста, верно? — хотя, честно говоря, я бы позволила Лукасу делать все, что он хотел со мной. Я доверяла ему.

Он ухмыльнулся и поднял брови.

— Нет. Но я найду, если ты захочешь. Может, ты захочешь выпороть меня. Ты бы выглядела невероятно в образе Госпожи.

Я застенчиво улыбнулась.

— Я добавлю это в календарь нарядов.

Мы провели следующее утро с семьей Лукаса, а днем снова были у бассейна. Позже, когда мы получили достаточно солнца и хлора, мы нашли покрывало и устроили небольшой пикник в оливковой роще, состоящий из фруктов, хлеба и сыра. После того как поели, мы выпили вино, и я вслух читала Лукасу любовные письма Абеяра и Элоизы, пока его голова лежала на моих коленях, а я прислонилась к оливковому дереву.

Это было чертовски идеально.

Так идеально, что я начала чувствовать себя неловко от спокойствия, которое я испытывала от мысли, что уже скоро должно закончиться то, что было с Лукасом, неважно, что именно это было. Так идеально, что каждый раз, когда он открывал рот, чтобы что-то сказать, я задерживала дыхание, надеясь, что он упомянет что-то по поводу того, чтобы снова меня увидеть. Так идеально, что когда я заметила, что Лукас задремал, я убрала книгу и изучала его лицо, чувствуя необходимость запомнить каждую черточку. То, как одна его бровь изгибалась выше, чем другая. То, как щетина покрывала его ямочки, что появлялись, когда он улыбался. Пухлые губы и квадратную челюсть. Темные ресницы, что располагались веером, возле точеных скул.

Ох, дерьмо.

Пять Неуместных Мыслей, Которые Были У Меня В Оливковой Роще:

- 1) Его лицо такое чертовски красивое, и я, черт побери, оседлала его прошлой ночью.
- 2) Волнующий меня вопрос: когда смогу сделать это снова.
- 3) Это будет грубо, разбудить его ради секса?
- 4) Что, черт побери, я буду делать, когда вернусь домой к своей реальной жизни?
- 5) Я буду скучать по нему так чертовски сильно.

Теплый ветерок развеивал его кудри, и я снова и снова убирала их со лба, и наконец признала, что я так упорно пыталась отрицать.

Я буду скучать по нему, потому что я влюблена в него. Это безумно и глупо, и нерационально, и слишком быстро, и плохо кончится. Но это реально.

Не имеет значения, как я называла это: секс-по-дружбе, сексуальное мимолетное влечение, восстановление после разрыва... Но имело значение только то, что я чувствовала, когда была рядом с ним. То, что он заставлял меня чувствовать себя так, будто я могу делать все что угодно, говорить всё, что у меня в голове, заполучить всё, что хотела. Он научил меня кое-чему о моем теле и моих желаниях, что я не знала. Он научил меня наслаждаться красотой жизни в данный момент. Он научил меня не беспокоиться сильно о том, как выглядят те или иные вещи, о том, что подумают другие, о том, кем я должна быть.

Я любила то, кем я была, находясь рядом с ним. И я любила его.

Боль, укоренившаяся в моей груди, начала разрастаться, и я представила ее как семя черного винограда, проросшее в каждом направлении, сжимающее мой желудок, удушающее мое сердце и стягивающее горло. Боль распространилась по всему моему телу, заставив мои конечности онеметь. Прежде чем я смогла остановить ее, слеза покатила по моей щеке, за ней последовало еще несколько, одна из которых упала на лоб Лукаса.

Я всхлипнула, и Лукас зашевелился.

Он открыл глаза и посмотрел на меня.

— Извини, я уснул. Твой голос такой успокаивающий. Ты дошла до печальной части?

Я кивнула. Вытерев глаза, я заставила себя оживиться.

— Извини, я просто немного эмоциональна.

Он сел и оказался рядом со мной, прислонившись к дереву и приобняв меня рукой за плечи.

— Ты не должна извиняться. — Мы сидели так мгновение, прежде чем он снова заговорил: — Слушай, я даже не подумал, что вечеринка по случаю помолвки будет в какой-то степени трудной для тебя, а я должен был. Я пойму, если ты не захочешь пойти.

— Что? Нет. — Его голос был такой обеспокоенный, и я положила руку на его ногу. — Дело не в этом, Лукас. Я не... у меня нет проблем с вечеринкой по случаю помолвки. Я хочу пойти, правда.

— Ладно.

Он не звучал убежденным, но не стал спорить.

Я устроилась в сгибе его руки, закрыла глаза и сделала несколько глубоких вдохов, смущенная тем, что была поймана, когда плакала, и молясь, чтобы я могла противостоять остальным слезам, которые хотели вырваться наружу.

— Это из-за меня? — спросил он.

Мои глаза распахнулись. *Не говори ему.*

— Что ты имеешь в виду?

Он сделал глубокий вдох.

— Ты расстроена. Я что-то сделал не так?

— Нет, конечно нет. — Я моргнула, слишком встревоженная, чтобы посмотреть на него. Если я посмотрю на него, он поймет, что я лгу.

— Я надеюсь, что прошлая ночь не была перебором для тебя. Просто ты такая красивая, и я увлекся...

— Нет. Лукас. — Я повернулась к нему лицом и подогнула ноги под себя, сидя на пятках. Он увидел печаль на моем лице, но я не могла позволить ему думать, что это было из-за того, что мы делали прошлой ночью. Большую часть ночи мы бодрствовали и занимались всякими забавными вещами, в том числе, обнаженными играли в шашки, слизывали виски с тел друг друга, и принимали ванну, затем он позволил мне привязать его к стулу и делать с его телом все, что я хотела.

И он подчинился каждому моему приказу.

— Лукас, прошлая ночь была изумительная, — сказала я. — Уверю тебя, я наслаждалась каждой минутой.

Он вздохнул с облегчением.

— Ладно, хорошо. — Он подвинулся и поправил брюки. — Только мысль об этом делает меня твердым.

Оглянувшись назад, я улыбнулась.

— Я вижу.

— Так ты собираешься сказать мне, что не так?

Я люблю тебя. Вот что не так.

Я покачала головой.

— Нет. Потому что это не имеет значения. Имеет значение только то, что я хочу наслаждаться этим моментом с тобой.

Он схватил меня, бросил на спину и лег на меня.

— Я наслаждаюсь этим моментом. Но со спущенными штанами я бы наслаждался им

еще больше.

Я улыбнулась на его ненасытное желание.

— Ты одержимый, знаешь это? И я думаю, что нас видно из дома.

— Отлично видно. — Но он опустил свои губы и поцеловал меня, открыв рот над моим и встречая мой язык своим.

Я обернула руки вокруг него, целуя его в ответ с отчаянием, которое он, должно быть, чувствовал, но не задавал вопросов вслух. Боже, как он мог быть настолько беспечным по поводу всего этого? Я чувствовала, как будто мой мир развалится на части через четыре дня, и его, казалось, ничего не тревожило по поводу прощания. Я завидовала его способности находиться в настоящем так, что будущее, даже ближайшее будущее, не влияло на него.

Потому что он знает, Миа. Он знает, чем это является, и он никогда не притворялся, что это нечто другое. Засунь это в свою голову и держи там.

Лукас поднял голову и пальцем обвел контур моих губ.

— Я говорил тебе, что люблю твои губы? Но прежде, чем я решу, что мою семью не будет заботить шоу, которое они увидят здесь, нам лучше уйти и начать готовиться к вечеринке.

— Хорошо.

Вот оно. охотное согласие. Быть готовой на все. Только в настоящем моменте, чтобы хорошо провести время.

Когда мы шли назад к дому, я двумя руками несла корзину для пикника, может, это было глупо, но я не хотела, чтобы Лукас держал меня за руку. Это нужно прекратить. И когда мы вернемся в Париж, я должна оставаться в своем отеле на ночь. Черт, может, дни я тоже должна проводить одна. Я должна привыкнуть к тому, чтобы быть без него.

Потому что, хоть он и не был тем типом, кто беспокоится о будущем, но я была. Это не изменить. Несмотря на то, как мне было весело с Лукасом, я все еще была тем же самым человеком — и так же, как Джессика, я хотела в своей жизни того, чего он не мог мне дать. Сравнить себя с ней отстойно, но я понимала ее. Мне было уже двадцать семь. Осенью будет двадцать восемь. Может, было глупо устанавливать жизненные сроки, но вот такой я была. И если у него не было желания измениться ради женщины, которую он любил три года, то не изменится и для меня. Я не была настолько наивна.

Я просто надеялась, что найду кого-нибудь другого, с кем у меня будет такая же химия, кого-нибудь, кто захочет дать мне то обещание. И позволит мне связать его и отсосать ему, прежде чем стоять на коленях над его лицом.

Я чувствовала себя так, будто хочу рассмеяться и заплакать в одно и то же время. Мои глаза снова наполнились слезами, и я опустила взгляд на землю, яростно моргая, чтобы избавиться от слез.

Лукас открыл заднюю дверь и улыбнулся, когда я прошла через нее, но на его лице все еще было обеспокоенное выражение. Мне нужно сыграть так хорошо, как я могла, если я хотела убедить его, что все в порядке.

Наверху, в душе, я составила список.

Инструкции Для Ночи:

1) Никаких ласковых жестов, что говорят: «потенциальные отношения». Это включает: держаться за руки, прикасаться к волосам, поцелуи в лоб.

2) Никаких фантазий о будущем с ним, особенно что-то связанное с помолвкой или свадьбой.

3) Никаких слез, нахмуренного выражения лица или признаний, что что-то не так. Если он спрашивает, ты продолжаешь говорить, что ничего, или, если необходимо — лги и говори, что это из-за свадьбы.

4) НЕ СТРОЙ никаких планов по возвращению в Париж. Если он попытается, ты стиснув зубы, взываешь всю силу и воли и говоришь, что, вероятно, тебе нужно провести некоторое время самой по себе. Перечисли некоторые достопримечательности, на громадной высоте, которые ты хочешь увидеть.

5) Больше никакого секса.

На самом деле, я не добавила последний пункт.

Разве у кого-то есть сила воли к такому.

Вечеринка по случаю помолвки Жилия и Лизетты, была тем типом мероприятий, которые я бы хотела планировать. В действительности, я сделала кучу фотографий и была взволнованна, когда думала, что покажу их Коко. В своей голове я составила список возможных мест Детройта, где была бы возможна свадьба в провансальском стиле на открытом воздухе, хотя воссоздание внешнего вида этого места и то, как оно ощущается, может быть проблемой. Цвета, свет, вкусы, структура... они все были настолько специфичными именно для этой части мира. Но было то, что я могла скопировать — столы для четырех гостей с широкими стульями, антикварные кружевные скатерти, лаванда и полевые цветы на столе.

Это занимало мою голову большую часть вечера, что было хорошо. Мне нужно было что-то, чтобы отвлечься от Лукаса, чье появление в летнем костюме пшеничного цвета, светло-голубой рубашке и ГАЛСТУКЕ, конкурировало с окружающей обстановкой. Он был чисто выбрит, и у меня возникло сильное желание несколько раз потереться об его подбородок. И желание облизать его. Да, оно тоже у меня было.

Я поддерживала болтовню о своей работе, чтобы не сломаться, и он слушал с интересом, не жалуясь, когда я бродила с фотоаппаратом. Но мое «Я Полностью В Порядке, Правда» забрало у меня все силы — я была истощена к тому времени, как все расселись, чтобы ужинать, я не была уверена, как долго я еще могу держать видимость, что у меня все хорошо.

Мы сидели за длинным главным столом с семьей, и еда выглядела привлекательно, но я не была голодна. Я наложила еду, в основном, просто перемещая ее по своей тарелке.

Во время десерта Лукас спросил меня, все ли в порядке.

— Конечно. — Подняв бокал, я сделала изрядный глоток.

— Ты кажешься тихой, — сказал он, проведя пальцем над ремешком моего ярко-розового платья.

Я поставила бокал.

— Просто задумалась.

— О чем ты думаешь?

Не смей, Миа Девин. Не смей, черт побери...

— Эм... — Я сделала еще один глоток вина, который дал мне время придумать допустимый ответ. — О том, что осталось в парижском списке. У меня будет только три дня, когда я вернусь, на самом деле, два с половиной, в зависимости от того, когда придет поезд. — Мой голос звучал ужасно неестественно для меня.

— Верно. Ты уезжаешь во вторник, ага.

— Ага. Назад в реальность. — Я нацепила яркую улыбку, как в рекламе зубной пасты.

Его губы дернулись, но это не была его обычная улыбка.

— Похоже на то. В субботу ночью я буду работать в «Бивере», так что...

— Все в порядке, — щебетала я. *Давай, Миа. Больше энтузиазма, ты можешь сделать это.* — Теперь, когда ты показал мне, как передвигаться, я буду в порядке сама по себе. Не беспокойся.

— Я просто собирался сказать, что мы можем сесть на ранний поезд завтра. — В его глазах было беспокойство, Лукас с осторожностью меня изучал. — Но... ты имеешь в виду,

что больше не хочешь тусоваться вместе, когда мы вернемся в Париж?

Больше вина. Вот и все. Выпить до последней капли.

— Эм, нет, не совсем. — Я теребила ножку моего пустого бокала. — Я имела в виду, что тебе больше не нужно играть в гида. Я могу справиться сама.

Тишина.

— Ты правда этого хочешь?

Конечно нет, глупенький.

Я открыла рот, чтобы продолжить вечернее достойное-не-меньше-чем-Оскара представление, но Лукас все разрушил, ответив на свой же вопрос.

— Потому что я буду очень опечален, если это так и есть.

О нет. О, Господи. Слезы на подходе.

Отчаянно я оглядела стол. Где, черт побери, бутылка вина? Другие члены семьи болтали и не замечали разворачивающейся между нами драмы, но я знала, что, если не встану и не уйду, плотину внутри меня прорвет.

— Миа? — Лукас потянулся к моей руке.

— Извини. — Отодвинув стул, я подпрыгнула и промчалась мимо других столов, вдоль бассейна, обошла вокруг, к другой части дома. Я бежала в темноте, заставляя ноги передвигаться на каблуках так быстро, как я могла, благодарная, что в старшей школе я занималась бегом и до сих пор имела привычку делать физические упражнения. Через сад — вы когда-нибудь пробовали бежать по гравию? Это отстой, и тем более, в обуви не для бега. Дальше я пробежала мимо фонтана и весь путь к задней части оливковой рощи. Я бежала так быстро, что даже не могла плакать, легкие угрожали вырваться, а в боку колело. Когда я достигла границы виноградника, я рухнула с краю старой каменной пристройки.

Положив щеку на холодную грубую поверхность, я ударила рукой об камень и зарыдала. Я плакала так же сильно, как когда Такер отменил нашу свадьбу, но самое безумное, что сейчас я чувствовала себя еще печальней. В отличие от слез, что были тогда, эти были подпитаны только разбитым сердцем, без злости, сожаления или стыда, чтобы разбавить их.

— Миа! — голос Лукаса эхом раздавался по роще. Он мог меня видеть? Я подавила рыдания, но мгновение спустя я услышала его быструю поступь, и затем ощутила его руку на моей спине. — Миа, о боже мой. Ты в порядке? Иди сюда, пожалуйста.

Может, это была ошибка, но я позволила ему повернуть меня в своих руках и на протяжении целой минуты тихо плакала на его плече. Он крепко держал меня, потирая мою спину, ничего не говоря. Когда дрожь замедлилась, он нежно покачивал меня и поцеловал макушку головы. Я подняла свое заплаканное лицо с его груди, и он поцеловал обе мои мокрые щеки. Затем мой лоб.

Перестань делать эти милые вещи. Я уже влюблена в тебя, и ты делаешь все только хуже.

Но я не смогла ничего сказать, потому что его рот был на моем, а его руки были вокруг меня, и наши тела были прижаты друг к другу так, что это превращало мою безнадежность в отчаяние, заставляя меня жадно поглощать то, что он хотел мне дать. Я хотела этого. Я хотела этого сейчас, и мне плевать на расплату.

Подпрыгнув, я обхватила его ногами за талию и целовала его с яростным желанием, сжимая его волосы в кулаках, кусая его губы, хватая ртом воздух. Его руки нащупали мою задницу, и он прижал меня к себе, так что я могла ощущать его член, выпирающий через одежду. *Этого было недостаточно. Недостаточно.*

Он прижал меня спиной к каменной стене, и я знала, что сойду с ума, если он не окажется внутри меня.

— Лукас, я хочу, чтобы ты трахнул меня. Сейчас, — приказала я у его губ.

Он не боролся с этим. Опустив мои ноги на землю, он расстегнул свои брюки, пока я скидывала свое нижнее белье. Через две секунды он поднял мое платье, и снова прижал меня к стене, только на этот раз его член уже погружался в меня.

Наши рты были в сантиметрах друг от друга, обжигая горячим дыханием. Моя страсть к нему была настолько огромна, что мне казалось, что моя кожа не выдержит этого, и я могу взорваться в любую секунду. Каждый раз, когда мы были вместе, был невероятным, но этот был каким-то другим. Он был неистовым, тревожным, движимый болью так же, как и возбуждением.

Он ощущался как последний раз. Как гребаное прощание.

Что, если так оно и есть? Что, если это, правда, прощание?

Я прижалась к нему, и он вбивался в меня жестко и быстро, затем притянул меня крепче к себе, потираясь своим телом о мое.

— О боже, Лукас, — я задыхалась. — Я сейчас кончу...

— Я хочу тебя, — зарычал он. — Я хочу, чтобы ты кончила на мой член. Я хочу ощутить это. Затем я кончу внутри тебя сильно.

Моя голова ударилась о каменную стену, когда оргазм накрыл меня, и с каждым сокращением моего тела вокруг его, слова проносились в моей голове... *черт, да, о, мой, бог, вот так, ты, чертовски изумительный, я не могу остановиться...*

Он застонал и сильнее прижал меня к стене, опустив лицо к моей шее и полностью заполняя меня. Я ощущала его — ощущала пульсацию его оргазма, как будто это был мой собственный, и я обхватила его ногами, а его голову руками, мое сердце барабанило в груди. Я открыла глаза и подняла взгляд к небу.

Я видела звезды, которые еще даже не были рождены.

Боже, я люблю тебя.

И это случилось, в одну секунду это было в моей голове, а в следующую на губах. Это что-то похожее на кино, когда вы знаете, что героиня собирается сделать что-то глупое, и в замедленном движении вытягиваете руку к экрану, крича: *неееееееееееееееееееет!*

— Боже, я люблю тебя.

Как только слова вырвались, я замерла.

Лукас поднял голову.

— Что?

— О боже мой. — Меня захлестнула волна смущения, щеки покраснели от стыда. — О боже мой, я не имела это в виду.

— Подожди. — Он закрыл глаза на мгновение. — Ты не имела это в виду? Или ты не имела в виду, сказать это?

— Я-Я, — я хныкала в отвратительном, унижительном мучении. — Просто я немного потрясена сейчас. — Я опустила взгляд туда, где были соединены наши тела. — Я совсем не в состоянии думать. Может, мы будем считать этот разговор, эм...

Опустив мои ступни на землю, он вышел из меня, и я мгновенно почувствовала, как теплая влажность от наших тел побежала по внутренней стороне моего бедра.

— Ох, дерьмо. — Я убрала платье в сторону от своих ног.

— Извини насчет этого. Эм, хочешь, чтобы я принес полотенце или еще что-то?

Я покачала головой.

— Нет, все в порядке. Но как думаешь, я могу попасть в дом и остаться незамеченной? Мне нужно переодеть платье и я, вероятно, также должна привести в порядок лицо. — Я даже не хотела думать, что с моим макияжем.

— Да, я думаю, что мы можем войти в дом незамеченными. Но, Миа... — он провел рукой по своим волосам. — Нам нужно поговорить.

Я посмотрела через его плечо, за виноградник, как будто стремительно нестись к ограде и отправиться в направлении Парижа пешком было вариантом.

О боже. Как, черт побери, я собираюсь это объяснить?

#

Наверху, в комнате, я повесила грязное платье в шкаф и переоделась в то, в котором была вчера вечером. Я также сняла туфли, чтобы идти босиком. В ванной я вымыла лицо и плеснула на него холодной водой, но мои глаза все еще выглядели немного опухшими. Я нанесла макияж, воспользовавшись карандашом и бальзамом для губ, и привела в порядок волосы.

Ладно, думай. Как я собираюсь выкрутиться из этого?

У меня было два варианта — лучшие, что я могла сказать. Я могла быть честной и сказать, что у меня к нему сильные чувства, что было очень смущающим и подавляющим, или я могла притвориться, что это всего лишь эмоциональная реакция на секс и попробовать свести это к шутке. Может, я могла попытаться прочитать его первым. Он не казался взбешенным. Возможно, мое достоинство будет спасено, несмотря на то, что Иисус, оно и так уже пострадало за последнее время.

Лукас встретил меня у подножия лестницы и протянул бокал красного вина.

— Вот. Это одно из наших.

— Спасибо тебе. — Если он разобьет мне сердце, по крайней мере, он сделает это за бокалом хорошего вина.

— Итак, я подумал, что, может, мы сядем у бассейна? Там не так шумно. — Лукас придержал дверь для меня, когда мы направились к бассейну. На террасе он выбрал двойные лежаки с видом на вечеринку, где друзья Жилия и Лизетты задержались на десерт и напитки. С наружных колонок доносилась песня Ланы Дель Рей «Dark Paradise», песня, которую я раньше любила, но сейчас она казалась плохим предзнаменованием.

Я откинулась и скрестила ноги в лодыжках, удерживая свой бокал с вином на животе. Лукас сидел рядом со мной и на минуту уставился на мою ногу, ничего не говоря.

О боже. О черт. Это было слишком. Я напугала его, и он понял, что я сумасшедшая, находящаяся на реабилитации, и бросит меня как горячий круассан.

Я сделала глубокий вдох и изобразила улыбку.

— Не обращай внимания на все, что я говорю после секса, как например, это.

Он посмотрел на меня, его брови нахмурены.

— Почему нет?

— Потому что я открываю свой рот и оттуда вылетают всякие сумасшедшие вещи. — Я махнула рукой в воздухе. — Это очень смущает.

Он покачал головой.

— Ты не должна быть смущена по поводу того, что сказала.

— Ну, немного поздно для этого, но в любом случае, я не хочу, чтобы ты об этом думал, хорошо? Я просто была, эм... счастлива. — Святое дерьмо, как я могла сделать это еще более неловким?

— Да ладно тебе, Миа. — Он сжал мою лодыжку. — Эти последние несколько дней с тобой тоже вскружили мне голову.. Я не знаю, что делать с этим. Прежде, со мной ничего подобного не случилось.

— Со мной тоже. — Я сделала глоток вина. — Но опять же, я никогда не была в таких переходных отношениях.

Лукас нахмурился.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, ты знаешь... у нас обоих были тяжелые разрывы. Я имею в виду, я должна была выйти замуж на прошлой неделе, и ты недавно расстался с тем, с кем встречался три года. Я думаю, что мы оба заслужили веселое мимолетное увлечение. — Глоток. Глоток.

— Это не переходные отношения, Миа. По крайней мере, не для меня. — Он был такой обиженный, что я чуть не выдала себя.

— Ладно, может, не совсем переходные отношения, но что бы это ни было, я знаю, что это просто увлечение. — Я снова подняла бокал к губам, но он схватил его, поставил на землю рядом со своим и взял меня за руки.

— Я чувствую что-то настоящее к тебе, Миа.

Я поморщилась.

— Пожалуйста, только не говори это потому, что я была сбита с толку, и из меня вылетело «я тебя люблю». Ты не должен.

— Я не просто говорю это. Слушай, я продолжал говорить себе, что не должен пользоваться тобой, что ты уязвима и не в том состоянии, чтобы принимать правильные решения. Но... я не мог перестать чувствовать это. Я хочу быть с тобой. — Он был серьезен. Я видела это. Слышала это. Чувствовала это.

Я вздохнула, отпуская притворство.

— Лукас, ты не воспользовался мной. Я знала, что каждый мой шаг был осознанным. — Я сглотнула, мое горло сжалось. — И я знаю, что это закончится, когда я уеду, поэтому это тяжело.

— Почему это должно закончиться, когда ты уедешь? — Лукас сжал мою руку. — Я живу в Нью-Йорке. Детройт не так далеко. Ты говоришь, что больше не хочешь никогда видеть меня?

— Конечно, я хочу снова тебя увидеть. Но что хорошего выйдет из этого?

Он покачал головой.

— Ты не слышишь меня.

— Мы хотим разного, Лукас. Я знаю, что ты решишь, что я сумасшедшая, что думаю так далеко наперед, но когда-нибудь я хочу выйти замуж. Я хочу семью. Я хочу дом, где бы он ни был. Ты этого не хочешь.

— Но ты говоришь о «когда-нибудь», в далеком будущем. Ты даже не знаешь, когда это будет.

Я покачала головой.

— Для меня это не такое уж далекое будущее. В этом году мне исполнится двадцать восемь. Я бы хотела, чтобы у меня появилась семья к тому времени, как мне исполнится тридцать. Это уже через два года.

— Почему ты устанавливаешь какие-то сроки? — злость и раздражение окрасили его слова. — Почему ты не можешь просто наслаждаться жизнью, когда она идет своим чередом?

— Это не сроки, Лукас, это мечта. И это моя жизнь, ясно? Просто потому, что ты не хочешь этого, это не значит, что я не должна хотеть этого.

— Я не говорил, что ты не должна хотеть это, я просто, — Лукас поднял руку и почесал заднюю часть своей шеи. — Боже, я не понимаю, почему ты зациклена на таком будущем. Ты не знаешь, каким оно будет — никто не знает. Жизнь может закончиться завтра. Мы можем наслаждаться тем, что у нас есть сейчас без того, чтобы выбирать ипотеку или имена нашим детям, или покупать собаку.

Я знала, что он имел в виду, но я не хотела так жить.

— Я понимаю, о чем ты говоришь. Но для меня то, что есть у нас сейчас, должно вырасти во что-то другое, во что-то большее. — Я положила одну руку на свою грудь. — Я знаю, что тебе тяжело понять, но мне важно принять на себя обязательства перед кем-то. Это не должно случиться сегодня или завтра, но это должно быть возможным.

Лукас вздохнул и на мгновение закрыл глаза.

— Я просто хочу провести с тобой больше времени, Миа. Я никогда не чувствовал себя таким замороженным кем-либо.

— Правда? — я взяла перерыв от Сильной меня и позволила себе на мгновение быть Польщённой.

— Да. Ты восхитительная. Я имею в виду, если убрать в сторону твое безумное стремление каждую минуту планировать все детали твоей жизни, вплоть до смерти, ты самый интересный человек, которого я когда-либо встречал. И ты красива и умна, ты забавная и боже, ты горяча в постели.

О да. Как же восхитительно быть польщенной.

— И на кухне?

Он искоса улыбнулся мне.

— И на кухне. И в гостиной. И в душе, на вилле, и фруктовом саду.

Фруктовый сад. Черт. Мое тело невольно задрожало.

Он снова взял меня за руку.

— Миа, с тобой я могу быть самим собой, как я никогда не был с кем-то другим. Во всем.

Я точно знала, что он имел в виду, потому что я чувствовала то же самое, но я не услышала того, что мне нужно было услышать. Чтобы избежать погружения в безнадежность или снова не разразиться слезами, я пошутила:

— Ты счастлив, только потому, что я позволила тебе связать меня.

— Нет, не только поэтому. Ну, да, я счастлив, что ты позволила мне связать себя, но это не все, что я имел в виду. — Он покачал головой из стороны в сторону. — Я думаю, что солгу, если скажу, что секс не имеет ничего общего с этим — я люблю то, что ты не испугалась.

— Я никогда не боюсь, когда я с тобой, — сказала я честно. — Ни одно мгновение.

— И я люблю, что ты такая страстная, желающая и крикливая в сексе — я никогда не был с такой, как ты, кто точно знает, чего хочет и не боится попросить этого. Или взять это. — Он провел рукой вверх по моей ноге. — Быть с тобой... — он покачал головой. — Я не могу описать это. Но, о боже.

Я грустно улыбнулась.

— Не беспокойся, секс многое значит и для меня. Я думаю, что ты испортил меня для жизни.

Он сжал мое бедро.

— Хорошо.

Я снова легла назад, скрестив руки на груди. Разговор о сексе не помогал нам — мы оба слишком сильно его любили. Химия между нами была впечатляющей.

— Нет, Лукас. Это не хорошо. Я проболталась о том, что чувствую к тебе, но мы хотим разного — может, не в сексуальном плане, — но по большому счету. В жизни. И никто из нас не хочет меняться. — Я погрузила ногти в свои плечи.

Скажи мне, что я не права. Отрицай это. Пожалуйста.

Лукас сказал тихо:

— Я просто не могу понять, почему мы не можем попробовать, не зная, какой результат в итоге получим. Я думаю, что могу сделать тебя счастливой.

Мои внутренности сжались. Боже, он делает все таким чертовски сложным.

— Я знаю, что ты можешь, Лукас. Но я покончила с обычными свиданиями. Мне не интересно просто дурачиться — мне нужно знать, что мы к чему-то движемся. И, возможно, это делает меня сумасшедшей, учитывая через что я только что прошла, но вот такая я. — Моя нижняя губа дрожала, а желудок скрутило. — А ты не такой.

Скажи, что ты изменишься, скажи, что я стою этого.

Но он ничего не сказал. Целую минуту Лукас смотрел на свою руку, лежащую на моей ноге.

— Я не права? — спросила я тихо.

Он покачал головой.

— Я не хочу давать тебе обещаний, которые не смогу сдержать. Это будет нечестно, особенно после всего, через что ты прошла.

— Тогда это все, что между нами будет. — Я свесила ноги с шезлонга. Ко мне быстро подступал поток слез, и я хотела скорее уйти, чтобы я могла поплакать в одиночестве, но он схватил меня за руку.

— Пожалуйста, Миа. — Его голос надломился, и это почти разрушило меня. — Не уходи.

— Я должна, Лукас. Я приехала сюда, чтобы стать сильной, чтобы снова начать наслаждаться жизнью самой по себе. Но вместо этого, я влюбилась в тебя, и понимания, что я должна уйти — достаточно, чтобы сломить меня. Отпусти меня, Лукас.

Не отпускай меня. Пожалуйста.

Но он отпустил.

Я поднялась наверх, разделась и приготовилась ко сну. Я бы хотела сказать, что оставалась сильной и уверенной в своем решении, но правда была в том, что в течение следующих часов я была зареванная как ребенок. Я совершила огромную ошибку? Как он мог отпустить меня так легко, без борьбы? Где он сейчас, вернулся на вечеринку? Мой желудок потяжелел. Через открытое окно я могла слышать музыку. Он танцевал с какой-то девушкой? Говорил что-то по-французски ей на ушко? Он не будет спать в этой кровати сегодня, кровати, которую я считаю нашей? Подпрыгнув, я закрыла окно, задернула шторы и забралась под одеяло. Натянула его на голову, подтянула колени к груди и начала заливать подушку слезами.

В конечном итоге, я уснула, и проснулась оттого, что скрипнула дверь спальни. Я открыла один глаза и наблюдала за тем, как раздевался Лукас, мои бедра плотно сжались, при виде того, как он снимает костюм и галстук. Я любила его тело: развитые мускулы, гладкую кожу, легкость его движений. Он бросил одежду на стул и пошел в ванную. Мое сердце быстро колотилось, но я пыталась симулировать сон. Я не выдержу еще больше разговоров.

Дверь ванной открылась, и Лукас вошел в спальню. Я продолжала глубоко дышать и даже лежала, отвернувшись от него, положив руки под щеку. *Теперь он ляжет? Лицом ко мне? Отвернувшись от меня? На спине? Он смотрит на меня? Он прикаснется ко мне?* Я даже не могла решить, хочу я этого или нет.

На самом деле, это большая ложь. Я хотела, чтобы он прикасался ко мне. Я хотела быть с ним еще один раз и точно знать, что это последний раз. Возможно, для меня это не было очень хорошо — в действительности, это причинило бы мне боль, — но если бы он потянулся ко мне, я бы не оттолкнула его.

После нескольких минут тишины, я подумала, что он уснул, и дрожащий вдох покинул меня. *Вот и все. Все кончено.*

Мгновение спустя, матрас прогнулся, и я ощутила мягкие губы на своем плече. Это отправило холодок по моей спине. Рука легла мне на живот. Теплое тело прижалось ко мне сзади, и я закрыла глаза в блаженстве.

Рука убрала волосы с моей шеи, ее коснулись губы и оставили поцелуй чуть ниже моего уха. Другая рука на моем животе скользнула под мою майку и замерла на моей груди. Мой сосок ответил на прикосновение, он слегка его ласкал. Затем другой. Я ощущала, что его эрекция твердеет и упирается в мою поясницу, и моя рука автоматически двинулась к ней, поглаживая через боксеры. Когда его дыхание участилось, я перекатилась на спину и посмотрела на него.

В комнате было так темно, что я не могла прочесть его глаз, но я чувствовала его печаль так же, как и его желание, и я точно знала, как он себя чувствовал, как одно чувство может подпитывать другое.

— Лукас, что мы делаем?

— Я не знаю, — прошептал он, убирая волосы с моего лба. — Я сказал себе, не прикасаться к тебе, я знаю, что это нечестно. Но я лежал там и ощущал запах твоей кожи. И без малейшего труда я мог попробовать тебя.

— Я хочу, чтобы ты прикасался ко мне. — Я потянулась к кромке своей майки и сняла

ее через голову, и он опустил свой рот на мою грудь. Вытянув руки над головой, я выгнулась под ним, желая предложить ему каждый сантиметр моей кожи.

Он проложил дорожку из поцелуев к моему животу и стянул мое нижнее белье.

— Я должен использовать презерватив?

— Нет. — Я вытянула руку и притянула его к себе.

— Я хочу ощущать тебя. Без преград.

В это раз мы действовали медленно, смакуя каждый поцелуй, каждое прикосновение, каждое приглушенное слово и вдох. Мы проводили руками и ртами по телу друг друга, сохраняя в памяти каждый изгиб плеча, бедра или шеи. Линии мышц и костей.

Наконец наши глаза вперились друг в друга, наши руки были сжаты над моими плечами, он скользил в меня и двигался глубже, неторопливыми ударами, пока я не начала задыхаться и дрожать, разрываясь между попытками сделать это спокойно или сказать ему трахнуть меня жестко и быстро, чтобы заставить меня кончить, чтобы заполнить меня. Мой разум хотел замедлить время, пока мое тело хотело мчаться к освобождению.

На самом деле, не очень плохая проблема.

В конечном итоге мое тело выиграло, и я бесстыдно умоляла о том, чего хотела.

Он дал мне все.

К тому времени как мы оба были истощены, мягкий розовый свет просачивался через тонкие занавески. Я уснула на подушке, мокрой от слез, умоляя солнце не всходить.

#

На обратном пути в Париж мы с Лукасом почти не говорили. Я уснула в поезде, просыпаясь только раз или два, и видела, как Лукас смотрит в окно с серьезным выражением на лице. Я знала, что он не хотел сегодня прощаться, но думаю, что он понимал, почему хотела я. В действительности, я подумывала позвонить Эрин и посмотреть, сможет ли ее мама помочь мне поменять мой билет, чтобы я могла улететь домой завтра. Остаться здесь еще три дня и знать, что Лукас где-то рядом, будет очень трудно, я не доверяла себе, что смогу держаться от него подальше.

Несколько раз мне приходилось сжимать закрытые глаза, чтобы бороться со слезами, которые постоянно угрожали раскрыть меня. *Просто дождись, пока не окажешься в своем номере. Ты сможешь спрятаться от людей, открыть вино и есть булочки с шоколадом, пока не придет время уезжать. Или пока ты не лопнешь, что, скорее всего, произойдет в первую очередь.*

Когда поезд прибыл на парижскую станцию, я поздравила себя, что вернулась в город, не сломавшись. *Видишь? У тебя получилось. Теперь просто оставайся сильной еще двадцать минут.*

Если только эти двадцать минут не включают прощание.

— Тебе не нужно показывать мне дорогу до «Плазы», — сказала я Лукасу, когда мы вышли из скоростного поезда на Лионском вокзале. — Я знаю, где метро, и найду дорогу, — я вытащила ручку на своем чемодане и огляделась по сторонам в поисках знака, куда мне нужно, но на самом деле, я просто пыталась не смотреть на него, и он знал это.

— Миа, пожалуйста, посмотри на меня.

Неохотно я встретила его взгляд и почувствовала, как моя решимость ослабевает. Я отвела взгляд.

— Я не могу, Лукас. Это слишком тяжело.

Он вздохнул.

— Так вот оно? Я даже не увижу тебя перед твоим отъездом?

Я покачала головой, не доверяя своему голосу.

— Я так сильно хочу сказать тебе то, что ты хочешь услышать.

— Но ты не можешь.

Это был вызов.

— Я просто не хочу лгать тебе. Черт побери, пожалуйста, ты можешь просто посмотреть на меня? — он положил руку мне под подбородок и заставил меня посмотреть ему в глаза. В них была злость и печаль. — Ты можешь уйти. Я не остановлю тебя. Но я говорю тебе сейчас, что у меня есть чувства к тебе, и я не хочу, чтобы ты уходила. Я знаю, что отношения не будут легкими, я знаю — мы разные, и я знаю, что большое расстояние — это не так уж и весело. Но, Иисус, Миа, — его темные глаза блестели. — Можем мы хотя бы попытаться?

Мое горло сжалось, я думала, что мой голос будет похож на писк.

— Я хочу сказать «да», Лукас. Но я боюсь. До этого я поставила все свои надежды на одного человека, и он подвел меня. Я не говорю, что ты такой, как он, — сказала я, когда увидела, что в его глазах сверкнула ярость. — Я просто говорю правду. И знаешь что? — я сделала глубокий вдох. — Ты тоже говоришь, и я благодарна за это. У меня нет желания заставлять тебя говорить то, чего ты не хочешь, или заставить тебя пообещать то, что ты не сдержишь. И, может, я все еще могу как-то исцелиться. — Мои глаза наконец переполнились, и несколько слезинок покатались по щекам.

Его красивый рот был сжат в прямую линию, когда он стер их своим большим пальцем.

— Я знаю, что ты сможешь. Я уверен, что это чересчур для тебя, и мне жаль. — Он убрал руку с моей щеки и провел ею по своему лицу. — Я правда хочу, чтобы я встретил тебя при других обстоятельствах, Миа Девин. Но я не сожалею ни о чем, что мы делали. Только о том, что это причиняет тебе боль.

— Я тоже не сожалею, — прошептала я. Люди проходили мимо нас, может, они даже смотрели на нас с жалостью — что может быть печальней, чем прощание на вокзале? — но мне было все равно. Я обвила Лукаса руками и крепко сжала, вдыхая запах лаванды и оливковой роши, что все еще был на его одежде и коже. Мой желудок сжался. Приняла ли я правильное решение?

— Ты знаешь мой номер, — его голос дрожал, но руки крепко обнимали меня за шею. — Я не буду беспокоить тебя, но если я тебе понадобится...

Я кивнула, и он отпустил меня, взял мое лицо в свои ладони и поцеловал мои дрожащие губы.

— Иди первой, — прошептал он.

— Ладно. — Я шмыгнула носом и выдавила небольшую улыбку, прежде чем ушла туда, где я правда надеялась, было правильное направление. Я не увидела ни одного знака.

Не повезло.

— Миа?

Я повернулась к нему и увидела, что он не в состоянии спрятать ухмылку, которую я так обожаю.

— Ты пошла не туда. — Он указал в противоположном направлении, где я наконец увидела гребаный знак.

— Ох. — Со всем достоинством, что я смогла продемонстрировать (не особо много), я развернула чемодан и снова прошла мимо Лукаса. — Спасибо тебе. За все.

— Я наслаждался, — сказал он, глядя на меня. — Каждым мгновением.

Я заставила себя продолжать идти.

Это было самое сложное, что я когда-либо делала.

#

Я ехала на поезде до своей остановки, с одной рукой на своем ноющем желудке, и с другой, прижатой ко лбу. Я была рада, что было свободное место, потому что мои ноги слишком сильно дрожали, чтобы стоять. Уставившись на чемодан между коленями, я напомнила себе дышать и попытаться не думать о Лукасе, сидящем в другом поезде, возвращающимся в его маленькую квартирку, которую я так любила.

Я никогда не увижу ее снова.

Моя нижняя губа дрожала. Я закрыла глаза и молила Бога, чтобы дал мне вернуться в номер без еще одной приливной волны слез. Одно дело было плакать в одиночку в своем номере или даже перед подругой, но плакать одной в толпе, было не тем, что мне нужно было вычеркнуть из списка. Боже, разве моя гордость уже не пострадала достаточно?

Едва удерживая себя в руках, я держалась подальше от остановки, на которой хотела выйти, и вышла на той, что должна, и потащила свой чемодан до «Плазы».

Внутри лифта я выпустила несколько тяжелых вздохов и затем мучительный всхлип. Сжав глаза, я пыталась задержать дыхание, которое просто заставляло мои плечи дергаться. Когда двери открылись на моем этаже, я выскочила через них и рванула по коридору, открыто рыдая.

Я порылась в своей сумочке в поисках ключа и вставила его. Когда зеленый цвет загорелся, я открыла дверь и ворвалась в комнату, готовая броситься на кровать и рыдать в течение нескольких часов.

Представьте мое удивление, когда я обнаружила, что не одна.

Я ахнула.

— Такер, какого черта ты здесь делаешь? Ты напугал меня до полусмерти! — дверь за мной захлопнулась, и я двинулась дальше в комнату, с одной рукой на колотящемся сердце.

Без рубашки, Такер встал оттуда, где он сидел за столом, и я на секунду запаниковала, задаваясь вопросом, были ли в комнате какие-то доказательства моего романа с Лукасом.

На секунду. Затем я вспомнила, что не должна беспокоиться. *Пошел он. Что за чертовщина?*

— Привет и тебе. — Такер подошел ко мне, и забрал чемодан из моей хватки, отодвинув его в сторону, прежде чем обнял меня. — Рад видеть тебя. У тебя все в порядке?

Я была ошарашена, поэтому позволила ему обнять себя и приобняла его в ответ, прежде чем смогла остановить себя. *Я и забыла, какой он высокий.* Его объятие заставило меня встать на цыпочки. Его обнаженная, мускулистая грудь должна была возбудить меня, но этого не случилось.

Я вырвалась из объятий.

— Рад видеть меня? Ты издеваешься? Что это за херня, Такер? — обойдя его, я подошла к столу и поставила свою сумочку. Мое сердце со всей силы ударялось о ребра, и совсем не в хорошем смысле. Что-то слева привлекло мое внимание, и я заметила огромный букет красных роз на кофейном столике. Их там не было, когда я уходила. Я повернулась и посмотрела на него. — Что происходит?

Такер подошел к черному чехлу для одежды на кровати, расстегнул его и вытащил белую рубашку, которую он надел, но не застегнул.

— Я знаю, что ты удивлена видеть меня здесь, — сказал он, — и, вероятно, не совсем счастлива, но я могу объяснить.

— Я надеюсь. — Я пошла в ванную и взяла салфетки, чтобы вытереть глаза и высморкать нос. Брр, я была в полном беспорядке. В зеркале я увидела Такера, который появился в дверном проеме ванной.

— Что не так? Откуда слезы?

Я сердито посмотрела на него.

— Как будто тебя это волнует.

— Меня волнует, Миа. Иди сюда, пожалуйста. — Он взял меня за руку, вывел из ванной и повел к дивану, где жестом показал мне садиться. В добавок к цветам на столе был шоколад и черная коробочка с белой ленточкой. На коробке было написано «Шанель». *Святое дерьмо. Что, черт побери, происходит?* Такер сел рядом со мной, но я отдернула свою руку и зажала их обе между коленями.

— Выслушай меня, Миа. Я знаю, ты злишься, у тебя есть на это право, но, пожалуйста, дай мне шанс сказать. — Я никогда не слышала такого умоляющего тона от Такера, но это делало меня только злее.

— Почему я должна давать тебе шанс? Я не хочу ничего от тебя, Такер. Ни этих цветов, ни подарков, ни извинений. — Но я не могла отвести глаз от коробочки «Шанель». Черт меня побери, если мне не было любопытно, что внутри.

— Я знаю, что ничего не хочешь, и я не обвиняю тебя. То, что я сделал — непростительно. Миа, можешь ты хотя бы посмотреть на меня?

Я отказалась. В действительности, я скрестила руки и отвернулась от него. Он вздохнул и встал с дивана, обошел стол и опустился на колени передо мной. Насколько я помню, он не стоял передо мной на коленях с тех пор, как сделал мне предложение. *И здесь даже не было зрителей.*

— Я запаниковал. — Он закрыл глаза и поднял руки. — Я знаю, что это не оправдание, но это правда. Я запаниковал от мысли о таком необратимом обязательстве, и я не думал, что был достаточно зрелым, чтобы справиться с этим.

— И как долго ты знал, что не справишься с этим? Сомнение, должно быть, зародилось некоторое время назад, тем не менее ты дождался, пока останется одна неделя, сбежал в Вегас и оставил меня в одиночестве и униженной, рассказывать всем! — я махнула рукой между нами. — Мы могли принять это решение вместе! У меня тоже были сомнения!

Он моргнул, очевидное удивление появилось на его лице.

— У тебя были сомнения?

— Да, были, но я была слишком увлечена, планируя свадьбу, чтобы остановиться и подумать о них.

— Нам нужно было просто сбежать. Пожениться на пляже на Таити или где-нибудь еще. — Такер вытянул руку и потер мое колено.

— Что? Нет! — я подскочила с дивана и обошла вокруг него. — Не свадьба была проблемой. Это были мы — ты и я. Мы не подходили друг другу, Такер. Я вижу это сейчас. И как бы мне ни было больно говорить это, ты был прав, что отменил свадьбу. То как ты сделал это — отстойно, но это было правильное решение.

— Что, если нет? — Такер поднялся на ноги, отряхивая свои темно-серые штаны. Они выглядели очень помятыми на нем — он только что с самолета? — Что, если я был неправ, отменив свадьбу?

— Ты был прав. Боже, Такер, мы даже не были влюблены! Я имею в виду, может, это было поначалу, но если ты собираешься жениться на ком-то, ты должен чувствовать, как будто — я остановилась. Я знала, как человек должен чувствовать себя, потому что я была по уши влюблена в Лукаса.

— Как будто что? — спросил Такер.

— Как будто ты не можешь дышать, когда этот человек в комнате. Как будто ты не можешь быть достаточно близко к нему, не важно, как сильно ты пытаешься. Как будто ты взорвешься, если не сможешь показать тому человеку, какие сильные у тебя чувства к нему, и затем вы взорветесь...вместе.

— Взорветесь? — Такер изогнул ухоженную бровь.

— Взорветесь, — подтвердила я. — Это называется оргазм. С женщинами это тоже случается, и иногда это даже случается с женщинами и мужчинами в одно и то же время.

— Мы взрывались. — Такер упер руки в бока и смотрел возмущенно. — Мы взрывались каждый раз.

— Нет. Ты взрывался. — Я указала в его грудь. — Мне везло получить случайный оргазм, но этого никогда не случалось вместе. И даже не было заметно, что тебя это заботило.

Такер выпятил подбородок.

— Это нечестно, Миа. Я понятия не имел, что ты не была удовлетворена. Ты никогда ничего говорила об этом.

— Как я могла сказать? Как только мы заканчивали, ты бежал в ванную, чтобы

привести себя в порядок!

— Почему ты не говорила, когда мы не были в постели? — лицо Такера немного покраснело.

Хорошо, ему должно быть стыдно.

— Боже, я не знаю! Казалось, что это было рутинной для нас, и ты был счастлив с этим. Я не хотела портить сложившееся положение вещей. — Я положила руки на голову. — Ааа, это в любом случае не имеет значения, Такер. Все кончено.

Он потянулся ко мне, но я отступила.

— Не говори так, Миа. Дай мне попытаться еще раз. Я люблю тебя, и я могу сделать все лучше.

Я вскинула руки и застонала в потолок.

— Нет! Это так раздражает! Этот разговор мог быть у нас две недели назад, Такер. *Нс ты ушел.*

— Я сожалею об этом, правда. И я проделал весь путь сюда, чтобы умолять тебя о еще одном шансе. — Он даже сложил руки вместе. Я хотела ударить его.

— Когда ты приехал? Сегодня?

— Да, около десяти утра. Где ты была?

Я смотрела ему прямо в глаза.

— У меня была небольшая поездка по стране.

Он опустил руки.

— Ох. Ты была одна?

Я подняла подбородок. Это было не его дело.

— Да.

— Этого не было в нашем маршруте, не так ли?

Я почти рассмеялась.

— Нет. Я сделал несколько корректировок в маршруте, когда поняла, что буду здесь одна.

— Ну, теперь я здесь. — Он подошел ко мне, как будто снова хотел обнять меня, и я подняла руки.

— Нет. Если ты хочешь остаться здесь, хорошо. Я пойду куда-нибудь в другое место. Или поеду домой. Но это не совместная поездка, Такер. — Я помахала руками вперед-назад между нами. — Потому что мы больше не вместе.

— Пожалуйста. Дай мне еще один шанс, Миа. — Он снова опустился на колени, прямо передо мной, и положил руки мне на бедра. — Я сделаю все, что ты хочешь. Ты хочешь пойти на консультацию к психологу? Хорошо, я пойду. Я буду более безрассудным с тобой в постели. Я обращался с тобой с осторожностью, потому что знал, что хочу, чтобы ты стала моей женой — я думал, тебе нравится это. Я поставил тебя на пьедестал, которого ты заслуживала. Я видел, как парни обращаются со своими женщинами в порно, я не хотел быть таким.

Я закатила глаза.

— Есть большая золотая середина между пьедесталом и порно.

— Мы разберемся с этим, Миа. Просто скажи, что мы снова попытаемся, пожалуйста. Я хочу, чтобы ты была моей женой. Я хочу жениться на тебе. Я хочу семью, о которой мы говорили.

Я скрестила руки.

— И почему этот раз будет отличаться, а? Что такого случилось, что сейчас будет отличаться от того, что было две недели назад?

— Я понял, какой будет жизнь без тебя. И я возненавидел это. — Он посмотрел на меня огромными голубыми глазами, и я почти почувствовала, как мой фундамент начинает трескаться. Затем он уткнулся лбом мне в живот. — Я так сожалею, детка. Пожалуйста, дай мне еще один шанс.

Стук в дверь испугал нас обоих.

Такер поднял голову и странно посмотрел на меня.

— Ты кого-то ждешь?

— Нет.

— Миа? — закричал мужской голос через дверь. Я перестала дышать. Голос был похож на голос Лукаса, но что ему здесь делать? И святое дерьмо, как неловко! Я знала, что мне лучше ответить, прежде чем это сделает Такер.

— Просто дай мне секунду. Оставайся здесь.

Я поспешила к двери, мои нервы были на пределе. Когда я открыла ее, там был Лукас, который выглядел беспокойно и очаровательно. Прежде чем у меня появился шанс что-нибудь сказать, он начал:

— Ладно, вот что. Я не отпускаю тебя.

Мое сердце перестало биться на секунду.

— Что?

Он схватил мою руку.

— Я не отпускаю тебя. Я не отпускаю тебя из своей жизни без того, чтобы ты дала мне шанс сделать тебя счастливой.

— Лукас, я...

— Просто послушай. Я ехал до своей квартиры, и это была самая несчастная поездка на поезде. Я просто продолжал думать, что ты должна быть рядом со мной. Сегодня открыт блошинный рынок, и я подумал: «О, я должен отвезти ее сюда». Или я думал, что она хотела увидеть замок, я должен отвезти ее в Версаль, прежде чем она уедет. Но потом я понял, что не могу, потому что ты не позволишь мне. И это был как удар под дых. Я не мог дышать.

Я посмотрела через плечо.

— Лукас, — прошептала я. На самом деле это больше было похоже на поскуливание.

— Я не закончил. Потому что затем я вошел в свою квартиру, и это было отстойно. Не было ничего, что не напоминало бы мне о тебе — ни моя кухня, ни мой диван, ни моя кровать, ни мой душ. Ничего. И я понял кое-что еще — я не могу отпустить тебя. Я не хочу. И...

— Миа, что происходит? Кто там у двери?

Это был один из тех моментов, когда кажется, что события происходят в замедленном движении — я знала, что Такер стоял позади меня, и была уверена, что этот выпендрожник даже не потрудился застегнуть рубашку, потому что я наблюдала, как теплый и искренний взгляд Лукаса сменился на шокированный. Он отпустил мою руку, и секунду спустя я ощутила другую на своем плече.

— Детка? Кто это?

— Эм... — Черт! Что я должна сказать? Я не могла оторвать глаз от разворачивающейся катастрофы, когда Лукас понял, кто был в моем номере, и соединил все кусочки. Он пришел к неверному заключению, но мой язык застрял там же, где и мозг. Я не могла думать, не

могла говорить.

— Я никто, — ответил Лукас, его глаза вернулись ко мне. — Просто друг. Миа, я думал, что ты захочешь кофе, но вижу, что ты занята. Ты должно быть Такер?

Боже, он прикрывал меня. Я почувствовала стыд.

— Да. Такер Бренч. А ты? — Такер, с ноткой сомнения в голосе, протянул руку Лукасу.

— Лукас Фурнье. Миа много говорила о тебе.

Глоток.

— Ну, — Я слышала удовольствие в голосе Такера, — только хорошее, я надеюсь. Хотя, я не могу представить почему. В последнее время я не делал ничего такого, чем можно было гордиться. Но я собираюсь исправить это. — И этот ублюдок приобнял меня. — Как вы познакомились?

Прочь! Прочь из его объятий! Ты даешь Лукасу ошибочное представление! Но я застряла внутри железной хватки Такера, и все что я могла делать — умолять Лукаса глазами уйти и позволить мне объяснить позже.

— Эм, я бармен. Миа зашла в мой бар в первую ночь, когда была здесь, и я рекомендовал ей несколько достопримечательностей, — голос Лукаса был безжизненным и пустым.

— Мило. Какие?

— Кладбище Пер-Лашез, Нотр-Дам. — Он смотрел на меня, когда говорил это, и все флиртующее, романтическое напряжение, что закипало на медленном огне, пока мы проводили вместе первый день, ударило в меня в полную силу. Мышцы моего живота сжались, и все что я хотела — это сбросить руки Такера и броситься в объятия Лукаса. — Музей Родена.

Музей Родена.

Воспоминания о второй половине дня, как мы тогда провели ее, было достаточно, чтобы начать действовать. Я убрала руки Такера от себя.

— Да, и я полюбила все их.

— Ох, ты уже ходила? Хорошо, это значит, что мне не нужно ходить с ней по музеям. — Такер рассмеялся и взъерошил мои волосы. — Она любит скучные, старые вещи, а я нет. Ну, спасибо, что был добр к ней. Миа, ты хочешь открыть свой подарок сейчас? Это от «Шанель», — пропел Такер.

Я никогда не была так раздражена на него. Мое лицо горело от негодования.

— Нет, Такер, просто подожди, пожалуйста. Лукас...

Но он уже отступал от двери.

— Никаких проблем, Миа. Я вижу, что ты уже в порядке. Я отпущу тебя.

И он отвернулся от меня и помчался по коридору к лифту.

Нет! Не уходи!

Я вскинула руки к голове и глубоко дышала, злясь на себя, на Такера, на вселенную, за плохой расчет времени, когда все это случилось: гребаное извинение Такера, появление Лукаса у моей двери, внезапное решение Такера сыграть роль обеспокоенного жениха. Я захлопнула дверь и повернулась к нему.

— Ты не можешь просто приехать сюда и ждать, что я вернусь! — закричала я. — Ты не заслужил второго шанса.

— Все заслуживают второго шанса, Миа. — Его лицо помрачнело. — Кто это был? Между вами что-то было?

— Он просто друг, — сказала я печально. — Он был здесь для меня, когда ты — нет. — И он вернулся за мной. Он сказал, что не может дышать без меня и не собирается отпускать меня.

Но он отпустил.

«Потому что он подумал, что ты вернулась к Такеру!» — закричал внутренний голос, который внезапно оказался на стороне Лукаса.

— Ну, сейчас я здесь. — Такер подошел ко мне и положил руки на мои плечи. — И обещаю, что компенсирую все то время, когда меня не было. — Он прикоснулся своими губами к моим, и это в какой-то степени оттолкнуло меня. Я отвернулась.

— Нет.

Такер вздохнул.

— Как насчет того, чтобы открыть твой подарок? — он подошел к столу и поднял коробку «Шанель». — Я поехал прямо в магазин, даже не заезжая в отель. Я думал, что ты будешь здесь, и я хотел купить это, чтобы удивить тебя. — Он протянул мне коробку. — Я знаю, что это не компенсируют то, через что я тебя провел, но я просто хотел показать тебе, что думал о тебе, и собираюсь упорно трудиться, чтобы вернуть тебя.

Я вздохнула. Отступив, я села на банкетку у подножия кровати. Он положил коробку мне на колени, я открыла ее и обнаружила прямоугольную бледно-розовую сумку с металлическим перекрестом, надписью: «Шанель» и золотыми цепочками. Она была прекрасна.

Но я не хотела ее.

— Такер, это очень красиво, и это прекрасный подарок. Но я не могу принять его.

— Почему нет?

— Потому что мы не будем вместе.

— Не говори так, Миа, пожалуйста. — Он снова опустился рядом со мной. — Мы так много всего планировали. Я все еще хочу этого. Я просто струсил, клянусь. Я был дураком, и я никогда больше не буду принимать тебя, как само собой разумеющееся. Я сделаю тебя счастливой, Миа.

Я посмотрела на его лицо, то, которое только пару недель назад заставляло мое сердце трепетать. То, на которое, я думала, буду смотреть каждое утро, каждую ночь, потому что оно было таким красивым. Но голубые глаза просто холодно на меня смотрели, и аккуратно подстриженные волосы были не тем, чего я хотела. Идеальная симметрия лица казалась неинтересной, и даже высокое, мускулистое тело не содержало былого очарования. Я

опустила взгляд на его голую грудь и почувствовала только грусть — за Лукаса и даже за Такера из-за его провальной попытки вернуть меня.

Он делал это лучшим способом, который знал: цветами, деньгами и дорогими подарками, но это было не то, чего я хотела. Я хотела, чтобы он сказал: «Конечно, я пойду с тобой в музей, конечно я пойду с тобой на блошинный рынок, и вот та книга, о которой я тебе говорил...»

Я хотела Лукаса.

— Такер, ответ все еще «нет». Ты был прав, что отменил свадьбу. Мы не сделаем друг друга счастливыми.

— Ты даже не дала мне шанса, — скулил он. — Я проделал весь этот путь к тебе.

— Мне жаль насчет этого, но ответ все еще «нет». — Теперь, когда голос вернулся ко мне, он был уверенным. — Ты можешь остаться здесь, если хочешь, я найду другой номер.

— Как ты сможешь позволить себе это? — резко сказал он, поднимаясь на ноги.

— Тогда я найду что-то другое. — Внезапно я испугалась, что он оставит меня со счетом за этот номер. Как, черт пробери, я буду платить?

— Ладно. — Такер наконец начал застегивать свою рубашку. — Но я думаю, что ты передумаешь. Ты осознаешь, что никто не будет обращаться с тобой лучше, чем мог бы я, Миа. Ты потеряешь все, что мои деньги могут купить. У тебя могла быть великолепная жизнь, легкая жизнь.

Боже, я правда произвела на него такое жалкое впечатление? Что меня заботит только благосостояние?

— Я не хочу легкой жизни, я хочу счастливой жизни. И она не с тобой. — Поднявшись, я оглядела комнату. — Мне нужно немного времени, чтобы собраться.

Он убрал руки от пуговиц.

— Не уходи, — сказал он, его подход снова сменился. — Возьми немного времени. Подумай об этом.

— Мне есть много, о чем подумать, Такер. Можешь быть уверен.

Он выглядел удовлетворенным, вероятно, потому что полагал, что ни одна женщина не будет отказываться от жизни с ним, как только еще немного все взвесит.

— Хорошо.

— Могу я попросить тебя оставить меня одну, пока я собираюсь?

— Ох, эм... Думаю, да. Я спущусь в ресторан. Как я узнаю, если — я имею в виду, когда — ты изменишь свое мнение? — он сверкнул своей улыбкой миллионера-сердцеда.

Угомонись, Такер. Я больше не та девушка.

— Если я не вернусь сегодня сюда, тогда я свяжусь с тобой в Детройте.

Он побледнел на мгновение.

— Ты собираешься домой?

— Я еще не знаю, Такер. Я не знаю, что буду делать. — Черт, это была правда. Когда я упакую свои вещи, я понятия не имела, куда идти. Попытаться найти Лукаса? Просто улететь домой? Найти новый (дешевый) отель?

В то время, как я доставала свой большой чемодан из шкафа, Такер воспользовался ванной и закончил одеваться. Прежде чем уйти, он поцеловал мою руку и сказал:

— Все заслуживают второго шанса, Миа. Даже я.

Это было правдой? Когда я сложила одежду и перепаковала обувь и туалетные принадлежности, я задумалась, не была ли слишком сурова к Такеру. В конце концов,

казалось, что он был искренен. Он звонил мне на прошлой неделе, затем он проделал весь путь сюда, он сказал правильные фразы — ну, большинство правильных фраз. Он был молод, красив и успешен, и сказал, что любит меня. Он сожалел о том, что сделал. Он даже хотел того же, что и я. Я была сумасшедшей, отказывая ему во втором шансе?

Так же быстро, как появилась, мысль рассеялась. Потому что, даже если было правдой, что он заслуживал второго шанса — и решение еще не было принято — я больше не хотела жизни с Такером, я не любила его.

Я любила Лукаса.

Завалившись на кровать, я уставилась в потолок и почувствовала боль в груди, которая угрожала уничтожить меня каждый раз, когда я думала, что не увижу Лукаса снова. Но что я должна делать? Мне нужно с кем-то поговорить. Перекатившись на бок, я подняла телефон и набрала номер Коко.

— Алло?

— Привет. — Я едва смогла сказать слово, прежде чем начались рыдания.

— Привет! О боже мой, что не так?

— Всё. Всё испорчено, Коко. Я не знаю, что делать. — Я легла на спину и ощутила, как горячие слезы текут из уголков глаз.

— Расскажи мне всё, милая.

Я сделала вдох и снова пустилась во всю историю с Парижа до Воклюза и снова назад, закончив тем, что нашла раскаявшегося Такера в своем номере.

Она ахнула.

— Ты, черт побери, шутишь!

— Нет. Он был здесь, без рубашки, извиняясь, и с подарками, — сказала я хмуро.

— Без рубашки?

— Он изменился. И затем прямо в середине его большой «Извини За То, Что Был Таким Придурком» речи, Лукас постучал в дверь и сказал, что не может меня отпустить.

— О боже мой, Миа. Это как в мыльной опере!

— Я знаю. И прежде чем он закончил то, что говорил, появился Такер — в расстегнутой рубашке, заметь — и начал вести себя, как будто мы снова вместе. И я не знаю, что делать!

— полились свежие слезы. — Сейчас Лукас, вероятно, думает, что я вернулась к Такеру, но я не возвращалась! Я хочу Лукаса, но не могу получить его! — я так сильно заплакала, я едва могла видеть, а мой нос тёк как у четырехлетки.

— Ладно, шшш, давай поговорим об этом, — успокаивала Коко. — Все будет в порядке.

— Как? — выла я.

— Мы разберемся в этом, милая. Боже, я бы хотела, чтобы Эрин была здесь. Она лучше в этих вещах, чем я, но я постараюсь придумать, что она бы сказала в этой ситуации. Ладно. Во-первых, ты хочешь вернуть Такера?

— Нет, — я была полностью уверена.

— И ты уверена? Даже если он, и правда, серьезен в том, что хочет изменить свое поведение и снова попытаться?

— Даже в этом случае. Я больше не люблю его. И знаешь, что? — я фыркнула, когда осознание осенило меня. — Я полностью простила его. Я больше не злюсь на него, я знаю, что он сделал все правильно. Может, то, как он сделал это, было дерьмово, но все равно. У меня не было бы силы отменить все, и я рада, что у него была.

— Ладно, это хорошо. Никакой злости, плюс прощение — это прогресс. Что насчет

Лукаса?

Я вздохнула.

— Я думаю, что влюблена в него. По-настоящему.

— Ты любишь его?

Я улыбнулась сквозь слезы.

— Да, я люблю его.

— Что, ты думаешь, он чувствует?

— Я не уверена, в смысле, он не сказал, что любит меня или что-то подобное, но он был прерван прямо в середине того, что звучало, как многообещающая речь. Но Коко, он не хочет жениться. Он не хочет семью.

— Как ты узнала это?

— Потому что он сказал мне. Прежде чем мы признали, что у нас есть чувства друг к другу, он сказал, что никогда не хочет жениться. И даже потом, когда мы поговорили о том, что чувствуем, он сказал, что не может ничего обещать.

— Ну, что, черт побери, он должен пообещать?

Я моргнула.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, ты только что встретила этого парня, всего шесть дней назад.

— Пять.

— Верно, пять. И вы сразу влюбились, так быстро, что у вас, вероятно, даже не было времени дышать.

Я выдохнула.

— Да. Дышать здесь было трудно.

— И он сказал тебе, что у него есть чувства к тебе, чувства, которых никогда не было ни к кому другому, даже хотя он встречался кое с кем годы. И он хочет попытаться, чтобы между вами что-то получилось, даже если между вами большое расстояние, и он знает, что ты ненавидишь летать, что означает, что он часто будет к тебе ездить.

— Ну, да. Думаю, да, но...

— И ты ждешь, что он осознает все чувства, скажет, где вы, ребята, будете через год или шесть месяцев и также даст обещание, что подумает о женитьбе прежде, чем вы даже попытаетесь встретиться?

Когда она сказала это, я почувствовала себя глупой и требовательной. Но разве мои чувства не были обоснованными?

— Я не просила его делать предложение или что-то подобное. Я просто спросила, пересмотрит ли он свою точку зрения о браке... Это справедливо, так?

— Я не знаю, Миа. Я имею в виду, я люблю тебя, ты знаешь. И я хочу, чтобы у тебя было все, что ты хочешь. Но твои требования в этом вопросе немного чрезмерны.

— Это не требования, это мечты! — Коко говорила, как Лукас, и это злило меня. — У меня могут быть мечты

— Успокойся, Миа. Да, у тебя могут быть мечты. Но если всё, что имеет значение в твоих мечтах — это выйти замуж и иметь красивый дом и семью, честно говоря, ты просто можешь выйти замуж за Такера и покончить со всем этим. Но я знаю тебя — ты хочешь большего.

Она была права. Я хотела большего. Прикусив губу, я пыталась найти слова, чтобы защитить свою точку зрения, но не могла.

— Смотри, — продолжила она, — вспомни наши первые сумасшедшие схемы, как начать свой собственный бизнес? У нас были эти смехотворные планы, и мы представляли свой офис в роскошном пентхаусе, планируя праздник за праздником для высокомерных людей с толстыми кошельками. Но все пошло не этим путем, так?

— Поначалу нет, — признала я. — Но какое это имеет отношение к этому?

— Потому что наши мечты начали воплощаться в реальную жизнь. Мы брались за любой заказ и работали в твоей квартире, и у нас не было настоящих денег в течение целого года-полтора. И честно говоря, мы не были уверены будем ли когда-нибудь делать деньги — у нас была вера в наш талант и желание работать, это все что было. Никаких обещаний успеха.

— Но у нас все было продумано, — сказала я, хотя уже начала понимать связь. — Мы наметили бизнес-план в мельчайших деталях. У нас были проекты. У меня были списки! С Лукасом у меня нет ничего. Ничего! Это пугает меня.

— У вас есть все, что нужно, чтобы действовать, Миа. — Острота в ее голосе исчезла. — У вас есть чувства, у вас есть желание попытаться, у вас есть чертовски фантастический секс.

— Да, так и есть. — Просто думать об этом, заставляло мою кровь нагреваться.

— Ну, тогда оставь все эти проекты и долбанные списки. Я думаю, что он заслуживает немного веры. Я думаю, что ты должна дать ему шанс. В конце концов, может, ты даже не захочешь выходить за него замуж, после того как немного повстречаешься с ним. Как ты можешь точно знать, что будешь чувствовать в будущем?

— Боже, Коко. Ты правда приняла его сторону? — я наполовину дразнила, но ее ответ был серьезным.

— Я на твоей стороне, и ты знаешь это. Я бы никогда не сказала тебе делать это, если бы думала, что ты этого не хочешь. Но я слышу это в твоем голосе, Миа. Ты хочешь его. И нет никаких причин, чтобы ты не могла получить его. Если то, что есть между вами, окажется таким удивительным, как и звучит, тогда вы найдете способ, чтобы все получилось. Забудь о замужестве и семье, и просто узнайте друг друга получше. Отдайся любви полностью, позволь судьбе взять все на себя.

Снова судьба.

— Ты правда веришь в это?

— Верю. Все случается по определенным причинам, Миа. Ты знаешь, у меня есть предчувствие насчет таких вещей, и я всегда чувствовала, что ты должна быть в Париже на этой неделе. Просто до этого момента я не знала, почему. Иди найди его.

Бабочки в моем животе затрепетали. Я на самом деле сделаю это? Я была напугана, но мысль о том, чтобы начать неизвестное путешествие с Лукасом, также была волнительной. Нет ничего невозможного.

— Ладно. Я найду.

Она завизжала мне в ухо:

— Умничка! Позвони мне, как сможешь, хорошо? Эрин все еще планирует забрать тебя во вторник, поэтому дай мне знать, если что-то изменится.

— Как например, если я решу переехать в Париж?

— Даже не шути насчет этого, — сказала она серьезно. — У нас здесь бизнес, и без тебя я потеряна. Вернись назад сюда во вторник.

Мы повесили трубки, и я на секунду села на кровать. Мое сердце билось слишком

сильно. Я положила одну руку на него, сделала вдох и выдохнула. Миллион мыслей пронеслись в моей голове — мне нужен был план, список. Да, он. Я все еще слышала наставление Коко перестать писать эти долбаные списки, но они успокаивали меня, и сейчас мне нужно было что-то, что чувствовалось хорошо знакомым.

Список Дел, Чтобы Перевернуть Жизнь Вверх Дном:

1) Принять извинения Такера. Попрощаться.

2) Найти Лукаса. Признаться в любви.

3) Найти место, чтобы остаться. (Если все пройдет хорошо с первым пунктом, возможно, будет в порядке и с этим)

4) Заняться сексом с Лукасом.

5) Сделать это снова. Много раз. И делать это три дня подряд.

Посмотрев на себя в зеркало в ванной на случай, если Такер снова решит показаться, я помылась и переоделась, набросив на плечи розовый свитер, о котором Лукас помнил с кладбища. Как только мои волосы высохли, я закончила собирать вещи и повторяла свой список снова и снова. Номер один вызывал во мне небольшое чувство тошноты, но пункты со второго по пятый заставляли меня каждый раз широко улыбаться.

Боже, я любила списки. Я никогда. черт побери, не остановлюсь.

Оглядев номер одним последним взглядом, чтобы убедиться, что я ничего не забыла, я открыла дверь и вышла без сожалений.

Ну, может с одним.

Эта сумочка «Шанель» была восхитительна.

— Ты совершаешь ошибку. — Такер поставил свою чашку кофе и посмотрел мне прямо в глаза.

— Может быть, — сказала я, выдохнув, — но это будет моя ошибка.

Он уставился на свою руку, в которой держал чашку.

— Скажи, что ты хочешь услышать. Я скажу это.

— Что ты уважаешь мое решение и оставишь в покое. Что ты найдешь кого-то другого и будешь обращаться с ней лучше с самого начала. — Я положила руку ему на запястье. — Что ты полюбишь кого-то больше, чем любил меня. И ты покажешь ей это.

Такер посмотрел на меня и убрал мою руку.

— Я все еще люблю тебя. И я сожалею.

— Я принимаю твои извинения. И я не злюсь.

Медленно кивнув, он выглядел таким несчастным, что я почти почувствовала себя нехорошо. Почти.

— И, совет, Такер. Не размещай дерьмо со своими похождениями в социальных сетях. Это жалко.

Его светлое лицо стало красным.

— Боже. Мои друзья такие придурки.

— Я бы сказала, что они только разделяют ответственность... Прощай, Такер.

Он ничего не сказал, просто продолжал смотреть на свой кофе, вероятно, в шоке, что был отвергнут. Бедный парень, вероятно, такого с ним прежде не случалось.

Первый раз во всем.

#

Я подумывала о том, чтобы оставить багаж на хранении в «Плазе», но в конце концов решила тащить его с собой в «Бивер». Если с Лукасом все получится не очень хорошо, я отправлюсь прямо в аэропорт, ну а если все пройдет хорошо... мой желудок сжался... может, я смогу отправиться прямо в его квартиру.

Снова был дождь, поэтому вместо с того чтобы тащиться по дождю до метро со всеми своими вещами, я взяла такси до «Бивера». Было только пять часов, и я понятия не имела, во сколько начинается его смена, но если его там нет, я разожгу гребаный костер и буду ждать. Я буду ждать его всю ночь.

Несмотря на уверенность в своем решении, мое беспокойство вернулось, как только я увидела знакомый навес и табличку. Я вспомнила, как стояла перед ней в свой первый вечер здесь, и как сильно я боялась войти внутрь и обнаружить кучу влюбленных парочек. И сейчас я здесь, собираюсь войти, признаться в любви и броситься в объятия Лукаса. *Может, годы спустя, мы будем рассказывать эту историю нашим детям.*

Ох! Прекращай! Никаких детей!

Я заплатила водителю, и он помог мне вытащить сумки на тротуар, затем оставил меня жутко нервничающую стоять там под дождем, стекающем с волос.

Давай, Миа. Будь храброй.

Но мне нужна была минута. Наполнив легкие влажным воздухом, я вдохнула и

выдохнула, успокаивая себя. И впервые я увидела еще один бар рядом с «Бивером», который назывался «Petite» (прим. пер. с фр. — маленький). Он выглядел более высококлассно, изящно, чем бар Лукаса. В действительности, если бы я выбирала между ними двумя на основе внешнего вида, я никогда не выбрала бы «Бивера». Но я даже не заметила его вечером в понедельник. На самом деле, я даже не осматривалась вокруг. Я остановилась перед «Бивером», прочитала надпись и вошла.

Может, Коко права насчет судьбы. Я потянулась к двери.

Теперь, если бы это было кино, эта сцена была бы великолепной. Героиня открывает дверь, врывается с развеваемыми ветром волосами, запыхавшаяся и безнадежно красивая, герой шагает вперед и заключает ее в объятия. Затем следует поцелуй.

Мой вход в «Бивер»? Не совсем такой.

Начнем с того, что гребаная дверь была тяжелой, и я пыталась придержать ее, пока тянула два чемодана, но моя нога не была достаточно сильной. Я неуклюже боролась несколько минут, ощущая, что все в этом месте смотрят на меня. Дерьмо, почему я думала, что тащить свой багаж, было хорошей идеей? Влага с моих волос стекала на глаза, и у меня не было свободной руки, чтобы вытереть лицо, поэтому к тому времени как мне удалось протиснуть свой глупый багаж и себя через дверь, я выглядела как мокрая курица, и ничего не видела, а один из моих тяжелых чемоданов опрокинулся, блокируя выход.

Я вытянула руку за ним, споткнувшись о другой чемодан, но умудрилась поставить его прямо и затащить себя и свой багаж дальше в бар. *Боже мой, пожалуйста, не дай ему увидеть это.*

Но он увидел. Конечно же увидел, все увидели.

После того как я вытерла капли со своего лица, я оглядела бар, и мое сердце было готово взорваться в груди от его вида. Его глаза были широко раскрыты от удивления, но я также видела намек на веселье.

— Привет, — сказала я.

— Привет. — Он остался там, где был, наполняя стакан у крана.

— Я ищу кое-кого. — Я пошла к нему, оставив сумки там, где они и стояли.

Он поставил пиво перед клиентом, который с интересом наблюдал за разворачивающейся сценой.

— Да?

— Да, и я нашла его. Это ты.

— Ты уверена в этом? — Лукас схватил чистое полотенце из-под барной стойки и бросил мне.

Я вытерла лицо и кивнула.

— Абсолютно, Лукас.

Его взгляд смягчился.

— Дай мне одну минутку. — Он исчез за дверью в конце бара, а я пыталась оттащить свои сумки подальше от прохода. В этот момент он появился рядом со мной.

— Миа.

Я планировала извиниться, объяснить, что Такер делал в моем номере, рассказать Лукасу, что я люблю его и хочу попытаться построить отношения, но когда он встал передо мной и сказал мое имя так, как будто боялся, что я ненастоящая, все слова испарились.

— Нечего сказать? Это не похоже на тебя. — Он улыбнулся, перед тем как потянулся к моему багажу и убрал его с прохода под барную стойку.

— Извини. — Я хлопнула руками. — Я... взволнованная. — *Господи, Миа, возьми себя в руки.* — И мокрая.

Он ухмыльнулся.

— Теперь ты любишь дождь, помнишь?

От воспоминания, как мы целовались под дождем, мои губы растянулись шире.

— Я люблю его, когда я с тобой. И я хочу быть с тобой все время.

— Да?

Я кивнула, мое сердце увеличилось в груди.

— Да, мне жаль, что я прогнала тебя до этого. Появился Такер, и я была в процессе того, чтобы отвергнуть его, когда ты...

— Он хочет вернуть тебя? — взгляд Лукаса стал суровым.

— Да. Но мне это не интересно. — Я сделала глубокий вдох. — Я хочу тебя, Лукас. Я хочу попытаться, чтобы между нами что-то получилось, потому что я влюблена в тебя.

Вместо того чтобы что-то сказать, Лукас обхватил мою голову руками и обрушил свой рот на мой. Он держал меня так мгновение, когда несколько случайных посетителей «Бивера» аплодировали и улюлюкали.

— Да, Лукас! — закричал громкий мужской голос.

Я не смогла сдержаться и рассмеялась, и Лукас разорвал поцелуй.

— У нас есть парочка зрителей, — сказала я.

Он закатил глаза.

— Это мои друзья.

— Представишь меня?

— Конечно. Пойдем сядем. Ты... где ты остановишься теперь? — он смотрел на меня с беспокойством.

Я пожала плечами.

— Не уверена. Может, ты можешь порекомендовать отель немного более дешевый, чем «Плаза»? У меня еще три ночи здесь. — За спиной я скрестила пальцы.

— Как будто я позволю тебе остаться где-нибудь еще, кроме как со мной. У тебя есть только три дня, и я хочу провести каждый свободный момент с тобой. Если ты хочешь меня.

Я просияла, все мое тело покалывало.

— Я хочу тебя.

Он притянул меня в объятие, зарывшись лицом в мои мокрые волосы.

— Боже, я люблю твой запах, — сказал он тихо. — Я не могу дождаться, чтобы остаться с тобой наедине.

В точности мои мысли.

#

После бургера, картошки фри и нескольких бокалов вина, я села в такси с ключами Лукаса в моем кармане. Он встретится со мной в его квартире после своей смены.

Оказаться в квартире Лукаса без него, ощущалось странным, но волнующим. Если бы я не была так истощена, я возможно поддавалась бы соблазну немного исследовать его квартиру, чтобы узнать его лучше, но в мгновение, когда я оказалась внутри, я пошла прямо в постель и рухнула, лицом в подушку.

Я проснулась два часа спустя, и часы Лукаса на прикроватной тумбочке показывали, что

было почти одиннадцать. Его смена заканчивалась в полночь, поэтому я подскочила с кровати и побежала в душ. Я хотела быть готовой и ждать его, когда он вернется домой.

В тот момент, когда я, голая, шагнула под струи воды, я была охвачена яркими воспоминаниями и реакция моего тела была инстинктивной. Я закрыла глаза и прислонилась к стене, пока моя рука кружила по чувствительному местечку. Пар увеличивается. Мокрые тела скользят друг об друга. Горячая спина у холодной плитки. Лукас погружается в меня.

Ох, черт.

Я была так возбуждена, что почти потерялась в ощущениях. Только мысль о скором приходе Лукаса заставила меня схватить шампунь, вымыть волосы, намылиться и смыть все так быстро, как возможно.

Когда я обсохла, я натерла все тело лосьоном и высушила волосы. Молясь, чтобы он не пришел раньше, я накрутила небольшие бигуди и пошла в комнату одеваться.

Не то чтобы на мне будет много надето, когда надо будет открывать дверь.

Из чемодана, что я поставила на скамейку у окна, я вытащила нижнее белье «Aubade». Я натянула трусики и посмотрела на отражение в зеркале. Черные и кружевные, они плотно сидели как шортики на моих бедрах, но на самом деле, были стрингами. Я повернулась, чтобы посмотреть на свою задницу и ухмыльнулась, когда подумала о реакции Лукаса. Затем я натянула лифчик и завела руки за спину, чтобы застегнуть. Чашечки, отделанные белым кружевом, связаны вместе между моими грудями, и я представила, что Лукас развязывает маленький черный атласный бант.

Зубами.

В ванной я нанесла макияж: тональный крем, карандаш для глаз и тушь. Не воспользовавшись карандашом для губ, я нанесла кокосовый бальзам и сжала губы вместе. После того как убрала бигуди с волос, я наклонила голову вперед и потрясла ею. Я хотела выглядеть, будто я была только с постели, даже несмотря на то, что это именно то место, куда, я надеялась, направлюсь. Я зажгла свечи на кофейном столике и нашла еще немного в кухонном шкафу, которые поставила на тумбочке у кровати.

Вот. Подходящая атмосфера.

Я как раз обувала свои черные туфли на шпильке, когда услышала стук. Последний раз посмотревшись в зеркало, я выключила свет и направилась к двери.

— Да? — спросила я, прежде чем открыла дверь. Лучше убедиться, что это на самом деле он, прежде чем открывать дверь в нижнем белье и на шпильках.

— Это я.

Это ты.

Я повернула замок и открыла дверь.

— Привет.

Его челюсть отвисла.

— О боже мой.

После минуты тишины, он подошел ко мне, захлопнув за собой дверь. Я рассмеялась, когда он подхватил меня и понес как ребенка прямо на диван, где он положил меня на спину и встал.

— Господи. Дай мне посмотреть на тебя.

Я приподнялась на локтях и подогнула колени, немного расширив их, наслаждаясь тем, как его грудь вздымалась под рубашкой, когда его глаза медленно осматривали мое тело

сверху вниз и обратно.

— Черт, — выдохнул он. — За всю жизнь я не видел ничего подобного. Я могу смотреть на тебя всю ночь.

Я ухмыльнулась.

— Нет, не можешь.

Он застонал.

— Ты права. Я не могу.

Я вытянула руку и погладила его через штаны. Он уже был твердый.

— И я бы не хотела, чтобы ты это делал.

— Ах. — Он схватил меня за запястье. — Это чувствуется так чертовски хорошо, но я хочу минутку поговорить.

Я села, опустила ноги на пол и потянулась другой рукой к его ширинке.

— Давай поговорим позже.

Он снова застонал.

— Ты убиваешь меня, просто подожди одну минутку. — Он взял обе мои руки в свои и потянул меня на ноги. — Я хочу сказать тебе кое-что.

— Лукас, все в порядке. — Я обняла его руками за талию. — Я не прошу тебя ничего говорить, давать обещаний. Я просто хочу быть с тобой. — Я приподняла подбородок и поцеловала его.

— Миа. Я хочу дать тебе обещание прямо сейчас. Послушай. — Он положил одну руку на мое лицо. — Я понял много всего сегодня днем, когда думал, что могу никогда не увидеть тебя.

— Например? — спросила я, прижав щеку к его ладони.

— Например, что я влюблен в тебя. И не могу позволить тебе уйти. Я дурак, когда сказал тебе, что никогда не буду что-то делать, когда я понятия не имею, что будет в будущем. Я изменил свое мнение. Все возможно для нас.

Все мое тело источало радостную энергию от его слов. Я кивнула.

— Все возможно.

Наши губы встретились, и я поприветствовала его язык у себя во рту, скользя руками под его футболку. Его кожа была горячей, и я не могла дождаться, чтобы почувствовать его на мне.

— Ммм, подожди, — сказал он, когда я пыталась снять его футболку. — Я не закончил смотреть на тебя.

Он двигал нас вперед, пока мои ноги не коснулись дивана, и я не села, смотря на него сквозь ресницы.

— Что ты хочешь увидеть?

— Много всего. — Его глаза снова осмотрели меня. — Черт, какая ты сексуальная. Ты правда уезжаешь через три дня? Как я смогу получить достаточно тебя до этого?

Я выпрямилась и обхватила коленями его ноги, двигаясь к краю дивана. На этот раз он позволил мне расстегнуть его штаны.

— Я не знаю. Но я с нетерпением жду, что ты попытаешься. Хочешь посмотреть на меня?

— Ты знаешь, что хочу. — Он втянул воздух, когда я взяла его член в рот. Я использовала свои руки, губы и язык, действуя так, как он любит, и ахнула, когда он запустил руки мне в волосы.

— Да, потяни их, — прошептала я, облизывая его от основания до кончика, затем проведя языком по его гладкой розовой головке. Он схватил две густые пряди моих волос и сильно потянул, я вонзила пальцы в его бедра, дернув его в себя, глубоко, прямо до задней стенки горла.

Он застонал и держал мою голову так, как он хотел, вбиваясь в мой рот, и я любила то, как он взял все под свой контроль. Я чувствовала, что возбуждаюсь еще больше с каждым толчком между моих губ.

Внезапно он полностью высунул свой член из моего рта и толкнул мои плечи назад.

— Я должен попробовать тебя. Сейчас. — Он опустился на колени на пол передо мной и дернул меня к себе, так что моя задница висела на краю дивана. Я завела руку за спину, чтобы схватиться за спинку, закричав от первого поглаживания его языка по моим кружевным трусикам.

— Ты хочешь снять их? — спросила я между вдохами.

— Нет. — пальцами. он сжал мои бедра, а его рот ублажал меня через кружево, пока я не ощутила, какое оно мокрое. Затем он отодвинул трусики в сторону и порхал языком по моему клитору, сильно прижимаясь, прежде чем скользнуть медленными круговыми движениями. Мои глаза почти вывалились из глазниц, наблюдая, как он поглощает меня в свете свечей.

— О боже мой, — застонала я, вытянув руку, чтобы запустить в его волосы.

Он посмотрел на меня, но я смогла выдержать его взгляд всего пять секунд, прежде чем откинула голову назад и закрыла от наслаждения глаза.

— Да, — выдохнул он, — кончи для меня. — Он вытянул руку и развязал бантик между моими грудями, и лифчик упал. — Коснись себя.

Я потянулась к одной своей груди и сжала ее, прежде чем скрутить твердый, покалывающий сосок между пальцами.

Застонав, Лукас скользнул двумя пальцами в меня и щелкнул по моему клитору кончиком своего языка, прежде чем жадно его всосал. Мое тело двигалось по собственной воле, мои бедра раскачивались напротив его пальцев, и мои руки притянули его рот к моей плоти. Я снова открыла глаза, отчаянно желая увидеть, как кончаю под его ртом.

— Ты хочешь посмотреть на меня? — прошептала я, огонь поднимался во мне. — Смотри на меня сейчас. Смотри, как я кончаю. Лукас, о боже! — закричала я, когда оргазм прошел сквозь меня. Мои ноги оторвались от пола, колени притянулись к груди, пальчики поджались в моих туфлях на высоком каблуке.

В мгновение, когда пульсирующее блаженство убавилось, Лукас потянул меня на ноги и потащил меня к стене между окнами. Мои ноги были такими слабыми, что я едва могла стоять, я упала вперед, поддерживая себя на локтях. Он встал позади меня, и на своих каблуках я была идеального роста.

— Раздвинь свои хорошенькие ножки. — Его дыхание было горячим на моем плече.

Я сделала, как он сказал, и он отодвинул мои стринги в сторону, дразня меня кончиком члена у моей изнашивающей плоти.

— Ты хочешь мой член? — спросил он, входя в меня на сантиметр.

— Да, — я задыхалась. — Я хочу его.

— Скажи «пожалуйста». — Еще один мучительный сантиметр.

— Пожалуйста. Трахни меня, я хочу этого прямо сейчас. — Я посмотрела через плечо, и может, его заставило сдаться то, что он увидел мое лицо, он отказался от своих

поддразниваний и вошел в меня глубоко и жестко.

Я почти рассмеялась от того, как хорошо это ощущалось. Мой рот был широко открыт, когда он схватил мои бедра и потянул меня назад к его толчкам.

— Да, мне нравится вот так, — сказала я. — Я люблю, как ты трахаешь меня.

— Боже мой, я не смогу долго продержаться, — застонал Лукас.

— Хорошо, — я изогнула спину еще больше, выставляя задницу и сведя ноги вместе, чтобы сделать себя еще влажнее для него.

Ему, должно быть, понравилось это, потому что две секунды спустя, он выругался и сжал мои бедра сильнее своими пальцами, дернув меня назад, пока он пульсировал во мне. Я прислонилась к стене и закрыла глаза, наслаждаясь ощущением его освобождения внутри меня.

Когда все было закончено, он вытянул руку и притянул верхнюю часть моего тела к себе, его руки были скрещены на моей груди.

— Я люблю тебя. — Он оставил поцелуй на моем плече. — О боже, я люблю тебя. Я никогда не думал, что это случится.

Я обняла его за руки и улыбнулась.

— Я тоже. Но кое-кто однажды сказал мне, что Париж — волшебный. Я полагаю, он был прав.

Письмо Лукаса

Дорогая Миа,

Если ты не обманула и не заглянула раньше, ты читаешь это в самолете. Я знаю, ты волнуешься насчет полета, но не беспокойся. Все будет в порядке. (Боже, мой почерк очень корявый. Извини. Если бы я знал, как плохо это будет, я бы напечатал или еще как-нибудь. Но, как получилось).

Я хотел сказать тебе, как много эта неделя с тобой значила для меня. Никакие семь дней не ощущались такими короткими, но тем не менее, казалось, как будто я знаю тебя гораздо дольше. Время — странная штука, когда ты влюблен.

И я люблю тебя. Очень сильно.

Я обещаю, что вернусь в США в течение месяца или около того. Как только я буду в Нью-Йорке, мы сможем начать строить планы о том, чтобы увидеться — если ты не захочешь прилететь и увидеть меня, я буду на первом самолете до Детройта. Я не смогу долго ждать, чтобы снова обнимать тебя. Пожалуйста, позвони мне, как только будешь дома, чтобы я знал, что ты хорошо долетела.

И сейчас, когда я знаю, как сильно ты любишь списки и чувствуешь себя немного напряженной, я решил написать свой собственный список для тебя. Надеюсь, он заставит тебя улыбнуться.

Пять Событий Этой Недели, Которые Я Никогда Не Забуду:

1) Момент, когда ты ворвалась в бар в тот вечер, когда мы познакомились, выглядя одновременно великолепно и безумно. Я думаю, что уже тогда влюбился в тебя.

2) То, как светились твои глаза, когда я рассказывал историю об Абельяре и Элоизе, и приятный звук твоего голоса, когда ты вслух читала письма на вилле. Я продолжаю слышать его в своей голове: «Бог свидетель: никогда не искала я ни твоей славы, ни твоего положения, ни твоих заслуг, ничего другого, принадлежащего тебе — кроме тебя самого».

3) Первый раз, когда я поцеловал тебя, стоя на улице на углу Латинского квартала — я буду каждый день приходить на это место и думать о тебе.

4) Душ... Тогда я понял, что люблю тебя.

5) Смотреть, как ты спишь в первый вечер, когда ты осталась, и думать, каким счастливым я буду просыпаться с тобой каждое утро.

Знаешь что? Я не могу вместить всё в список из пяти пунктов. Потому что каждый момент с тобой был незабываем, и все в тебе выжжено в моем мозгу: твое лицо, твои волосы, твоя кожа, твой смех, твоя улыбка, твои глаза, твои руки, твои ноги, твой запах, твой вкус — о боже, твой вкус. Я буду думать об этом каждый день.

Иногда я задумываюсь о том, что ты почти отказалась ехать в Париж.

Огромное спасибо, что рискнула.

Со всей своей любовью,

Лукас.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net

Имеется в виду песня группы The Madden Brothers "Dear Jane", в которой парень разрывает отношения с девушкой.

Старейший из сохранившихся мостов Парижа через реку Сену

Гимн Франции

в штате Мичиган, высота 15 м.

«Шампанское-бар», расположенный на вершине Эйфелевой башни, и выпитый в нем бокал игристого напитка — это своего рода логическое завершение подъема на главную достопримечательность Парижа.

Рона - река в Швейцарии и Франции.

коммуна во французском департаменте Воклюз региона Прованс — Альпы — Лазурный
Берег.

бывшее бенедиктинское аббатство, в настоящее время — приходская церковь. Самое старое аббатство Парижа, памятник романской архитектуры; находится на левом берегу Сены в 6-м округе французской столицы.

Шоколадный фондан - популярное французское десертное блюдо, кекс из шоколадного бисквитного теста. Его особенностью является твёрдая хрустящая оболочка и жидкая сердцевина.

кинематографический термин, применяемый к голливудским криминальным драмам 1940—х — 1950—х годов, в которых запечатлена атмосфера пессимизма, недоверия, разочарования и цинизма, характерная для американского общества во время Второй мировой войны и в первые годы холодной войны.

Ритм гитара — это гитара, которая исполняет ритмические партии. Она широко применяется практически во всех музыкальных жанрах начиная от поп музыки и заканчивая рок музыкой. Основная функция, которую выполняет ритм гитара — это проигрывание последовательности аккордов, которые составляют основной ритм музыкальной композиции. Музыкальные партии, исполняемые ритм гитарой, обычно звучат фоном, который играет важную роль в формировании структуры музыкальной композиции, он как бы задаёт общий мотив, а еще в совокупности с ударными он формирует так называемый бит — основную ритмическую составляющую.

хоккейный клуб, выступающий в Атлантическом дивизионе

Помешанный на числах кукольный персонаж детского шоу Улица Сезам, вампир, напоминающий Белу Лугоши в роли Дракулы

анисовая настойка